

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**2 (2)
2014**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2014

*Технический редактор
Н. В. Тупицына*

*Редакторы:
Е. А. Амирсейидова
Е. А. Лебедева*

*Автор перевода
Т. Н. Федуленкова*

*Верстка оригинал-макета
Л. В. Макаровой*

За точность и добросовестность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы

*Адрес учредителя:
600000, Владимир,
ул. Горького, 87.
Владимирский
государственный
университет имени
Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых*

*Адрес редакции:
600014, г. Владимир,
пр-т Строителей, д. 3/7,
ауд. 231^а*

*Подписано в печать 30.09.14.
Заказ №*

*Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 14,88
Тираж 500 экз.*

*Отпечатано в отделе
оперативной полиграфии
Издательства
Владимирского
государственного
университета имени
Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых
600000, Владимир,
ул. Белоконской, 7.*

Редакционная коллегия серии «Социальные и гуманитарные науки»

<i>Е. М. Петровичева</i>	доктор ист. наук, профессор директор Гуманитарного института (главный редактор серии)
<i>Е. И. Аринин</i>	доктор филос. наук, профессор зав. кафедрой философии и религиоведения (зам. главного редактора серии)
<i>М. В. Артамонова</i>	кандидат филол. наук, доцент декан Филологического факультета
<i>И. Й. Деретич</i>	доктор филос. наук, профессор руководитель проекта «История сербской философии», Философский факультет, Белградский университет
<i>В. В. Жданов</i>	доктор филос. наук университета Фридрих-Александра Эрланген-Нюрнберг (Германия)
<i>И. Я. Кантеров</i>	доктор филос. наук, заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова
<i>Ю. В. Кривошеев</i>	доктор ист. наук, профессор зав. кафедрой исторического регионоведения Исторического факультета СПбГУ
<i>Т. Л. Лабутина</i>	доктор ист. наук, профессор ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
<i>И. К. Лапишина</i>	доктор ист. наук, профессор зав. кафедрой новой и новейшей истории
<i>А. В. Лубков</i>	доктор ист. наук, профессор проректор Московского педагогического государственного университета
<i>С. А. Мартянова</i>	кандидат филол. наук, доцент зав. кафедрой русской и зарубежной литературы
<i>И. И. Нечаева</i>	кандидат соц. наук, доцент кафедры социологии
<i>М. В. Пименова</i>	доктор филол. наук, профессор зав. кафедрой русского языка
<i>Т. Н. Федуленкова</i>	доктор филол. наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации
<i>Т. А. Филановская</i>	доктор культурологии, доцент кафедры эстетики и музыкального образования

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Т.Л. Лабутина Жизнь и деятельность британского инженера Джона Перри в петровской России.....	5
Н.В. Аронина Противостояние России и Великобритании в Эфиопии в начале XX века.....	30
С.М. Усманов Николай Данилевский и «Русская цивилизация»	35
И.А. Николаева Губернская администрация периода думской монархии в системе взаимоотношений с центральной властью (на примере Владимирской губернии)	42

ФИЛОЛОГИЯ

И.А. Костылева Феномен «нового реализма» в русской литературе XXI века	58
С.А. Мартыанова Проблема иконичности в рассказе А.И. Солженицына «Пасхальный крестный ход» ...	66

ФИЛОСОФИЯ

П.А. Белоусов Лингвофилософское измерение языкового насилия в русской культуре.....	72
Л.С. Андреева Тема гуманистического измерения истории в современной философии истории	84
И.Я. Кантеров Методологические и религиоведческие аспекты «Списка экстремистских материалов» Минюста РФ	93
Н.С. Катунина Способы конституирования внутренней жизни человека	99
Т.А. Филановская Культурные индустрии и формирование человека культурного.....	108

СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

А.Е. Еремеев Зарождение научной социологии в России	114
И.И. Нечаева, В.С. Щитко К вопросу о понятиях «человеческий капитал» и «человеческий потенциал».....	120
Сведения об авторах	126

CONTENTS

HISTORY

T.L. Labutina Life and activities of the British engineer John Perry in Peter's Russia	5
N.V. Aronina The resistance of Russia and Great Britain in the Ethiopian empire in the beginning of XX century	30
S.M. Usmanov Nicolas Danilevsky and "Russian civilization"	35
I.A. Nikolaeva Relationship of provincial administration and the central power in the duma monarchy period (in the case of the Vladimir province).....	42

PHILOLOGY

I.A. Kostyleva The phenomenon of "new realism" in Russian literature of the XXI century	58
Martyanova S.A. The problem of iconicity in the A.I. Solzhenitsyn's story «The Easter religious procession».....	66

PHILOSOPHY

P.A. Belousov Linguistic and philosophical measuring the language of violence in Russian culture.....	72
L.S. Andreeva Subject of humanistic measurement of history in modern philosophy of history.....	84
I.J. Kanterov Methodological and religious aspects aspects of "List of extremist materials" of Ministry of Justice of the Russian Federation.....	93
Katunina N.S. Ways of the institutionalization of internal human life.....	99
T.A. Filanovskaya Cultural industries and the formation of the cultural personality.....	108

SOCIOLOGY, POLITICAL SCIENCE

A.E. Eremeev The genesis of Russian scientific sociology.....	114
I.I. Nechaeva, V.S. Shitko On the notions of "human capital" and "human potential"	120
INDEX OF PARTICIPANTS	126

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БРИТАНСКОГО ИНЖЕНЕРА ДЖОНА ПЕРРИ В ПЕТРОВСКОЙ РОССИИ

Статья посвящена изучению жизни британского инженера Джона Перри в России в правление Петра I. Особое внимание уделяется освещению профессиональной деятельности специалиста, а также его впечатлениям о стране пребывания и жителях России в первой четверти XVIII века.

Ключевые слова: Россия, XVIII век, Петр I, британские специалисты, строительство каналов, реформы, впечатления.

Изучая проблему восприятия британской культуры в России в эпоху Петра Великого, мы обратились к интересному источнику – книге Джона Перри «Состояние России при нынешнем царе». Хотя данный труд был переведен с английского и издан в нашей стране еще в 1871 г., однако российскими учеными XIX – XX вв., занимавшимися Петровской эпохой [1, 2, 3, 4, 7, 9, 10], он практически не был замечен. Между тем книга Перри представляет собой содержательное, довольно пространное (180 страниц) и яркое повествование об увиденном в России находящегося на государственной службе у Петра I британского подданного.

Джон Перри являлся уникальным для своего времени специалистом. Не имея специального образования, освоил профессии морского капитана, корабеля, инженера, строителя доков, шлюзов и каналов. Его судьба складывалась необычно. Родился Перри в 1670 г. в Глостершире. Юношей поступил на флот и в 19 лет стал лейтенантом. Спустя год, в битве с фран-

цузскими пиратами, нападшими на судно, которым он командовал, был ранен в правую руку. Поскольку Джон оставался на своем посту без медицинской помощи в течение долгого времени, руку спасти не удалось. Ему казалось, что с карьерой морского офицера навсегда покончено, и в 1690 – 1691 гг. он нашел новое для себя занятие: начал строить сухие доки для больших судов в Портсмуте. Подобная деятельность требовала специальных знаний и инженерных навыков, но Джон Перри со своей работой справлялся блестяще. Возможно, в том помогли ему природная смекалка и опыт морского офицера. Правительство по заслугам оценило изобретения Перри в части осушения доков с помощью мощных насосов, и в 1692 г. он был произведен в капитаны. Спустя год, судно, которым командовал двадцатидвухлетний офицер, на обратном пути из Вест-Индии атаковали два французских корабля. Силы были неравны: английское судно захватили пираты. Перри отпустили на свободу, но по возвращении на родину за уте-

рю судна его обвинили в ненадлежащем исполнении своих обязанностей и приговорили к десяти годам тюремного заключения. Находясь в тюрьме, Перри в 1695 г. написал свое первое произведение – «Инструкции для моряков», в котором предлагал заменить тюремное заключение морякам службой на торговых или военных судах. Впрочем, его собственное заточение продлилось недолго: в 1697 г. Перри был помилован [11]. Он вновь обратился к инженерной деятельности, приступив к строительству доков в Голландии, где, по-видимому, и узнал о пребывании в стране русского царя. А вскоре Перри был представлен Петру I маркизом Кармартенем как человек, «способный быть полезным царю» в его новых предприятиях: основании флота, расширении судоходства рек и пр. Произошло это событие во время визита Петра в Англию в 1698 г.

Петр I решил принять английского капитана к себе на службу, и, как впоследствии оказалось, ему не пришлось в том раскаяться. 17 лет английский инженер прожил в России, а по возвращении на родину издал в 1716 г. книгу, в которой поделился своими впечатлениями о нашей стране. Он подробно рассказывал о том, как занимался работами для водного сообщения между Черным и Каспийским морями (проект Волго-Донского канала), как на воронежских верфях строил доки, способные осуществлять судоходство 80 пушечных кораблей. Перри также исследовал реки Петербургской области с целью устройства водного сообщения с Волгой (проект Волго-Балтийского канала). Помимо

Петербурга, Москвы и Воронежа он посетил многие районы России: Астраханскую губернию, северо-восточные земли вблизи Татарского моря. В своей книге Перри поделился впечатлениями об образе жизни северных жителей России, рассказал о покорении Сибири, о сухопутном сообщении и торговых сношениях с Китаем, описал «татарские орды», населяющие восточные районы страны. Бесспорной заслугой Перри явилось также составление им географической карты России. На основных проблемах, поднятых в книге Джона Перри, мы уже останавливались [5]. В данной статье предполагается осветить ряд новых сюжетов, прежде не рассматриваемых.

Перри рассказывал о том, что предшествовало его знакомству с русским царем, освещая события, связанные с визитом Петра I в Голландию. Он отмечал, что до своей поездки на Запад Петр мечтал о том, чтобы «шагнуть далее предков, и, построив корабли во всех краях своих владений, дать подданным своим возможность вести торговлю в морях Балтийском, Белом и Каспийском, а также и на Средиземном море» [8, с. 89]. Отправляясь на Запад, царь думал о построении собственного флота, а также жаждал изучить «разные усовершенствования» в «чужеземных» странах. Когда Великое посольство в 1697 г. оказалось во владениях герцога Бранденбургского, царь принялся расспрашивать простых работников и мастеров тех искусств, «недостаток которых чувствовался в его стране». С особой тщательностью Петр осматривал «все нововведения, касающиеся морепла-

вания, торговли военного искусства и дисциплины». Однако свою любознательность по морской части он сумел реализовать в полной мере лишь в Голландии и Англии.

В Голландии, по свидетельствам Перри, Великому посольству были оказаны «высочайшие знаки почета»: «высшие власти» республики приказали принять на свой счет путевые издержки посольства на всем протяжении их владений. В Амстердаме «все молодые люди города выехали верхом на великолепно убранных лошадях», чтобы приветствовать русское посольство, в свите которого скрывался сам царь, а «госпожи, толпившиеся на окнах и висячих крыльцах (балконах?), составляли часть украшения этого дня». Вечер закончился великолепными потешными огнями, пущенными на воду перед домом, где разместилось посольство. Между тем царь отклонил все «докучливые предложения», сам выбрал небольшой домик на верфях вблизи моря, чтобы вместе с несколькими из своих подданных, не теряя времени даром, приступить к работе на верфях. Еще до своего отъезда из Москвы, подчеркивал Перри, царь «выучился несколько говорить по-голландски, преимущественно изучая термины, относящиеся до кораблей и корабельного искусства» [8, с. 103 – 105]. Подобные навыки помогли ему в общении с плотниками, вместе с которыми он «работал топором», и, как и они, носил такое же платье, чтобы не быть узанным. В Голландии Петр впервые увидел английские корабли и «остался доволен размерами и красотой их». В

Гааге, куда прибыло русское посольство, царь имел «частное свидание» с королем Вильгельмом Оранским, от которого получил приглашение посетить Англию.

В книге Перри содержится краткое описание визита Петра I в Англию в 1698 г. Около четырех месяцев русский царь провел в королевстве, где ему был оказан самый радушный прием. Основное время царь проводил на корабельных верфях в Дептфорде, артиллерийских заводах Вулича, где в лабораториях наблюдал приготовление артиллерийских снарядов и «отвечивал метания бомб». Перри рассказывал, как Петр посетил Тауэр, ему очень понравилось выставленное там оружие, как присутствовал на заседаниях парламента, посещал кафедральные соборы и богослужения секты квакеров, совершил поездку в Оксфорд, чтобы осмотреть знаменитый университет, а также побывал в театре. Впрочем, на взгляд Перри, театральные представления русский царь не любил. «Большую часть времени он предпочитал проводить на воде, – свидетельствовал англичанин, – занимаясь тем, что относилось к мореплаванию и войне. Он часто брал в руки столярные инструменты и в Дептфордских верфях сам работал, как бывало в Голландии. Иногда он посещал кузницы и мастерские оружейников и, кажется, не было такого искусства или ремесла, с которым бы он не ознакомился в больших или меньших подробностях» [8, с. 106 – 107]. Нередко царь приглашал к себе в дом корабелов, которые показывали ему свои чертежи и «способ построить пропор-

ционально какого бы то ни было рода корабли по этим чертежам». Как отмечал Перри, это очень «занимало царя». Он также обращал внимание на то, что Петра I в Англии принимали на самом высоком уровне. Король Вильгельм Оранский выделил в распоряжение царя своих слуг и поваров (Перри утверждал, что и царь, и его придворные были «почетно содержаны на иждивении короля во все время пребывания их») [8, с. 106 – 107], а также позволил набрать к себе на службу тех специалистов, «в которых представлялась ему надобность». Кроме того, король подарил царю одну из самых красивых своих яхт – «Транспорт-роял». Возвращаясь на родину, Петр увозил в Россию нанятых им на службу математиков, корабельных строителей, художников, офицеров, бомбардиров и других специалистов. В их числе оказался и Джон Перри.

Как известно, зарубежное турне Петра I по европейским странам было прервано сообщением о стрелецком бунте, случившемся в России в 1698 г. Царь спешно возвращается на родину, где жестоко расправляется с восставшими стрельцами. Петр сам лично допрашивал главных зачинщиков, приговорив их к смертной казни. Перри свидетельствовал: «некоторые ... были обезглавлены, некоторых – колесовали, а других заживо похоронили». Ощутимую помощь в подавлении бунта царю оказал Патрик Гордон. Перри давал высокую оценку деятельности шотландского генерала, подчеркивая, что еще в правление отца Петра – царя Алексея Михайловича –

тот приобрел благодаря своей военной службе «любовь войска, равно как и уважение целого народа» [8, с. 100]. Однако не столь «заслуженным» оказалось участие Гордона в подавлении стрелецкого бунта. Как свидетельствовал Перри, в войске генерала Гордона большая часть солдат и офицеров были иностранного происхождения, которые жестоко расправились с взбунтовавшимися стрельцами. По распоряжению Гордона каждый десятый мятежник был повешен, до двух тысяч стрельцов казнены [8, с. 117 – 118]. Жуткая картина открывалась перед глазами тех, кто посещал Москву в ту пору: «На протяжении двух миль от города, по всем большим дорогам, ведущим в Москву, устроены были ... виселицы, на которых повешено было множество этих мятежников, и на тех же дорогах воздвигнуты были огромные каменные столбы, на которых вырезано было подробное описание их преступлений... Самые дома, в которых жили стрельцы, приказано было срыть до основания, и имя стрельцов не должно было более употребляться в русском войске: его изменили с этого времени на название «солдаты»... Стрельцы, «которых считали более невинными, или не столь тяжко виновными, как прочие, ... были отправлены в Сибирь, а другие сосланы в Астрахань, Азов и в другие окраины царства вместе с их женами, семействами и близкими родственниками, обреченными страдать вместе с ними» [8, с. 119].

Расправившись со своими врагами, Петр I приступил к преобразованиям в стране, следуя во многом за-

падным, и в первую очередь, английским образцам. Надо заметить, что к самому царю Перри относился «с почетом и уважением», утверждая, что готов был служить ему до конца своей жизни, если бы не «злонамеренные козни» его бояр. Он высоко оценил реформаторскую деятельность Петра. «Царь обращает особенное внимание на то, чтоб его подданные сделались способными служить ему во всех этих делах, – утверждал Перри. – Для этой цели он не жалеет трудов и постоянно сам работает в среде этих людей, отдает приказания, делает распоряжения во всем, что только относится до войска и флота, и находит в этом великое наслаждение. О нем можно сказать, что он сам вполне солдат, ... инженер, пушкарь, делатель потешных огней, кораблестроитель, токарь, боцман, оружейный мастер, кузнец и проч.; при всем этом он часто сам работает собственноручно и сам наблюдает, чтобы в самых мелких вещах, как и в более важных распоряжениях, все было исполнено согласно его мысли» [8, с. 179].

Рассмотрению петровских реформ Перри уделял большое внимание. Царь начал с того, писал Перри, что «поставил на совершенно новую ногу не только гвардию, но и все войско подчинил новой дисциплине, почерпнутой им из наблюдений его за границей» [8, с. 10, 119]. Впрочем, не только дисциплина, но и новая форма, введенная в армии, была заимствована у западноевропейских государств. Прежде русское войско было одето в длиннополые кафтаны. Царь приказал одеть свое войско в формен-

ные мундиры, «с некоторыми различиями цвета и опушки сукна, по обыкновению всех европейских народов» [8, с. 120, 173]. Перри отмечал, что на многие офицерские должности были поставлены иностранцы. Он подчеркивал: начав войну со шведами, Петр «с каждым днем укреплял все более и более свое войско, удерживая в службе своей иностранцев». Большим достижением для русской армии стало, на его взгляд, и введение царем «правильной артиллерии», что позволило русскому войску с успехом осаждать любые крепости врага.

Главное внимание Петр уделял строительству флота. Сразу же по возвращению на родину царь отправился в Воронеж, где заменил на верфях голландцев английскими мастерами. Перри утверждал, что Петр надумал строить свои корабли исключительно по английскому образцу еще в пору своего пребывания в Англии. Тогда же он пригласил к себе на службу нескольких кораблестроителей и мастеров во главе с мистером Э. Дином. Впрочем, царь не ограничивался строительством судов на российских верфях, но и отдавал распоряжения своим эмиссарам приобретать суда в Англии. Перри считал это вполне оправданным, полагая, что строительство кораблей в России обходится так дорого, что дешевле их было бы выписывать готовыми из Англии [8, с. 106, 28].

Среди первых реформ царя после его возвращения с Запада была перестройка управления всего государственного аппарата. Как отмечал Перри, царь «произвел выбор» членов Тайного совета (Боярской Думы – *Т.Л.*) и

начал проводить дела, «касающиеся до управления государства». Преобразования затронули и приказы. Изменился также порядок оформления казенных бумаг. Теперь не выписывались так пространно, как прежде, все титулы царя, в чем Перри усматривал английское влияние [8, с. 153]. Одним из первых мероприятий в части реформирования финансовой системы стало устройство царем Ратуши – «присутственного места для улучшения способа сбора царских доходов», которое было заимствовано, по мнению Перри, у голландцев. В Ратуше должны были заседать «достопочтенные лица», избираемые из среды купцов, получивших название бургомистров. Они, в свою очередь, назначали чиновников для того, чтобы «подводить расчет и собирать доходы», а также давали поручения лицам, которых отправляли в малые города владений его величества, чтобы «собирать пошлины, ... извлекаемые в пользу его величества из продажи пива, водки и меда, ... что составляет одну из главных отраслей царских доходов» [8, с. 123].

Среди петровских нововведений внимание Перри привлекла денежная реформа, в результате которой старые деньги в России были переплавлены и вместо них появились «новые копейки и денежки, весом в пять раз ниже прежних», причем копейки делались с примесью, а не из чистого серебра, как прежде. Подобная реформа не нашла поддержки среди народа, свидетельствовал Перри. Люди стали копить старые деньги и неохотно с ними расставаться, посему был издан указ, со-

гласно которому все, кто возвращал старые деньги, получал за них новые с прибылью в 10 %. В результате этой меры пострадали также иностранцы, подчеркивал англичанин. Впрочем, очень скоро они нашли выход из создавшегося положения: предусмотрительно заключали договор, по которому жалованье им выплачивалось через купцов по существующему курсу фунта стерлинга.

Рассказывал Перри еще об одном нововведении царя: создании аппарата чиновников – «прибыльщиков», которые получили полную власть «распределять ту или другую отрасль податей и пошлин, собираемых в пользу царя». Они были наделены широкими полномочиями: могли входить в любой дом, производить обыск, чтобы изъять скрытые товары, взимать «тягостные пошлины» со всего народа. Примечательно, что в подобном нововведении Перри также усмотрел прежде всего урон для иностранных, в том числе британских, купцов, полагая, что это создало им «величайшее затруднение»: купцы должны либо покориться и принять товары по ценам с учетом новых пошлин, либо возвратиться домой без грузов [8, с. 160 – 164]. Надо признать, что не только институт «прибыльщиков», введенный Петром I, удостоился осуждения Перри. Ему не нравились вообще все высокопоставленные царские чиновники. «У царя нет честных и способных министров, могущих помочь ему в делах, относящихся до торговли и распределения его доходов», – утверждал англичанин и далее продолжал: «Его величество занима-

ется распоряжениями, относящимися до войска и приготовлениями для кораблей, делает часто чертежи собственными своими руками, строит корабли и исчисляет размеры мачт, парусов и такелажа, военных кораблей, яхт, ... Бояре же его, довольные тем, что внимание его отвлечено в эту сторону, сами тем временем стараются удержать в своих руках дела, относящиеся более непосредственно к торговле и повинностям, лежащим на народе» [8, с. 161 – 162].

Перри остановился также на проведении Петром I церковной реформы. Вскоре после своего возвращения из путешествия, писал англичанин, царь для облегчения налогообложения торговых людей, а также одновременно с целью увеличения государственных доходов издал указ о взимании по всей России податей со всех монастырских земель, поскольку они владели «лучшими землями и деревнями». Затем Петр приказал, чтобы никто, моложе 50 лет, не был принят в монастырь, поскольку считал, что «заключение в монастырях такого множества молодых людей приводило их к бесполезной жизни и препятствовало размножению народонаселения в то время, когда люди были столь необходимы для войн его». Кроме того, Петр рассчитывал, сократив число монахов, «взять в свою пользу часть их доходов, так как тогда потребовалось бы меньшее количество деревень на содержание их». Царь воспротивился также избранию нового патриарха. После смерти патриарха Адриана Петр ввел новую должность «местоблюстителя патриаршего престо-

ла», исполнявшего функции духовного пастыря. Как отмечал Перри, «этот странный и изумительный оборот дел возбудил сильное волнение в среде высшего духовенства» [8, с. 125, 123]. Кроме того, царь приказал ограничить количество икон в домах, а также на кораблях. Упомянул Перри и о снятии колоколов с церкви для переплавки на пушки. Подобная мера, на взгляд англичанина, позволила русской армии устоять в войне против шведов, одновременно вызывая недовольство подданных царя, особенно священнослужителей.

Перри освещал и другие реформы Петра I. Так, он упоминал об открытии кабаков для распития спиртных напитков, поскольку крестьянам было запрещено самим варить пиво или гнать водку. Спустя несколько лет, продолжал Перри, в России «сделано было еще большее ограничение»: никто не мог варить пиво в собственном доме, для своего семейства, «не заплатив столько-то за свидетельство на право пивоваренья каждый раз, когда это делал; в стране этой никому не дозволялось также гнать водку, ни покупать, или держать в доме своем куб для перегонки» [8, с. 124]. Таким способом, констатировал Перри, царь пополнял государственный бюджет.

Петр отменил также запрет на курение табака. Прежде, отмечал Перри, употребление табака в России было воспрещено патриархом «как нечистая и противорелигиозная вещь». Находясь в Англии, царь даровал привилегию на ввоз английского табака маркизу Кармартену. «Прибыль, которую лорд извлек из этого дозволения, – отмечал

Перри, – заключалась в пяти шиллингах с бочонка».

Не забыл Перри упомянуть и о требовании Петра от подданных переменить свой внешний вид на западный манер. Царь отдал приказание, чтобы все бояре и приближенные ко двору, «под страхом подпасть в немилость», оделись по английской моде в кафтаны из тонкого сукна, обшитые серебром или золотом, смотря по средствам каждого. Затем царь приказал вывесить на всех воротах Москвы образец этого сукна и объявить, что все (кроме простых крестьян, приносивших в город товары и съестные припасы) обязываются шить себе платье по такому образцу, и что всякий, кто ослушается этого приказания, будет обязан или заплатить две гривны, или стать на колени у городских ворот, «чтобы кафтан его обрезали в уровень с землею и окоротили на всю ту длину, которая окажется лишнею против его роста». Подобным способом, констатировал Перри, было укорочено несколько сотен кафтанов. Все это делалось, на взгляд англичанина, добродушно, «вызывало веселость в народе», и потому вскоре уничтожило обычай носить длинные кафтаны. Женщинам, преимущественно придворным господам, английская мода, на взгляд Перри, очень понравилась [8, с. 127 – 128].

Иначе дело обстояло с другим указом Петра, который затрагивал бритье бород. «Русские положительно питали некоторого рода религиозное уважение к своим бородам, – писал Перри, – тем более, что это ставило различие между ними и иностранца-

ми, а священники поддерживали их в этом обычае, приводя в пример то, что все благочестивые мужи в древности носили бороду, согласно тому, как на иконах изображают святых». Они гордились бородами, расчесывали их, приглаживали, заботились о красоте их и старались сохранить в целости каждый волос. Царь же велел обложить ежегодной податью в сто рублей всех дворян и купцов (простолюдинов – податью в 1 копейку каждый раз, когда проходили через ворота города) за право носить бороду, чтобы русские люди «с виду походили на прочих европейцев». Это распоряжение, продолжал Перри, считали в то время «почти грехом со стороны царя и покушением на религию, и смотрели на это, как на великое притеснение, приписывая его влиянию иностранцев». Не удивительно, что в Москве стали появляться подметные письма, в которых царя упрекали в «тиранстве и язычестве за то, что он заставлял ... расстаться с бородами» [8, с. 126].

И еще одно нововведение Петра вызвало недовольство народа: введение летоисчисления с 1 января. Царь издал указ, по которому «никто под страхом наказания не смел считать начало года по старинному обычаю, которого до сих пор придерживались русские». Петр приказал праздновать наступление Нового года целую неделю «при пушечных выстрелах и со звоном колоколов», улицы украсить «развивающимися разноцветными знаками», а большие дома иллюминировать. Все это царь сделал, подчеркивал Перри, «невзирая на то, что недовольные смотрели на это, как на важное новов-

ведение, подрывающее основание их вероисповедания. Они подчинились этому указу только из страха» [8, с. 152].

Приведенные автором книги сведения о реформаторской деятельности Петра I позволяют не только составить представление о сущности и характере реформ царя, но и об отношении к ним российского общества. По сути дела петровские реформы были встречены «в штыки» всеми слоями общества. Перри отмечал, что дворяне были недовольны финансовыми нововведениями, которые «отсекали у них значительную отрасль их власти», но принуждены были покориться единственно из опасения, что «несколько голов будет отрублено для примера за ослушание». Недовольство у большей части дворянства вызвало также то, что их против воли заставляли переселяться с семьями в Петербург, где они «обязаны строить себе новые дома, и где все съестные припасы дороже, чем в Москве, а корм для лошадей в 6 или 8 раз ценнее». А поскольку не только дворяне, но и купцы должны были переселяться в Петербург, «все это стечение народа повышает цену на съестные припасы и приводит в стесненное положение тех, которые поставлены в необходимость жить тут для сухопутной или морской службы, для построек и для всех тех работ, которые царь уже привел в исполнение и еще намеревается исполнить». Между тем в Москве все господа имеют собственные дома – «огромные здания», а также дачи и деревни, где устроены у них рыбные пруды и сады, «с множеством разно-

родных плодовых деревьев, и всякие увеселительные места». В Петербурге же ничего подобного нет. Наконец, Москва – это их родина и самое любимое место, где они окружены друзьями и знакомыми, и потому, когда они сходятся вместе, то жалуются и говорят, что «в Петербурге достаточно слез и воды, и что они молят Бога о том, чтобы вернуться опять на житье в Москву» [8, с. 168 – 169].

Враждебно настроенными к заимствованному у иностранцев реформам были и бояре, которые «роптали на то, что царь вполне прилепился к иностранцам, сам ежедневно ходил в дома их и свободно допускал их беседовать с собою». Большое недовольство действиями Петра I выражало духовенство. Не принимали реформы царя и простые люди. Один из лишившихся бороды – плотник из Воронежа – в беседе с Перри заявил, что спрячет свою бороду для того, чтобы после смерти ее положили с ним в гроб, и что в загробной жизни он даст отчет о ней святому Николаю угоднику. Лишь немногие нововведения царя пришлись по сердцу русским людям. К их числу Перри относил указы Петра о посещении женщинами ассамблей и о запрете браков по принуждению [8, с. 128 – 129]. В целом же обстановка в стране складывалась таковой, что грозила, по мнению Перри, восстанием. «Несомненно, – утверждал он, – что если бы царь потерял битву при Полтаве, то не только между казаками, но и между русскими произошло бы восстание; русские также были везде подготовлены к возмущению и во многих местах уже

брались за оружие в надежде получить облегчение в притеснениях, которые терпели под царским правлением. Они восстали бы тоже, в предположении получить возможность вернуться к прежним своим суевериям и невежеству и избавиться от ненавистных им иностранцев. Кроме того, во время этих долголетних войн на них тяготели непомерные налоги, и требовалось большое количество людей в армию и для исполнения разных предприятий царя; по всем границам воздвигались и вооружались укрепления, в которые не только солдаты, но и дворяне с крестьянами обязаны были, по царскому повелению, переселиться на жительство; строился флот и предпринимались работы для заведения судоходства по рекам; все это русские считали ненужным, так как ни они, ни отцы их не имели об этом понятия и без этого прожили» [8, с. 152, 97, 18 – 19]. Как видно, реформаторская деятельность Петра проходила в обстановке неприятия и осуждения со стороны большинства его подданных.

Большую вину за все невзгоды в российском государстве, связанные с реформами Петра, народ возлагал на иностранцев, которые появились в стране. Известно, что сам Петр всегда приветливо обращался к иностранцам, всячески их задабривал, позволял строить за свой счет им дома (для самого Перри, а также для Лефорта), не пропускал ни одной свадьбы между иностранцами, «обыкновенно приходил почтить ее своим присутствием, и нередко давал невесте подарок, соответственный необыкновенным издержкам, которые требовались на эти

угощения, особенно если жених был из числа офицеров, только что приехавших в страну». Царь также беседовал с иностранцами с большим удовольствием [8, с. 128 – 129, 90].

Между тем православные с возмущением относились к иноверцам, и даже в тех редких случаях, когда дозволяли им входить в церкви, после их визита церковь очищали святою водою и курением фимиама. Иностранцев также не дозволяли хоронить на русских кладбищах. Однако, свидетельствовал Перри, поскольку сам царь «вместе с некоторыми из своих господ, часто ходит в иностранные церкви, находящиеся в предместьях Москвы, преимущественно же на погребение иностранцев, пользовавшихся его особенным уважением, то с этих пор иностранцам открыт свободный доступ в русские церкви». Естественно, что подобные действия и царя, и иностранцев вызывали широкое недовольство в народе. Реформаторская деятельность Петра, тесно связанная в народном сознании с «засилием» иностранцев в России, порой приводила к открытым выступлениям против них. Так, в 1703 г. в Астрахани, как свидетельствовал Перри, все «чужестранцы», находившиеся в городе, «сделались жертвою мести и были изрублены, не исключая женщин и детей». В числе погибших оказался британский подданный капитан Мейер. Иностранцы порой становились также жертвой нападения на улицах городов. Так, Перри сообщал, что на одного из помощников известного математика Фаркертсона, приглашенного в Россию для устройства Навигацкой

школы, вечером, когда тот возвращался домой, напала «шайка мошенников». Сам мистер Фаркерсон чуть не подвергся той же участи [8, с. 150, 63, 138]. Неудивительно, что британские купцы не советовали негодянтам из Испании и Португалии наниматься на службу в Россию, утверждая, что в этой стране «положение иностранцев небезопасно».

Известно, какое важное место в деятельности Петра сыграли реформы, направленные на просвещение и образование подданных. Книга Перри еще раз это подтверждает. Автор отмечал, что до Петра в России изучение иностранных языков и чтение зарубежных книг встречало противодействие православной церкви. Священники внушали царям, что «введение в употребление иностранных языков могло послужить к водворению в стране иностранных обычаев и нововведений, могущих со временем оказаться опасными не только для церкви, но и для государства». Перри подчеркивал, что прежде в России не существовало ни университета, ни другого высшего учебного заведения (почему-то он не упомянул об открытии в 1685 г. Славяно-греко-латинской академии – *Т.Л.*). Англичанин высоко оценил действия царя, направленные на открытие математических и образовательных школ в стране. Согласно царскому указу каждый владелец поместья с ежегодным доходом в 500 руб. был обязан обучать своего сына, под угрозой лишить его наследства, чтению, письму и латыни либо другому иностранному языку. Одобрял Перри и действия царя, направленные на под-

готовку специалистов за рубежом, в Англии, Голландии, Италии. Он подчеркивал, что в Британии «студенты» в основном обучались ремеслам, относившимся, прежде всего, к кораблестроению и артиллерии. Из этих студентов «образуют кораблестроителей, канатных мастеров, парусников, кузнецов». Целям просвещения отвечали и другие указы царя: об устройстве типографии, издании переведенных с иностранных языков книг, преимущественно «по части богословия и нравственности». Перри полагал, что все это делалось царем с целью внушения своему народу правил добродетели и лучших понятий «о совести и человечности» [8, с. 136, 142 – 143, 178].

Особое место в книге занимает описание профессиональной деятельности Перри. Автор повествует, как был нанят на службу самим царем во время его визита в Англию, что ему были обещаны ежегодное жалованье в 300 ф. стерл., а также оплата путевых расходов и вознаграждение, «способное его удовлетворить», по окончании каждой из выполненных работ. Из Москвы Перри был незамедлительно отправлен в Астраханскую губернию, чтобы завершить работу, начатую его предшественником – немецким инженером полковником Брекем, по устройству Волго-Донского канала, необходимому для прохода судов из Каспийского в Черное море. Подобное предприятие, полагал Перри, сулило большую выгоду царю, особенно в случае возможной войны с турками, крымскими татарами, Персией, «или с одной из стран, прибрежных к Каспийскому морю». Однако Брекем со

своим заданием не справился, представив, как полагал Перри, скорее всего, ошибочный план канала, в результате чего первый из устроенных им шлюзов сорвало. Испугавшись гнева российских властей, инженер срочно выхлопотал паспорт для одного из своих слуг под предлогом отправки его за границу для закупки необходимых материалов, а сам с этим паспортом бежал из страны. Впоследствии он переименовал имя и поступил на службу к туркам, воздвигая укрепления на обеих сторонах Керченского пролива. Доделывать начатую немцем работу в России пришлось Перри. На протяжении трех лет, с 1698 по 1701 гг. он занимался строительством канала и шлюзов. На работах было занято 10 тыс. человек, но это было «второе меньше» необходимой для подобного строительства рабочей силы, сетовал мастер. Перри огорчился не только из-за нехватки людей и необходимого для строительства материала, но и из-за препятствий, которые ему чинили бояре, питавшие к реформам царя, начатых по совету иностранцев, явное «предубеждение». Так, губернатор Астраханской губернии князь Б.А. Голицын активно противился строительству шлюзов, как полагал англичанин, из-за своей «ограниченности и некомпетентности». Князь Голицын считал, что строительство канала «тягостно для государства» из-за огромного числа рабочей силы. Да, и вообще, если Бог, создавая реки, дал им известное течение, то со стороны человека было бы «неразумным высокомерием» стараться направить их в другую сторону. Как бы то ни было, но князь упо-

требил все свои усилия, чтобы «предприятие было остановлено, как неудобноисполнимое», заключал Перри [8, с. 2 – 5].

В 1702 – 1703 гг. Перри занимался строительством шлюзов в Воронеже и поднял 15 судов (некоторые из которых были 50-пушечные), расположив их для починки на блоках, как это делалось у него на родине. В 1704 – 1705 гг. Перри работал на строительстве шлюза от Воронежа до реки Дон. Шлюзы имели ширину до 43 футов (1 фут = 30,48 см) и были настолько глубоки, что поднимали воду для прохода самых больших в ту пору 80-пушечных кораблей. Англичанин исследовал также возможности устройства судоходного сообщения от Волги до Петербурга через Ладожское озеро. Примечательно, что при организации строительных работ мастер учитывал климатические условия России. К примеру, чтобы выпускать сильный наплыв воды, вызванный таянием снегов во время ледохода, он устроил подъемные шлюзы. В результате возведенные им дамбы оказались «прочными и твердыми» и не пострадали от ледохода. Кроме того, Перри соорудил особый снаряд для выкачивания воды, который мог работать днем и ночью на протяжении нескольких месяцев, откачивая до 10 – 12 тонн воды в минуту. Прделанная работа была высоко оценена царем, который, с гордостью констатировал Перри, остался ею «чрезвычайно доволен».

Однако не все так гладко складывалось в профессиональной деятельности английского инженера. К

примеру, при выборе места для строительства верфей Перри счел песчаные почвы под Воронежем совершенно непригодными. Чтобы отстоять свою позицию, мастеру пришлось не только представить чертежи вместе с проектом, а также приложить «математическую фигуру», но даже обратиться за поддержкой к английскому посланнику в России лорду Чарльзу Уитворту и консулу Ч. Гудфело. Не всегда оказывались востребованными и инициативные предложения инженера. К примеру, проект Перри о постройке сухих доков для починки и хранения кораблей, гнивших в ту пору под открытым небом в Воронеже, был доложен царю адмиралом Ф.М. Апраксиным в самом «превратном виде», как об устройстве «неудобоисполнимой» затеи. Не учли замечаний мастера, высказанных им по поводу укрепления бастионов по берегу реки Неглинки в Москве. В результате возведенные там сооружения очень быстро пришли в негодность и разрушились.

Особое беспокойство, недовольство и законное возмущение вызывали у Перри постоянные и продолжительные задержки с выплатой ему оговоренного по контракту жалованья. Когда Перри вызвали в Москву, он стал ходатайствовать о жалованье, заявляя, что до сих пор получал только деньги на пропитание, по 25 рублей в месяц. Указанную сумму царь оговорил, когда инженер приехал в Россию, причем приказал выдавать эти деньги отдельно от жалованья в 300 ф. стерл. Однако генерал-адмирал Ф.М. Апраксин, наблюдавший за ходом строительных работ, лишь обещал

сделаться покровителем Перри и помочь ему «выхлопотать все недоплаченные деньги» после того как будет выполнена очередная работа. И так продолжалось всякий раз, как только англичанин обращался с просьбой о выплате обещанного ему по контракту жалованья. В результате Перри пришел к заключению, что лорд Апраксин «мало заботился о честном исполнении своего слова и обещаний». «Дело мое затянулось, как и прежде, и минута получения денег опять отсрочилась, – продолжал свою исповедь о мытарствах англичанин. – Его Вельможность (Апраксин) сказал мне, что деньги мои не убегут от меня, и что я в эту минуту не крайне в них нуждаюсь; и в то же время уверял меня, что я не могу окончательно свести мои счета помимо графа Головина, который первый принял меня в царскую службу. Как бы то ни было, но Его Вельможность, вероятно, чтобы поддержать меня в терпении, после исполнения мною каждой из выше означенных работ, делал мне небольшой подарок, ценности, примерно в 250 фунтов стерлингов» [8, с. 6 – 8, 16]. Когда же, в конце концов, мастеру заплатили, то оказалось, что он понес убытки в 38 %, так как с ним расплатились новоотчеканенной монетой.

Однако на этом сложности Перри не закончились. Ему не разрешили покинуть Россию, чтобы выехать на родину в отпуск, из-за опасений, что он не возвратится и не завершит начатую работу. Наконец, чтобы получить окончательный расчет, мастеру пришлось написать в феврале 1710 г. докладную записку о своих злоключениях

ях самому царю, в которой Перри заявлял следующее: «...В настоящее время, после 12-летнего доказательства моей верности в службе, я имею право надеяться, что несправедливое подозрение на счет возможности моего побега за границу уже достаточно устранилось. Так как милости и щедроты его царского величества ежедневно распространяются на великое множество людей, которые из чужих стран поступают к нему на службу, то я смею надеяться, что не буду в числе их исключением, представляя собой несчастный пример злополучия и разорения, после того как в течение стольких лет полагался на милостивые обещания его царского величества относительно уплаты моего жалованья, и потратил лучшие дни моей жизни и все мои усилия, стараясь по лучшему разумению посвятить их на службу его величества во всех тех поручениях, которые на меня возлагались» [8, с. 26]. Надо признать, что подобные упреки британского инженера в адрес царских чиновников действительно были справедливы. В то же время нельзя не упомянуть, что положение Перри не было уж таким плачевным, как можно было бы судить на основании вышеприведенного послания к Петру I. Как сам признавал англичанин, он периодически получал подарки стоимостью до 250 ф. стерл., построил для себя дом в Воронеже по своему вкусу «на счет царя» и т.д. [8, с. 72]. Тем не менее совершенно очевидно, что затянувшаяся эпопея с получением жалованья и предоставлением отпуска на родину самым нелестным образом отразилась на впечатле-

ниях британского инженера как о приближенных царя, боярах, так и о русских людях в целом.

В книге Перри содержатся типичные для любого иностранца впечатления о стране пребывания, а также о ее народе. Англичанин признавал, что Россия занимает по большей части «красивое и восхитительное местоположение», она «испещрена пастбищами и пахотной землей, лесами, озерами, реками». Страна плодородная, в ней есть все, «что потребно для жизни человека», богата рыбой и хлебом, изобилует лошадьми и скотом, в лесах водится множество дичи. В «величайшей из рек» – Волге в большом количестве водится белуга, из которой добывают икру, «весьма вкусную». Ее в большом количестве продают по всей Европе. В реке водится также много осетров, стерлядей, красных судаков, окуней, раков, карпов, шук, линей и других речных рыб; также встречаются небольшие черепахи. Из всех рыб, которыми изобилует Россия, по мнению Перри, самая вкусная – лососина.

Перри перечислял те предметы экспорта, которые шли на Запад (поташ, кожи, меха, полотно, лен, пенька, тюленья кожа, ворванное сало, канифоль, смола, деготь, икра, сало, мед, воск и рыбий клей). Наиболее важной статьей экспорта России британский инженер посчитал корабельный и строевой лес, который, как известно, в большом количестве закупался англичанами.

В царских владениях добывают также серу и селитру, продолжал Перри. Он отмечал, что в окрестностях Моск-

вы, на многих небольших реках устроены пороховые заводы, где иностранцы делают значительное количество пороха, причем не только «для потребности царя, но и чтобы сбывать его другим народам». В Казанской губернии находятся также залежи медной руды, а вблизи Москвы и по берегам Онежского озера – железной руды. Перри с удивлением отмечал, что русские научились «вырабатывать железо для разнородного употребления», и прежде всего для изготовления оружия, и что это оружие и другие металлические изделия в силу «дешевизны материала и рабочей цены» выставлялись для показа за границей с целью его продажи еще до приезда англичанина в Россию (т.е. до начала петровских реформ – *Т.Л.*) [8, с. 65, 156 – 159].

Перри остановился на описании городов, которые ему довелось посещать. Первый большой город, куда он приехал, был Новгород, на взгляд англичанина, «один из самых значительных и населенных городов России». Поначалу он был исключительно торговым, но в последнее время «сделался сборным местом для войск, и во время войны служил складочным местом». В Новгороде и его окрестностях расположено 72 монастыря, главный из которых посвящен Св. Антонию. Историю о знаменитом святом Перри подробно рассказал в своей книге [8, с. 109 – 112]. Петербург Перри застал в пору строительства. Уже ко времени его приезда в новую столицу там строилось множество магазинов и кладовых для купцов. Предполагалось по улицам города проко-

пать каналы, как в Амстердаме, и устроить пристань для царского флота и купеческих судов. Что касается Москвы, то поначалу город «с множеством церквей, монастырей, боярских и дворянских домов, колоколен, куполов, крестов над церквами, позолоченными и раскрашенными» показался ему очень красивым. Перри представил, что это «самый богатый и красивый город в мире». Когда же англичанин разглядел Москву ближе, то оказался разочарован. Проезжая по улицам, он заметил, что дома, за исключением богатых домов бояр, построены из дерева и «очень непредставительны с виду». Стены и изгороди также деревянные, и сами улицы выложены деревом «посредством сосновых балок». Все это способствует частым пожарам, приносящим огромные убытки казне и жителям города. «Достоверно, что в течение времени, проведенного мною в России, – утверждал Перри, – собственно город Москва от этих случайных пожаров пострадал в пять раз более, чем от всех налогов и военных издержек» [8, с. 170].

Делясь своими впечатлениями о жизни в России, Перри нередко следовал тем стереотипам, которые прочно утвердились в сознании большинства иностранцев, в том числе британцев, побывавших в нашей стране [6, с. 13 – 25]. Речь идет прежде всего о православной церкви и ее обрядах; храбрости, мужестве и выносливости солдат; типичных чертах характера русских людей и т.д. Говоря о православной церкви, Перри подчеркивал, что именно патриарх пользовался «величай-

шим уважением народа» и принимал определенное участие в управлении империей. Он же являлся церковным судьей в делах церкви. После упразднения патриаршества царем весомую роль в церкви стали играть священнослужители, которых Перри обвинял в «великом невежестве», «недостатке чести и честности», в том, что они не умеют должным образом читать проповеди. «Можно сказать, – утверждал Перри, – что верх учености, требуемой в подобных предметах от обыкновенного духовенства,... заключается в следующем: они должны петь и читать внятно, по порядку, установленному для церковной службы, не пользоваться дурною славою между соседями, иметь хороший чистый голос и способность повторять: «Господи, помилуй!» со всевозможною быстротою 10 или 15 раз сряду, не переводя дух, так как это делается обыкновенно в их церквах и при каждой их молитве... Всякий раз, когда случится в разговоре с ними коснуться до вопросов о Боге или нравственности, то они, как и миряне, преимущественно рассуждают о молитвенном обращении к святым и о соблюдении постов». Англичанин полагал, что между русской религией и религией папистов не существует большой разницы в отношении их поклонения святым и соблюдения праздников, убеждения в том, что священник имеет власть отпускать грехи, а также в склонности «поносить и проклинать всех тех, которые не принадлежат к их вере». «В этом отношении, – продолжал Перри, – русские не лучше относятся и к папистам, потому что считают папу римского

хищником и богохульником, взявшим на себя титул главы церкви, который, как они говорят, принадлежит только одному Христу». Русские считают папистов и протестантов «еретиками и язычниками за то, – продолжал Перри, – что они едят мясо, как собаки, которые не соблюдают поста. Самые сильные и жаркие распри между ними, когда зайдет речь о каком вероисповедном разногласии, заключается в том, как складывать пальцы для совершения крестного знамения». Подобные высказывания в адрес православной и католической религий были естественными для человека, принадлежавшего к иной – протестантской конфессии, каким и являлся выходец с Британских островов Джон Перри. Не удивительно, что только английское духовенство заслужило его самых высоких оценок [8, с. 114, 138 – 139, 147 – 149]. Расхожим стереотипом в книге Перри стало описание одного из обрядов православной церкви – крестного хода в Вербное воскресенье.

Высказывания Перри о русских солдатах также не отличались оригинальностью. Англичанин утверждал, что они «более всех других людей в мире годны для службы», поскольку не боятся простуды, могут безопасно путешествовать по степи во время самых суровых морозов и ложиться на ночь спать около костра, разложенного на снегу. «С одной стороны, – продолжал Перри, – эта способность переносить такого рода трудности делает их годными для военной жизни, с другой же стороны, если русский будет иметь сухари... и простую воду, ... то он способен удовлетвориться этим

и идти мерным шагом недели две без остановки. Если же он получает еще от времени до времени чарку водки, то считает себя вполне удовлетворенным и счастливым. Во-вторых, русские ни во что ставят смерть и не боятся ее. Вообще замечают, что когда им приходится идти на казнь, они делают это совершенно беззаботно... На этом основании все те, которые лучше меня могут об этом судить, считают, что при хороших офицерах русские непременно будут отличными солдатами» [8, с. 176 – 177].

Давая положительные оценки русским солдатам, Перри в то же время далеко нелицеприятно отзывался о русском народе в целом. На его взгляд, русские «из всех народов в мире самый вялый народ и тяжел на подъем, когда идет дело о преуспевании в искусстве или науке, и при всяком удобном случае готов возмутиться и принять участие в самых варварских жестокостях в надежде избавиться от рабства, которое наследственно тяготит на нем». Перри рассуждал о «вероломстве и неблагородстве русских в отношении всех тех, кто имеет с ними дело», полагая, что они постоянно «перетолковывают неправильно свои слова» и изменяют своему слову. «Когда они льстят, расточая ласковые речи, и с клятвой уверяют вас в своем уважении, – продолжал англичанин, – то вы всегда должны быть настороже, потому что можете быть уверены, что они имеют намерение предать вас. Чувство стыда вообще так мало в них развито, и так мало связано с понятием о низком деле, что быть хитрецом в народе считается похвальным каче-

ством, ... они никогда не краснеют за совершенные ими плутовства» [8, с. 167, 139].

Касаясь характерных качеств русских людей, Перри, как и многие его предшественники – иностранцы, не мог не затронуть их чрезмерного пристрастия к спиртному. Несмотря на то что русские гордятся тем, что правильно соблюдают посты, но в народе, а также между священниками в праздничные дни существует обыкновение утром ходить в церковь, а после обеда напиться пьяным, и чем больше праздник, тем более считается это извинительным и обычным, утверждал Перри. «В такое время проезжая по улицам Москвы, в вечер великого праздника, вы видите священников, равно как и других людей, лежащих пьяными на улицах. ... Напиться же пьяным нимало не считается непристойным для женщины, и не только женщины низкого происхождения, но даже знатные и светские женщины, нисколько не стесняются признаться, что они были пьяны...». Перри упоминал о странном для иностранцев обычае при дворе – спаивать гостей, чтобы доказать гостеприимство и радушие хозяев. Гостей принуждали пить, и «доходило до такой степени, что двери и ворота замыкали, и к ним приставлялась стража, чтобы никто не мог выйти, прежде чем получит свою долю». Подобный «наиразрушительнейший», по мнению Перри, обычай просуществовал до 1705 г., когда в страну прибыл чрезвычайный посол Англии Ч. Уитворт. Он-то, продолжал англичанин, «так сильно восставал против того, что в этом отношении

лишают его свободы; и во всех благородных и приятных увеселениях, которые он у себя устраивал, он подавал пример и повод к уничтожению этого ... обычая, и вот уже несколько лет, как приневоливание не употребляется в общественных увеселениях, и всякий человек волен пить столько, сколько ему самому приятно и угодно». Однако среди простого народа обычай напиваться пьяным в день праздника какого-либо святого еще господствует, утверждал Перри. Причем таких праздничных дней у русских бывает много в году [8, с. 147 – 148].

Особый интерес в книге Перри представляют его впечатления о событиях, связанных с победой русских под Полтавой в 1709 году. Англичанин «прояснил» роль Мазепы, поведав, как тот вел в течение двух лет тайную переписку с королем Швеции, обещая ему при появлении его в стране возбудить восстание с условием, что Украина сохранит свою независимость под покровительством Польши. Однако часть переписки была перехвачена, и замыслы Мазепы открылись. Гетману не оставалось ничего другого, как вместе со своими военачальниками бежать к шведскому королю. После раскрытия заговора князь Меншиков «напал на гарнизон Батурина, который предполагалось сдать шведам; повесил губернатора и на городской стене посадил на кол нескольких лиц». Между тем шведский король, невзирая на все неудачи, не желал слышать об отступлении. Поначалу украинские казаки, собираясь небольшими отрядами, помогали королю продовольствием, но вскоре были

рассеяны царским войском. Шведская же армия после каждого сражения все более теряла силы и сокращалась. На состоянии армии сказались и последствия суровой зимы: «многие офицеры и солдаты замерзли до смерти, а другие отмораживали себе руки и ноги». Наконец, в битве под Полтавою в 1709 г. армия шведов была окончательно разбита. Король был ранен, его ближайшие соратники убиты или взяты в плен. Карлу XII вместе с двумя генералами и отрядом в 300 человек, при содействии гетмана Мазепы, удалось переправиться через Днепр и найти убежище в турецких владениях в городе Бендеры. Этой замечательной победой над шведами, утверждал Перри, царь «упрочил за собою свои владения и мог идти далее на пути завоеваний и побед». По случаю Полтавской победы в Москве были воздвигнуты «великолепные победные ворота и пущены блестящие потешные огни. Везде видно было изъявление радости и праздничное торжество» [8, с. 17 – 18].

Следует отметить, что описание России, впечатления о русских людях и реформаторской деятельности Петра I, которыми поделился в своей книге британский инженер, во многом следовали стереотипам, отмеченным в путевых заметках многих иностранных путешественников, посетивших нашу страну в XVIII веке. В то же время в подобной литературе очень редко встречались этнографические зарисовки тех районов и народов Российской империи, которые были колонизированы Петром I или его предшественниками. Перри, волею случая

оказавшийся на территории некоторых из этих земель, оставил подобные записи, которые, безусловно, вызывают интерес современников.

Англичанин рассказывал о намерениях Петра «послать людей с целью снять верную карту страны, как только наступит мир (со шведами – *Т.Л.*), чтобы определить, есть ли возможность кораблям проходить мимо Новой Земли в Татарское море на восток от реки Оби, где можно было бы строить корабли для отправления к берегам Китая, Японии». В результате можно было бы открыть путь для перевозки груза и товаров, частью сухим путем, частью водою, к тому порту, где царь решит устроить заведение для постройки кораблей. Здесь построили бы «складочные места» и магазины, а также основали фактории. Корабли из европейских стран могли совершать «незатруднительные плаванья» и получать товары из Китая и Японии. Этот путь, полагал Перри, «был бы несравненно удобнее того, посредством которого производится ныне торговля между Москвой и Пекином». Планы царя, по утверждению англичанина, распространялись также на исследование «самой крайней восточной части Каспийского моря, чтобы устроить там пристань, с целью поощрить торговлю с Великой Татарией». Территория между Каспийским морем и Китаем «изобилует плодами земными, на ней пасутся многочисленные стада овец и всякого скота, и, за небольшим исключением пустынных степей, представляет удобства для жизни».

Говоря о народах, населяющих территорию вблизи Новой Земли от границ Архангельска до Татарского моря, Перри замечал, что русские люди «оскорбительно» называют их «самоедами», что, по его мнению, «весьма несправедливо». Самоеды живут в дружбе с другими народами, и известно, что «от бедности и нужды они питаются самой непотребной пищей, как например, скупают у мясников по дешевой цене внутренности животных». Они торгуют в Архангельске мехами, кожами и лесным материалом для постройки судов. Перри подчеркивал, что в пограничных местах самоеды «предпочитают иметь как можно меньше дела с русскими во избежание дурного обращения и вероломства, которому подвергаются со стороны этих последних». Он описывал внешний вид самоедов, утверждая, что этот народ «сильный и смуглый, носы у них короткие и плоские, а скулы широкие, как у некоторых из восточных татар». Перри повествовал о занятиях самоедов, отмечая, что у них много общего с народами, обитающими в северной и северо-западной части края. «Они не пашут и не сеют, потому что в этой холодной стране никакая жатва не может созреть. Они также не имеют достаточного числа пастбищ, чтобы прокормить свой скот, и питаются преимущественно оленями, медведями и другими дикими зверями, дичью, сушеной рыбой и репой, заменяющей им хлеб; те же из них, которые живут около Архангельска, научились от русских есть хлеб, и для этого в малом количестве покупают рожь». Эта страна, продолжал Перри, изобилует оленями,

которых жители употребляют вместо лошадей: они привязывают к ногам длинную толстую доску, дающую им возможность бежать по поверхности снега, не проваливаясь в него. Олени служат самоедам также в качестве одежды, которую англичанин подробно описывал. Он сообщал, что из оленьей кожи, «покрытой толстым теплым мехом, который предохраняет от зимнего холода, туземцы шьют верхнее платье, сорочки же делаются из кожи молодых оленей; они мягки и покрыты мехом, а потому предпочитают полотну». Платье и шапки как внутри, так и снаружи также сделаны из меха и сшиты из одного куска, что не позволяет холоду и снегу «проникать в затылок, а спереди на лицо». Сапоги самоедов сшиты из двойного меха таким образом, чтобы обе кожаные стороны прилегали друг к другу и лучше предохраняли от суровой зимы, которая «длится девять или десять месяцев».

Перри остановился также на описании жилища обитателей Севера. Он сообщал, что они живут в хижинах или земляных пещерах, устроенных таким образом, чтобы обогривались небольшим огнем. Внутри расположены лавки, на которых можно сидеть и спать, а в середине устроен очаг, над ним в крыше проделано отверстие для дыма. Благодаря такому устройству тепло в жилищах сохраняется долгое время. Англичанин обратил внимание на то, что русские позаимствовали у северных народов устройство подобного жилища в военное время или для работ в таких местах, «где не предполагают остаться долгое время».

Все самоеды признают себя подданными царя, однако отказываются принять христианскую веру в том виде, в каком она существует у русских. Перри довелось разговаривать с некоторыми из самоедов, которые утверждали, что у них нет никакой установленной формы религии, и нет также духовенства, но что правила жизни они получают от старцев или старшин, которые ведут добродетельную жизнь и поступают справедливо. Они избираются по общему согласию и подчиняются постановлениям «во всех распрях и недоразумениях». Самоеды верят, что существует бог, который «управляет солнцем и звездами и благословляет людей здоровьем и долголетием, если только они справедливы друг к другу» [8, с. 39 – 44]. На взгляд Перри, этот народ «очень доволен своим образом жизни».

Особое внимание Перри уделил описанию Сибири – места, куда царь «ссылает на вечное изгнание уголовных преступников». Он отмечал, что покорение Сибири произошло еще во времена правления Ивана Грозного, и большую роль в этом сыграл владелец множества плоскодонных судов купец Строганов. Занимаясь перевозкой по Волге ржи, соли, рыбы и других товаров, купец находился «в сношениях» с народами, которые проживали на берегах реки Оби. Строганов выменивал у них свои товары на богатые сибирские меха: черных лисиц, соболей, тигров, куниц, бобров. Своим умением обращаться с туземцами, продолжал Перри, Строганов приблизил их к себе, а затем, получив от царя «военную силу», менее чем за два года оконча-

тельно покорил Сибирь. Царь туземцев был убит в сражении, его сыновья в качестве пленников доставлены в Москву. Один из потомков рода до сих пор живет в Москве, утверждал Перри, и к нему царь и дворяне относятся «с почетом».

Перри подчеркивал, что Сибирское царство составляет восьмую часть всех владений Петра I и приносит значительный доход в царскую казну. В Сибири расположено несколько железных заводов, и привозимое оттуда железо «за доброту свою ценится весьма высоко: его в России продают втрое дороже, чем всякое другое железо». Из Сибири, продолжал Перри, привозят также «особого рода кость, похожую на слоновую и добываемую из земноводного зверя, называемого бегемотом». Важное следствие присоединения Сибири к России Перри усматривал в налаживании выгодной торговли с Китаем. Ежегодно в Китай отправляются купеческие караваны, нагруженные преимущественно драгоценными сибирскими мехами, а также «разного рода мелким ввозным товаром», получаемым через Архангельск. Из Китая караваны возвращаются с чаем в больших кувшинах и с шелковой камкою, а также ввозят особого рода льняную ткань с примесью бумаги. Еще из Китая привозят в небольшом количестве жемчуг и слитки золота. Не удивительно, что в 1694 г. из Китая к царю был прислан посол, и «дружественные отношения, по-видимому, упрочились с обеих сторон», констатировал англичанин. Не менее важным для царя является также то, что из Сибири в армию

набираются рекруты, преимущественно в пехотные и драгунские полки, которые считаются лучшими в армии. Примечательно, что процесс колонизации Сибири, как отмечал Перри, происходил практически безболезненно для местных жителей. «Русские, живущие в Сибири, равно как и туземцы, поддерживают дружественные сношения с монголами, тунгусами, богдоями и узбекскими татарами, обитающими к югу от Сибири до пределов Китая», – свидетельствовал он [8, с. 51 – 54].

Перри останавливался также на описании жизни народов, населявших территорию между Сибирью и Каспийским морем на восток от реки Волги. Здесь проживали бухарцы, монголы и калмыки. Некоторые из этих народов, преимущественно калмыки, как отмечал Перри, находятся под покровительством царя, другие остаются «в дружественных отношениях» с русскими людьми, с которыми ведут активную торговлю. Эти народы придерживаются вероисповедания, «весьма схожего с магометанским», с той только разницей, что «охотно употребляют в пищу конину и мясо других животных, к которым ни турки, ни крымские татары не прикасаются».

Описывал Перри также жизнь кочевых народов, «татарских орд». Эти народы «большею частью имеют кожу смуглую, волосы черные, носы плоские, скулы широкие, а бороду жидкую, едва заметную». Они, как правило, живут в палатках, «сделанных из небольших дощечек, сложенных вместе наподобие решетки ... имеют форму голубятни». Палатки

покрываются войлоком. В них имеются два отверстия: одно служит в качестве двери, а второе, наверху, пропускает дым, когда посередине палатки разводят огонь. На ночь калмыки укладываются спать около стен на постели, состоящей из куска войлока. «Когда дверь заперта и верхнее отверстие заткнуто, то в палатке этой тепло, как в печи». Лица «высокого звания» имеют такие же жилища, только их постель и внутренняя отделка палатки сделаны из шелковой персидской ткани.

Народы, о которых рассказывал Перри, вели кочевой образ жизни. Вместе с семьями, стадами и табунами они перекочевывают то к северу, то к югу. Своих жен и детей калмыки перевозят в закрытых повозках на двух больших колесах. В них «удобно, как в домах». Лица «высокого звания» имеют несколько повозок, чтобы перевозить свое имущество. В повозки запрягают дромадеров. Перри подробно описывал этих животных, отмечая, что они больше верблюдов, имеют на спине два горба, на которые навьючивают палатки и прочее имущество калмыков, не имеющих повозок. Из шерсти дромадеров татары ткют узкую ткань, «нечто вроде камлота», а русские делают шляпы. Перри отмечал, что кочевые народы часто останавливаются на восточном берегу Волги и проводят несколько недель вблизи городов, где обменивают свой скот (лошадей, овец) на рожь, муку, железо, медь, котлы, кожи, а также верхнее платье и белье.

Как отмечал Перри, калмыки заключили с царем договор, в соот-

ветствии с которым ежегодно получают небольшую помощь в виде зерна, одежды и пр. Взамен они обязались по первому зову царя прийти на помощь в случае войны. Хотя этот народ, на взгляд Перри, «не дисциплинированный, но он сильный и воинственный и происходит, как предполагают, от тех скифов, которые так прославились войною против персов. Они еще недавно оказали царю большие услуги в войне со шведами» [8, с. 55 – 57].

Следует отметить, что описания народов, населявших Сибирь и юго-восточные территории России, судя по всему, основывались на личных впечатлениях самого Перри. К примеру, он рассказывал, что когда занимался на Камышинке устройством сообщения между Волгой и Доном, небольшие орды татар раскидывали свои палатки на противоположном берегу Волги. «Для торговых сношений они часто переправлялись через реку, а также и русские переезжали на их берег для той же цели. Многие из них, – продолжал англичанин, – посещали мои работы и с любопытством осматривали снаряды и способ употребления их. Таким образом, я имел случай оказывать им вежливость, и они приглашали меня и помощников моих в свой стан, где в разговоре предлагали нам весьма основательные вопросы касательно нашей родины и места нашего происхождения, они всегда принимали нас очень радушно» [8, с. 57].

Оставил в книге Перри свои впечатления еще об одном народе, населяющем территорию, располо-

женную на западе от Волги до Черного моря, – кубанских татарах. «Они сильного сложения, весьма пропорциональны. Волосы у них черные, цвет лица смуглый, как и у всех прочих татар». Англичанин отмечал, что татары устраивают постоянные набеги на пограничные русские земли, грабят и жгут селенья и нередко уводят с собою рогатый скот, овец, лошадей, а порой берут в плен и людей. Обычно татары устраивают свои набеги летом, «когда луга покрыты обильною травой, чтобы лошади могли пользоваться подножным кормом». Каждый всадник запасается двумя лошадьми, чтобы во время похода попеременно ехать то на одной, то на другой. Выступают они большими отрядами, «продвигаясь вперед с такой быстротой и предосторожностью, что появление их не может быть заранее замечено, и бросаются на всякую добычу, которая попадает им на пути». Опустив страну, они «с подобной же поспешностью» возвращаются назад, прежде чем русские успеют опередить их и отрезать им отступление. С пленными обе стороны обращаются «варварским образом, и этим несчастным весьма редко удается освободиться из неволи».

Из-за набегов татар земля между городом Саратовым и Каспийским морем почти вовсе не населена, продолжал Перри, а в городах Камышине, Царице, Черный яр и Терки содержатся охранные гарнизоны, «готовые взяться за оружие в случае тревоги». По той же причине русские в этих краях не занимаются хлебопашеством, хотя почва там чрезвычайно плодородная;

рожь привозят по Волге, и те же суда возвращаются вверх по течению, «нагруженные рыбой, солью и проч.». На обратном пути из Астрахани суда привозят богатые персидские и армянские товары, шелковые, бумажные и льняные ткани.

Перри обращал внимание на то, что в этих краях климат отличный, почва плодородная и страна «весьма приятна для жизни». Весною, как только сойдет снег и наступает теплая погода, расцветают тюльпаны, розы, ландыши, гвоздика и многие другие цветы и травы. «Спаржа лучшая, какую мне случалось есть, растет так густо, – свидетельствовал англичанин, – что во многих местах можно было бы косить ее; простая луговая трава столь высока, что доходит по брюхо лошадям; миндалевые и вишневые деревья растут в большом количестве... Осенью созревают разные хлебные зерна и овощи... В этих местах большое разнообразие птиц, всякой дичи; водятся также рыжие небольшие олени, лоси, волки, кабаны, дикие лошади и дикие овцы». Остается только сожалеть, сетовал Перри, что «такая прекрасная и богатая страна, находящаяся на берегах великой реки Волги, которая более всех рек в мире изобилует рыбою,... находится в настоящее время в таком запустении и лишена всякого населения, тогда как самоеды... проводят дни свои в злополучной нищете, и даже многие из русских северных жителей, за недостатком солнца, без которого не может созреть жатва, принуждены печь хлеб с примесью соломы и разных корней от полевых злаков» [8, с. 58 – 61].

Завершая свои этнографические зарисовки, Перри высказывал пожелания, чтобы царь поддерживал «хорошие отношения с вышеупомянутыми татарами», оказывая им свое покровительство. Добившись мира в этом регионе, можно через Волгу и Каспийское море «упрочить торговлю с персиянами и армянами», а также «завязать торговлю с Великой Татарией». Перри подчеркивал, что советовался по данному вопросу со своими соотечественниками – английскими купцами, которые полагали, что налаживание подобного торгового пути «открыло бы со временем сбыт значительного количества английских сукон», равно как и российских льняных тканей, ржи, пшеницы и «прочих произведений, добываемых из царских владений, потребность и употребление которых со временем могли бы развиться». Как видно, Перри не забывал об интересах своих соотечественников, заинтересованных в расширении торговли с народами, населявшими не только Россию, но и сопредельные территории. Не исключено, что именно этой целью было обусловлено столь пристальное внимание британского инженера к видам деятельности, а также товарам, которые приобретали или продавали туземцы.

Рассказал Перри еще об одном царстве, которое Петр I надеялся присоединить к российским владениям. Речь шла о Грузии. В 1699 году царь Грузии, одной из самых «благодатных стран» на берегах Каспийского моря, изгнанный подданными из своих владений, явился в Россию с просьбой о покровительстве царя. «Это был вы-

сокий, красивый мужчина», – повествовал Перри. В Москве он был милостиво принят царем, который назначил «на содержание его и окружающих его доходы с нескольких деревень». Царь обещал водворить грузинского царя в его владениях, но мятежи в России и война со Швецией помешали ему это сделать. «Сын царя Грузинского тотчас по приезде в Россию вступил в царское войско, где... при Нарвском сражении был взят в плен шведами», спустя четыре года он умер в Стокгольме, а вскоре скончался и сам грузинский царь. «Вследствие этого рушились окончательные заманчивые надежды царя на покорение Грузии или, по крайней мере, устройство в этом крае поселения с целью принудить жителей к обязательной торговле и податям, что было бы чрезвычайно выгодно», заключал Перри [8, с. 63 – 64].

Завершая анализ книги Джона Перри, заметим, что за время своего пребывания в России британский инженер сумел неплохо узнать жизнь нашей страны и ее народов, и потому его произведение представляет собой не только интересный, но во многих случаях довольно объективный источник для изучения истории Петровской эпохи.

Как сложилась судьба Перри по возвращении на родину? В Англии он продолжал заниматься своей непосредственной профессиональной деятельностью: строительством доков, укреплением набережной реки Темзы, осушением болот, прочисткой каналов и т.д. Порой под его началом работало до 300 человек. Написал две книги: в

1716 г. «Состояние России при нынешнем царе», а в 1721 г. – «Отчет об остановке течи в доках Даггенхема». Его личная жизнь так и не сложилась. Перри не женился и всю свою жизнь провел в одиночестве, всецело отдаваясь любимому делу. Скончался Джон Перри в 1733 г. в возрасте 63 лет. Его похоронили в скромной приходской

церкви Спелдинга. Так завершилась жизнь талантливого английского инженера-самоучки, оригинальные проекты которого воплощались как при его жизни, так и спустя столетия. Оставил о себе память Перри и как автор интереснейших произведений, к числу которых, безусловно, принадлежит его книга о петровской России.

Библиографические ссылки

1. Андреев А.И. Петр I в Англии в 1698 г. // Петр Великий : сб. ст. М. ; Л., 1947.
2. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989.
3. Буганов В.И. Петр Великий и его время. М., 1989.
4. Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. IV. М., 1989.
5. Лабутина Т.Л. Английский инженер Джон Перри в петровской России // Западноевропейские специалисты в России. Вып. 2. М., 2006.
6. Лабутина Т.Л. Представления британцев о русском народе в XVI – XVII вв. // Вопросы истории. М., 2009. № 8.
7. Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950.
8. Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871.
9. Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994.
10. Соколов А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI – XVIII вв. Ярославль, 1992.
11. History information [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.barking-dagenham.gov.uk/4-heritage/local/history/information>, свободный. яз. англ. (дата обращения: 15.02.2014).

T.L. Labutina

LIFE AND ACTIVITIES OF THE BRITISH ENGINEER JOHN PERRY IN PETER'S RUSSIA

The paper is devoted to the study of life of the British engineer John Perry in Russia during the reign of Peter I. A particular attention is given to the professional activity of the expert, and also to his impressions about Russia and her inhabitants in the first quarter of the XVIII century.

Keywords: Russia, XVIII century, Peter I, British specialists, construction of channels, reforms, impressions.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ЭФИОПИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья, написанная на основе материалов центральных архивов России, посвящена обстоятельствам противостояния Великобритании и России в Эфиопии в начале XX века.

Ключевые слова: противостояние России и Великобритании, Эфиопия, начало XX века.

К середине 80-х гг. XIX в. «эфиопский вопрос» стал занимать одно из центральных мест в международных планах европейских держав: из-за открытия в 1869 г. Суэцкого канала все территории, прилегающие к этой важнейшей морской коммуникации, приобрели стратегически важное значение. В начале XX в. открылся очередной этап острого соперничества ведущих держав за влияние в Эфиопии. Данная статья посвящена особенностям противостояния Великобритании и России в Эфиопии в указанный период.

5 мая 1902 г. между Великобританией и Эфиопией был заключён договор, по которому более точно была установлена граница между Эфиопией и англо-египетским Суданом. Россия проявила полное безразличие к эфиопско-британским переговорам. Согласно этому договору Эфиопия была вытеснена из долины Белого Нила. Кроме того, она не могла возводить в области истоков Голубого Нила каких бы то ни было сооружений без соглашения с Лондоном [8, с. 125]. Во время одной из встреч российского временного поверенного в Эфиопии А.А. Орлова с императором Эфиопии

Менеликом II последний в связи с этим замечал: «Я ранее надеялся на миролюбивое разрешение вопроса о границах и делал всё возможное, чтобы удовлетворить желания Англии, но теперь я вижу, что с англичанами надо действовать иначе, чем с другими» [3, л. 74 об. – 75]. При этом негус не преминул уже во второй раз попросить Орлова напомнить императорскому правительству о его просьбе относительно денег, переданной им через главу приехавшей в 1897 г. в Эфиопию русской дипломатической миссии П.М. Власова, заметив, «что средства ему необходимы именно в предвидении случайности войны с Англией; если же таковая начнётся, то, может быть, императорскому правительству при всём желании его будет неудобно уже оказать помощь Абиссинии» [3, л. 74 об. – 75].

Ещё в 80-е гг. XIX в. началось резкое обострение борьбы великих держав на Дальнем Востоке. До 1894 г. Россия, принимая во внимание слабость своих восточных позиций, стремилась вести дружественную политику с соседями – Китаем и Японией. Главным врагом для себя на Дальнем Востоке

Россия считала Великобританию, недооценивая агрессивность Японии. В 1894 г. последняя ввела войска в Корею, а затем развязала войну с Китаем. По условиям Симоносекского договора 1895 г. Япония получала огромную контрибуцию с разгромленного Китая, а также Ляодунский полуостров и ряд островов. Китай отказывался от протектората над Кореей. Германия, Франция и Россия, по инициативе последней, в ультимативной форме потребовали от Японии отказаться от Ляодунского полуострова, и она была вынуждена уступить, получив от Китая дополнительную контрибуцию. Недовольство Японии выразилось в принятии её правительством десятилетнего плана подготовки к войне с Россией.

В 1902 г. Японии удалось заключить очень важный военно-политический договор антирусской направленности с Великобританией. Британская сторона обязывалась сохранять дружественный нейтралитет в случае войны Японии с одной державой и вступить в военные действия на её стороне при возникновении конфликта с двумя государствами. Лондон с помощью этого договора пытался подорвать международные позиции России и отвлечь её внимание от ближневосточного региона и Эфиопии в частности.

В то же время нельзя не заметить, что после конфликта из-за Фашоды российская дипломатия стремилась содействовать ослаблению противоречий между Великобританией и Францией. Великобритания, со своей стороны, предпринимала некоторые шаги навстречу России, а в августе

1899 г. впервые согласилась на учреждение русского консульства в Бомбее, что свидетельствовало о послаблении в англо-русском противостоянии на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии и, видимо, в Северо-Восточной Африке. Официальная Россия, по существу, заняла солидарную позицию в большой политике с британскими властями и вступила в секретные переговоры по урегулированию англо-русских противоречий в Азии.

В 1903 г. Менелик II обратился к российскому правительству с ходатайством о присылке русского офицера для проверки границы, проведённой британцами между Эфиопией и Суданом, согласно договору от 5 мая 1902 г., о котором мы упоминали выше [4, с. 14; 2, с. 75; л. 10, 11 – 11 об.]. Российский министр-резидент при Менелике К.Н. Лишин считал полезным «командировать для принятия участия в разграничении одного из офицеров Генерального Штаба, основательно знакомого с топографией и хорошо знающего английский и французский языки» [4, с. 6]. При офицере этом «должен находиться опытный топограф, работы которого будут проверяться офицером» [4, с. 6]. Командировка последнего могла бы состояться, по мнению Лишина, в конце 1903 г. с расчётом на то, что «английский дипломатический агент, возвратясь в Аддис-Абебу, нашёл бы здесь упомянутого офицера, причём самое присутствие его в Эфиопии может быть объяснено заменю возвращавшихся в Россию офицеров новыми лицами» [10, л. 2 об.]. Военный министр

А.Н. Куропаткин (1898 – 1904 гг.), предполагая, что «истинная цель сего командирования, конечно, не может ускользнуть от бдительности англичан, тем более, что к миссии были прикомандированы молодые офицеры гвардейских частей исключительно для придания ей большей представительности», отмечал, что «сокрытие действительного значения делегата... может лишь умалить его значение и повредить его деятельности» [4, л. 11 – 11 об.]. В связи с этим более желательным представлялось, чтобы просьба негуса носила официальный характер [4, л. 11 об.]. В итоге в марте 1904 г. в Эфиопию были командированы полковник Генерального Штаба Стрельбицкий и капитан Генерального Штаба Алексеев [10, с. 18].

Что касается согласия Лондона на их участие в работе комиссии, надо отметить, что отсутствие находящегося в отпуске британского представителя лишило Менелика II возможности «заблаговременно условиться относительно времени производства разграничения и посылки на границу того или иного лица» [10, с. 18]. Когда же до британской миссии дошли сведения о том, что негус пригласил для участия в разграничении границы русских офицеров, англичане ясно дали понять ему, что в этом случае они ни под каким видом не пойдут на какое-либо урегулирование пограничного конфликта. Немалую роль в исходе этого дела сыграли и представители других западных держав, ведущие активную деятельность против российского присутствия в Эфиопии. Кроме того,

Менелик II думал, что организация пограничной экспедиции будет проведена за счёт России. Свойственные негусу «страсть к деньгам и мелочная скупость» не позволяли ему финансировать это мероприятие за собственный счёт [6, л. 122 об. – 123].

В конечном итоге пребывание русских офицеров Стрельбицкого и Алексева в Аддис-Абебе оказалось совершенно бесполезным, и в августе 1904 г. они покинули эфиопскую столицу [9, с. 86 – 87].

Деятельность К.Н. Лишина в поддержку Эфиопии вызывала серьёзные противодействия со стороны британского посланника Д. Гаррингтона, а также представителей Италии и даже Франции. Как отмечает историк А.В. Хренков, используя искусные интриги, противоборство приближённых императора и прямой нажим на него, Гаррингтону удалось подорвать влияние российского министра-резидента при эфиопском дворе, чему способствовали как военные неудачи России в войне с Японией, так и некоторые личные качества Лишина, который как дипломат был значительно слабее своего предшественника Власова [11, с. 28].

13 декабря 1906 г. министром иностранных дел Великобритании Э. Греем, французским послом в Лондоне П. Камбоном и итальянским послом А. де Сан-Джулиано было подписано важнейшее соглашение относительно Эфиопии, которое, по существу, поделило её на сферы влияния указанных держав (Текст соглашения на русском языке см.: 12, с. 181 – 183; на французском и английском языках: 5, с. 74 – 79). В случае

нарушения статус-кво каждой из трёх стран должны были быть обеспечены её «интересы» в соответствующей зоне Эфиопии: британская зона – бассейн Нила (в особенности в отношении регулирования вод Нила и его притоков); итальянская зона – хинтерланд Эритреи и итальянского Сомали и «территориальная связь» между ними к западу от Аддис-Абебы; французская зона – хинтерланд французского Сомали и «зона, необходимая для постройки и эксплуатации железной дороги Аддис-Абеба – Джибути» [7, с. 15 – 16]. Нетрудно заметить, что британская и итальянская зоны частично совпадали: «территориальная связь» между Эритреей и итальянским Сомали к западу от Аддис-Абебы, целый ряд притоков Нила и прежде всего Голубой Нил. Вместе с соглашением была подписана дополнительная конвенция об учреждении по Сомалиландскому побережью надзора за ввозом оружия в Эфиопию [5, с. 70].

Показательна предыстория принятия тройственного соглашения 1906 г. Менелик II был крайне встревожен начавшимися по поводу договора переговорами [5, с. 5; 6, с. 86]. В принципе негус был согласен с проектом соглашения, но всячески оттягивал решение этого вопроса. Только по истечении нескольких месяцев он решился дать ответ представителям трёх заинтересованных держав в форме письма для каждого приблизительно следующего содержания: «Проект соглашения между собой Англии, Франции и Италии получил. Благодарю Вас за то, что Вы стремитесь сохранить независимость

моей страны. Само собой разумеется, что Ваше соглашение ни в чём не затрагивает моих верховных прав» [6, с. 65]. Такого исхода дела от императора и добивались указанные державы, чтобы «иметь возможность окончательно подписать состоявшееся и давно, в принципе, решённое тройственное соглашение» [6, с. 65]. Надо также заметить, что все переговоры по столь важному для Эфиопии вопросу велись таким образом, словно в Аддис-Абебе в это время и не существовало русской миссии.

Несмотря на многочисленные ухищрения, подрывная деятельность противников российского влияния в Эфиопии на этот раз не принесла ожидаемых результатов. В мае 1907 г. Менелик II заявил о непризнании Лондонского соглашения [12, с. 183]. Политический курс негуса стал ориентироваться на ослабление влияния Великобритании, Франции и Италии в его государстве и на укрепление связей с державами, не причастными к их соглашению, в том числе и с Россией.

Отметим, что в России после 1906 г. активизировались англофилы, вынужденные молчать в то время, когда Великобритания поддерживала Японию. Но уже в конце русско-японской войны Лондон стал отказывать Японии в новых займах, поскольку не был заинтересован в её дальнейшем усилении. Ещё в начале 1906 г. в Великобритании произошли существенные изменения в государственном управлении: к власти пришли либералы, которые стали предпринимать дипломатические шаги к сближению с

Россией. Такую политику стал вести новый посол в Петербурге сэр Артур Николсон. Ядро англофильской группировки в России составляли финансовые и промышленные круги, связанные с англо-французским капиталом. Известно, что к ним примкнуло почти всё либеральное общество, надеявшееся на то, что сближение с Великобританией будет связано с усилением «конституционного курса» во внутренней политике. Большинство русских газет заняло англофильскую позицию. Так, газета «Новое время» в начале 1907 г. писала: «Ныне англичане понимают, что Россия не способна поглощать громадные азиатские царства с древней культурой и что, напротив, возрождение последних и усвоение ими европейской науки и техники угрожает владениям всех белых наций в Азии, как и в целом свете. Они убедились также, что даже моментальное ослабление России даёт такое преобладание Германии, что никакая группировка других держав без России не обеспечивает вполне европейского равновесия. Следовательно, целостность Британской империи, как и безопасность самой Англии, требуют

сохранения России как сильной державы в Азии и восстановления её преобладания на материке Европы. Вот почему англичане искренно и горячо желают скорейшего и полнейшего внутреннего успокоения России, равно как и экономического её подъёма и процветания; последнее им нужно, к тому же, и для торговли с Россией, к широкому развитию которой английские торговые и финансовые круги никогда так не стремились, как ныне. ...Было бы, впрочем, несправедливо не признавать существования у англичан и бескорыстных побуждений. Они верят в благодетельную силу конституционно-монархического правления и желают его особенно тем народам, к которым дружелюбно расположены» [1, с. 8].

В 1907 г. между Великобританией и Россией был заключён договор, по которому последняя присоединялась к Антанте. По этому соглашению обе стороны договорились о разграничении сфер влияния на Ближнем и Среднем Востоке. Таким образом, противостояние России с Великобританией в Северо-Восточной Африке прекращалось.

Библиографические ссылки

1. Аргус. Чего желают России англичане и почему? // Новое время. 1907. 14 (27) янв.
2. Архив внешней политики Российской империи (далее: АВПРИ). Ф. № 137. Оп. 475. Д. 134 (1903 г.).
3. АВПРИ. Ф. № 151. Оп. 482. Д. 152.
4. АВПРИ. Ф. № 151. Оп. 482. Д. 2042.
5. АВПРИ. Ф. № 151. Оп. 482. Д. 2047/1.
6. АВПРИ. Ф. № 165/1 (422). Оп. 1. Д. 2.
7. Борьба за Северо-Восточную Африку. Материалы и карты / под ред. А. Островской. М., 1936.

8. Дармштеттер П. История раздела Африки (1870 – 1919). М. – Л., 1925.
9. Кузьмин Ю.М. Русско-эфиопские отношения в начале XX в. (по материалам русских архивов) // Взаимоотношения России со странами Востока в сер. XIX – нач. XX вв. Иркутск, 1982.
10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. № 452. Оп. 1. Д. 35.
11. Хренков А.В. Очерк истории российско-эфиопских отношений (до 1917 г.) // Российско-эфиопские отношения в XIX – начале XX в. : сб. док. / сост.: А.В. Хренков. М., 1998.
12. Хрестоматия по истории международных отношений / под ред. В.И. Киселёва [и др.]. Вып. 2. М., 1972.

N.V. Aronina

**THE RESISTANCE OF RUSSIA AND GREAT BRITAIN
IN THE ETHIOPIAN EMPIRE
IN THE BEGINNING OF XX CENTURY**

The paper deals with the peculiarities of the resistance of Great Britain against Russia in the Ethiopian Empire in the beginning of XX century. The paper is based on the Russian central archives.

Keywords: resistance, Great Britain, Russia, the Ethiopian Empire, the beginning of the XX century.

УДК 882.09

С.М. Усманов

**НИКОЛАЙ ДАНИЛЕВСКИЙ
И «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»***

В статье изучается цивилизационная проблематика российской истории и нашего времени. Автор уделяет существенное внимание концепту «русская цивилизация» и его интерпретации в общественной мысли. Показано также осмысление данной тематики в работах Н.Я. Данилевского.

Ключевые слова: Россия, Данилевский, «русская цивилизация».

---

* Исследование выполнено в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации. Задание № 33.526.2014/К.

В настоящее время концепт «русская цивилизация» очень широко применяется в нашей стране не только в общественно-политической публицистике, но зачастую и в научных публикациях. Совсем иное дело, имеет ли он под собой какое-то серьезное обоснование. Действительно, у любого непредвзятого исследователя не может не возникнуть вопрос о возможности существования некой особой самобытной «русской цивилизации».

Разумеется, нас в данном случае занимает не политико-прикладное использование данного понятия в нынешней общественной жизни и конкретной политической борьбе. И даже не то, почему он стал столь популярным и востребованным. Речь идет о содержательном характере цивилизационной специфики российского социума в исторической ретроспективе. А в принципе – и о его возможностях на будущее.

Впрочем, в настоящей публикации хотелось бы коснуться лишь некоторых существенных аспектов затронутой нами тематики.

Для начала стоило бы заметить, что нередко в научных изысканиях российских исследователей нашего времени понятие «русская цивилизация» применяется достаточно бездумно, без основательного осмысления. Характерный случай такого рода обнаруживаем в массивном фолианте ученых Института Европы Российской Академии наук, выпущенном в 2011 г. Уже в первой главе этого обширного труда в перечень «живых и развивающихся цивилизаций» ее автор, член-корреспондент РАН Т. Т. Тимофеев,

включал и «православную (русскую)» цивилизацию [9, с. 33].

Получается, что «русская цивилизация» реально существует, а «православность» выражает лишь ее сущностные черты. Все это излагается бегло, без всякого обоснования, как будто речь идет о неких аксиомах. Такое впечатление усиливается материалами следующих глав, в одной из которых доктор культурологии Е. Ю. Сидоров именует Константина Николаевича Леонтьева «виднейшим теоретиком русского национализма» [9, с. 520]. Вероятно, автор «не в курсе» полемики К. Н. Леонтьева и П. Е. Астафьева, да и других немаловажных аспектов наследия Леонтьева.

Конечно, в публикациях наших дней имеются и более определенные утверждения о сущности и конкретных проявлениях «русской цивилизации». В этом смысле обращают на себя внимание работы известного историка-публициста А. И. Фурсова, в которых доказывается, что «Россия – имманентно внекапиталистическая, а следовательно, антикапиталистическая система». Причем «апогеем развития русской цивилизации» является Советский Союз в расцвете своего могущества. И в этом как раз и состоит «Великая Тайна (военная и мирная) советизма / сталинизма» [10, с. 4].

Понятное дело, такие соображения из полемической статьи могут считаться неподходящими для использования в научной дискуссии. Однако в данном случае мы видим лишь резкую формулировку той точки зрения, которая достаточно часто высказывается, причем не только А. И. Фурсовым.

Однако для действительно полноценного научного обсуждения проблематики «русской цивилизации» нельзя обойтись и без обращения к опыту осмысления исторического пути России в отечественной общественной мысли, особенно XIX столетия – поскольку именно тогда появилась концепция «культурно-исторических типов» Николая Яковлевича Данилевского, что стимулировало и других представителей российской общественной мысли той эпохи к обсуждению цивилизационной тематики.

Интересно, что уже сам Данилевский наряду с понятием «культурно-исторический тип» использовал и термин «цивилизация». При том, что для Данилевского «цивилизация» есть завершающий этап развития «культурно-исторического типа». И в этом смысле, как отмечал Николай Яковлевич, «Европа есть поприще германороманской цивилизации (...) или, по употребительному метафорическому способу выражения, Европа есть сама германороманская цивилизация» [1, с. 58]. Как известно, Данилевский предвидел возможность появления «особой славянской цивилизации», главная роль в созидании которой должна будет принадлежать России – «единственной независимой представительнице» славянского мира [1, с. 479 – 480]. Но, согласно соображениям Данилевского, это только возможность. Или славянство образует «один из самобытных культурных типов всемирной истории», или же «ему предназначено второстепенное значение вассального племени, незавидная роль этнографического материала (...)» [1, с. 328].

В сущности, Данилевский обозначил только возможность появления «славянской цивилизации» во главе с Россией. Более основательно разработали эту проблематику российские мыслители последней трети XIX – начала XX вв. И здесь первым стоит назвать Константина Николаевича Леонтьева. В конце своей жизни он сам ясно очертил как свое понимание проблематики культурно-исторического типов, так и собственный вклад в ее истолкование. В письме А.А. Александрову 3 мая 1890 г. Леонтьев писал об этом так: «про Данилевского можно сказать, что он сделал великий шаг – указанием на эти культурные типы. Можно ведь и так его теорию обернуть: существование разных культурных типов есть признак жизненности человечества, невозможность создать новый, смешение всех типов в один средний есть признак приближения человечества к смерти. Данилевскому принадлежит честь открытия культурных типов. Мне же гипотеза вторичного и предсмертного смешения» [2, с. 289].

Здесь Леонтьев упоминает о своей теории развития культуры от первоначальной простоты к «цветущей сложности» и затем к вторичному смесительному упрощению, что означает уже смерть самого общественно-органического организма. Но не менее существенно, что Константин Николаевич отнюдь не удовлетворялся выдвиганием собственной новой теории развития человеческих обществ.

Для него важными были практические последствия данной теории для России. И вот тут впечатления и оценки К.Н. Леонтьева претерпели

несомненную и весьма показательную эволюцию.

Рассмотрим лишь итоговые размышления Леонтьева по данному вопросу. Еще в письме княгине Е.А. Гагариной 24 апреля 1889 г. он не высказывается однозначно, допуская возможность трех вариантов дальнейшего развития: «Что мы такое: действительно ли мы новый культурный мир, как думал Данилевский, орудие ли примирения Церквей без всякой особой гражданской оригинальности, как желает и надеется Влад. Соловьев, или, наконец, мы таим в загадочных недрах нашей великой отчизны зародыш самого ужасного отрицания и цинизма (иногда, увы, думается, признаюсь и так!) задатки самого гнусного и кровожадного хамства (равенства, то есть); во всяком случае, наше призвание, огромное и грациозное, еще далеко не исполнено, и потому «горе тому, кто станет на дороге этому, не нами, а свыше предначертанному, стремлению» [2, с. 275].

Заметим, что в этом небольшом фрагменте Константин Николаевич изложил весьма многое. Он сжато представил подходы своих современников-соотечественников, выразив к ним свое отношение. Кроме того, он представил еще одну альтернативу дальнейшего развития России, которая, увы, и стала реальностью в XX столетии. Между тем Леонтьев учитывал вариативность (неоднозначность) дальнейших изменений и, что очень важно, отдавал должное Промыслу Божию, забывая о котором было свойственно отнюдь не только большинству ученых того времени.

При всем том Леонтьев в конце своего письма к княгине Гагариной опять возвращается к мысли о наиболее благоприятном варианте развития России, какое он мог предполагать тогда, в эпоху правления императора Александра III: «Графу Дмитр. Андр. Толстому относительно сословных его реформ продолжаю горячо сочувствовать и очень рад, что он берет верх. Прочно ли все это только? Дворянство наше ужасно легкомысленно, и русских настоящих в его среде очень мало. Я думаю все-таки, если новая сословность у нас утвердится хоть на 100 лет, то прав до известной степени Данилевский: *будет своя цивилизация* (курсив наш – С.У.)» [2, с. 276].

Такую перспективу развития России Леонтьев обосновывал вплоть до конца 80-х гг. как возможную и наиболее благоприятную. Но в письмах Константина Николаевича 1890 – 1891 гг. мы видим несколько иные настроения. Леонтьев приходит к выводу, что «не выйдет» той «новой славянской культуры, в которую верил Данилевский». И сам объясняет главную причину: «хамства у нас слишком много» [3, с. 163]. Хотя дело не только в новейшем «хамстве», но и в славянах как таковых, духовные и культурные качества которых Леонтьев, как известно, ставил весьма невысоко. Впрочем, приведем наиболее существенное объяснение на этот счет самого Константина Николаевича из письма священнику Иосифу Фуделю 19 – 31 января 1891 г.: «И если даже допустить, что Романо-германский тип, несомненно разлагаясь, уже не может в нынешнем состоянии удовлетворить все человечество, то из этого вовсе еще не следует, что мы, славяне,

в течение 1000 лет не проявившие ни тени творчества, вдруг теперь под старость дадим полнейший 4-основный культурный тип, как мечтает и даже верит Данилевский» [2, с. 312].

Итак, изыскания Николая Яковлевича Данилевского и Константина Николаевича Леонтьева о возможностях и перспективах развития России, в том числе и в его цивилизационном измерении, были очень оригинальны, содержательны и не потеряли своего значения до наших дней. Беда только в том, что труды Данилевского и Леонтьева недостаточно знали и еще хуже понимали.

И все-таки можно назвать такого автора, который своими сочинениями, а также и откликами на соображения Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева весьма своеобразно оттенил некоторые существенные аспекты обсуждаемой нами цивилизационной проблематики. Это Василий Васильевич Розанов.

Впрочем, пока Розанов не стал еще «настоящим» Розановым «Уединенного», «Опавших листьев» и «Апокалипсиса нашего времени», он довольно поверхностно и банально интерпретировал наследие славянофилов, Н.Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева, в том числе и теорию «культурно-исторических типов». Это вполне очевидно в его статье «Поздние фазы славянофильства», появившейся в газете «Новое время» в 1895 г.

Так, теорию культурно-исторических типов Данилевского Розанов характеризует лишь «как внешнюю скорлупу для учения славянофилов», в то время как «собственно к славянофильству он (Данилевский – С.У.) ничего не прибавил» [4, с. 189]. Очень

холодно отзывается в этой же статье Розанов и о К. Н. Леонтьеве: «Его понимание истории, его предвидение судеб человеческих – только натуралистическое». Кроме того, Василий Васильевич с неудовольствием констатирует «чрезмерное преобладание в нем отрицания над утверждением, отвращающегося чувства над любовью, надеждой, порывом». Так что общий приговор Розанова Леонтьеву в этой статье суров: «Он во всем ошибся» [4, с. 199 – 201].

Такая критика построений Данилевского и Леонтьева в розановской статье 1895 г. является тем менее впечатляющей, что сам автор в понимании цивилизаций ничуть не превосходит порицаемых им мыслей. Скорее, наоборот. Помещая «доктрины» Данилевского и Леонтьева «на рубеже двух цивилизаций», Розанов имеет в виду «западноевропейский мир» и «мир восточно-славянский, в частности русский» [см.: 4, с. 184, 195]. «От себя» к этой привычной схеме Розанов в статье «Поздние фазы славянофильства» добавлял лишь такие общие фразы, что «истина – всегда радостна» и «Бог и жизнь – одно, и как вечен Он – не умрет она» [4, с. 202].

А что же «настоящий» Розанов? В последнее десятилетие своей жизни Василий Васильевич напрямую теоретическими вопросами, связанными с цивилизационными процессами, не занимался. Хотя вскользь упоминания у него об этом встречаются не так уж и редко. Ну, например, так: «Из лопарей и негров до сих пор не вышло цивилизации. А русские сложили Русское Царство!» [5, с. 273]. Очевидно, что для Розанова настоящее Царство куда более ценно любой цивилизации,

тем более вытекающей из мелких эгоистических амбиций каких-то отдельных народов. Так что, допустим, «латышская цивилизация», на его взгляд, «будет только сумбур, отвратительный для человечества» [6, с. 138]. Как доказывал Розанов, «иногородцам» в Российской империи следовало бы рассуждать так: «Россия есть подлинное наше отечество, латышское, чухонское, немецкое, польское, армянское, татарское... И все, чего мы хотим – это как можно скорее стать окончательно русскими, без всякого разделения, без всякой иной веры даже, иного быта даже!» [6, с. 139].

Если же, по контексту рассуждений Розанова, накануне и в годы Первой мировой войны и, может быть, в России какая-то миссия цивилизации, то это представлялось как нечто особое, небывалое: «когда-нибудь, ну, лет через сто, из России разольется на весь мир эта невероятная наша русская свобода и «милость», т. е. милость всем людям и всяких отношений, которая захватит и увлечет в себя и немцев, и французов, и англичан, и итальянцев» [7, с. 106].

Такого рода розовый туман «русской милости» очень быстро рассеялся в сознании Розанова в ходе революционных потрясений 1917 – 1918 гг. С ужасом и негодованием опытный литератор и публицист вынужден был признать, что многие его прежние представления о России и русских были совершенно ошибочны.

Стоит обратить внимание на то, что у «позднего» Розанова есть такой текст, где его соображения, связанные с событиями революции, имеют уже более продуманный и взвешенный характер. Более того, они включены ав-

тором в обрисованную им глубокую историческую ретроспективу. Речь идет об одной из последних статей Розанова, «С вершины тысячелетней пирамиды», оставшейся тогда неопубликованной. В ней-то и видно, как воспринимал Россию (и ее цивилизацию) «самый настоящий Розанов», подошедший к порогу вечности. И эта оценка впечатляет своей парадоксальностью и непохожестью на более ранние его размышления о России: «Из истории Россия всегда обнаруживалась слабою нацией, как бы слабо отпечатанное на космическом печатном станке. Как бы не ушедшею глубоко ногами в землю – поверхностною. Что за странная жизнь – жизнь «впечатлениями», жизнь «подражаниями». Между тем от «призвания князей» до «социал-демократии» мы прожили именно так. В объеме подражательности и ряда подражательностей уместится объем всей русской истории. Мы – слабо оригинальная страна, не выразительная. Именно – не сильный оттиск чужих произведений» [8, с. 463].

Подведем основные итоги наших изысканий.

1. Насколько нам известно, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, В. В. Розанов никогда не говорили и не писали о «русской цивилизации» – ни по сути, ни по форме.

2. Н. Я. Данилевский видел Россию органической частью славянского мира и считал для нее благоприятной возможностью войти в будущую славянскую цивилизацию, если таковая разовьется при подходящих условиях.

3. К. Н. Леонтьев невысоко ценил политические и культурные возможности славянских народов, но до-

пускал вероятность образования славяно-азиатской цивилизации на основе православной традиции во главе с Россией. Однако в последние годы своей жизни (в 1890 – 1891 гг.) Леонтьев пришел к выводу, что эта перспектива останется неосуществленной ввиду недостаточной духовной и культурной зрелости России.

4. В.В. Розанов высказывался о цивилизационной принадлежности России менее определенно, хотя и считал ее чем-то отдельным от европейской цивилизации. До революционной катастрофы он питал надежды на великое будущее России и обрусение многих живших в ней «инородцев». На исходе жизни Розанова постигло глубочайшее разочарование в возможно-

стях Российского государства и русского народа, что и привело мыслителя к выводу о «слабой оригинальности» русского народа и его свершений в истории.

5. В нынешних обсуждениях цивилизационных аспектов развития современной России было бы очень уместно избегать безответственных манипуляций с термином «русская цивилизация». Напротив, внимательное и вдумчивое отношение к ценному опыту отечественной общественной мысли XIX – начала XX вв. позволило бы существенно усилить и обогатить наши анализы закономерностей и перспектив социально-политических трансформаций в современном мире и места в них России.

Библиографические ссылки

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / сост., послесл. и коммент. С.А. Вайгачева. М. : Книга, 1991. 574 с.
2. Избранные письма // К. Леонтьев, наш современник / сост.: Б. Андрианов, Н. Мальчевский. СПб. : Изд-во Чернышева, 1993. С. 227 – 318.
3. Леонтьев К.Н. Письма из Оптиной пустыни // Литературная учеба. Кн. 3. Май – июнь. 1996. С. 141 – 173.
4. Розанов В.В. Поздние фазы славянофильства // Розанов В.В. Сочинения / сост., подгот. текста и коммент. А.Л. Налепина и Т. В. Померанской ; вступ. ст. А.Л. Налепина. М. : Сов. Россия, 1990. С. 183 – 202.
5. Розанов В.В. Мимолетное. 1915 год // Русская идея / сост. и авт. вступ. ст. М.А. Маслин. М. : Республика, 1992. С. 258 – 294.
6. Розанов В.В. Центробежные силы в России // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М. : СКИМЕНЪ, 2003. С. 134 – 139.
7. Розанов В.В. Национальное назначение // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М. : СКИМЕНЪ, 2003. С. 104 – 108.
8. Розанов В.В. С вершины тысячелетней пирамиды. (Размышление о ходе русской литературы) // Розанов В.В. Сочинения / сост., подгот. текста и коммент. А.Л. Налепина и Т.В. Померанской ; вступ. ст. А.Л. Налепина. М. : Сов. Россия, 1990. С. 448 – 464.
9. Россия в многообразии цивилизаций / под ред. А.П. Шмелева. М. : Весь мир, 2011. 896 с.
10. Фурсов А. Десталинизация: тайные коды // Завтра. 2011. № 22.

NICOLAS DANILEVSKY AND “RUSSIAN CIVILIZATION”

Civilization problems of Russian history and modern time are studied in the article. The author pays special attention to the concept “Russian civilization” and its interpretation in public opinion. The understanding of these problems in the works by N. Danilevsky is showed in the article

Keywords: Russia, Danilevsky, “Russian civilization”.

УДК 93/94

И.А. Николаева

**ГУБЕРНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ ПЕРИОДА ДУМСКОЙ МОНАРХИИ
В СИСТЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ
(НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)***

В представленной статье рассматриваются взаимоотношения губернских учреждений с центральной властью, определяются место и роль губернских органов власти в системе государственного управления, изучаются характер, способы и особенности взаимоотношений губернских властей с вышестоящими инстанциями на примере деятельности Владимирской губернской администрации. Особое внимание уделено проблеме государственного контроля за деятельностью губернской администрации и вопросам реформирования региональных институтов управления в сторону укрепления власти губернаторов при увеличении элементов децентрализации власти на региональном уровне.

Ключевые слова: губернская администрация, губернатор, канцелярия губернатора, губернское правление, министерство внутренних дел, государственный контроль, система государственной власти, административные реформы.

Возможности эффективной реализации управленческих полномочий, характер и направления деятельности региональных властей в немалой степени зависят от их положения в вертикали административного управления государства и взаимоотношений с центральными государственными учреждениями. Поэтому проблема изучения места губернской администрации в системе общего управления и особенностей взаимодействия реги-

онального и центрального уровней власти является важной для понимания основ и специфики губернского административного управления на последнем этапе существования Российской империи.

С точки зрения местоположения губернской администрации в системе государственной власти, одной из главных особенностей её функционирования была подчинённость многочисленным властным структурам. При

---

*Научная публикация подготовлена в рамках государственного задания ВлГУ № 2014/13 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.

этом подчинённость, как отмечают исследователи, осуществлялась в разных формах: в общем, непосредственном, двойном, тройном подчинении, соподчинении, отличавшихся степенью зависимости местного управления от центральных органов [1, с. 58].

Рассматриваемые нами органы власти – губернатор, его канцелярия и губернское правление – состояли в ведомстве Министерства внутренних дел и подчинялись ещё Совету министров, императору и Сенату. Все эти субъекты управления осуществляли по отношению к губернской власти общее подчинение путем установления правил деятельности и контроля за их исполнением. В то же время Министерство внутренних дел непосредственно управляло губернскими органами, которое выражалось в отсутствии между субъектом (МВД) и объектом (губернской администрацией) промежуточных инстанций и значительной зависимости объекта от субъекта управления, имеющего право решения кадровых вопросов, применения дисциплинарных мер к работникам, отдачи прямых распоряжений, отмены актов управления и т.д. [2, с. 89 – 90].

По закону губернатор определялся в должности и увольнялся указами императора и был представителем высочайшей власти в губернии, но с другой стороны, он являлся чиновником МВД, состоя в его ведомстве. Такое положение главы губернии определяло совмещение в его компетенции функции общего надзора и непосредственного управления.

Совет министров представлял собой высшее правительственное

учреждение, осуществлявшее объединение и направление деятельности главных начальников ведомств как по предметам законодательства, так и в государственном управлении. В состав Совета министров входили министры и главноуправляющие на правах министров, государственный контролер, обер-прокурор Синода и председатель Государственного совета. В ведении данного органа находились также вопросы о назначении местностей для водворения ссыльных, меры по усилению жандармерии, полицейских команд, заботы о пенсиях и пособиях чиновников. С губернскими учреждениями он был связан через министерства.

Сенат исполнял функции высшего надзора над органами административной власти, то есть наблюдал за выполнением законов. Вместе с тем он продолжал быть высшим судебным органом, являясь кассационной инстанцией [3, с. 263, ст. 528; с. 210 – 278; л. 303].

Трудно согласиться с существующим мнением, что деятельность Сената не имела большого веса в деятельности губернаторов [4, с. 213]; это учреждение выполняло важные функции в законном регулировании действий губернской администрации и, в частности главы губернии. Его деятельность в плане истолкования и издания законов играла важную роль в функционировании местных учреждений, направляя их действия в законном русле. Владимирское губернское правление ежегодно принимало от Сената большое количество вновь изданных законов, правил, указов и

разъяснений по различным вопросам, возникавшим в деятельности местных уездных и губернских учреждений. В 1906 г. одних только указов этого учреждения поступило 14 [5, л. 1 – 87].

Губернское правление, состоявшее в ведомстве МВД, по ряду вопросов имело прямое подчинение Сенату, который мог отменить распоряжение губернского правления, вошедшее в силу. Правление также обязывалось предоставлять в Сенат все постановления своих общих присутствий, которые проходили с расширенным составом участников и касались определений закона. Кроме того, оно обязано было «входить в Сенат» при возникновении сомнений в применении какого-либо закона [6, с. 570, ст. 473, 475; с. 575, ст. 514].

Особенно важна была роль Сената как высшего органа административной юстиции, решавшего дела о должностных нарушениях государственных служащих. В 1905 – 1906 гг. Первый департамент Сената рассмотрел 31 дело о протестах против действий чиновников и учреждений Владимирской губернии: губернатора, губернского правления, присутствий, земств, уездных съездов [7, л. 1 – 102; л. 1 – 89].

Отдельно свод законов оговаривал роль Сената в вынесении губернаторам выговоров и замечаний за должностные проступки или преступления, в предании их суду и удалении от должности. Таким мерам наказаний главы губерний могли подвергаться вследствие повеления императора,

представлений от правительствующего Сената, проводящих ревизии сенаторов, министров и других «уполномоченных от высшего правительства лиц» [8, с. 552, ст. 397]. В «Общем учреждении губернском» оговаривались наиболее распространенные нарушения в деятельности глав губернии, за которые эти чиновники могли нести ответственность перед высшим начальством. Это – «неисправное или неточное» исполнение распоряжений начальства; допущение во вверенном ему регионе «серьезных беспорядков или злоупотреблений»; допущение взяточничества должностных лиц; превышение власти в распоряжениях; решение дел, подлежащих ведомству других учреждений, «неуместное» вмешательство в «тяжбные» дела; введение без санкции начальства нового устройства в городах и селах; бездействие при стихийных бедствиях, эпидемиях и т.д. [9, с. 551 – 552, ст. 396]. Таким образом, закон налагал на губернаторов большую ответственность, а «общий» характер формулировок, присущий законодательству, давал возможность вышестоящему начальству достаточно широко использовать применение данных статей.

Важно, что возможность привлечения к той или иной форме ответственности и наказания губернатора не была лишь декларацией. Об этом свидетельствуют сохранившиеся факты расследований по злоупотреблениям служебным положением в 1906 – 1911 гг. со стороны вятского, костремского, тобольского губернаторов [10, с. 45 – 48; с. 2]. В частности, в 1906 г. Кассационный департамент

Сената рассматривал иски 24 мешан и торговцев Иваново-Вознесенска о взыскании с владимирского губернатора И.М. Леонтьева ущерба, причиненного неправильными действиями последнего во время рабочих забастовок в мае 1905 г. [11, л. 1 – 46]. С.Н. Палеолог, бывший в 1907 – 1914 гг. начальником Инспекторского отдела Департамента общих дел МВД, также подтверждал действие закона в этом направлении и писал: «У нас не было “ответственного” министерства, но у нас были ответственные должностные лица, находящиеся постоянно под служебным перекрестным и бдительным контролем» [12, с. 78 – 79].

Еще одним крупным учреждением, регулировавшим деятельность губернских властей, было Министерство внутренних дел. Исследователи часто называют МВД «самым сильным министерством», или «суперведомством», которое контролировало и направляло в большей или меньшей степени работу всех местных учреждений, сочетая административно-хозяйственные и административно-полицейские функции [13, с. 273]. Его структура включала в себя департаменты и управления, основную роль среди которых играли Департамент полиции, Департамент общих дел, Главное управление по делам печати, Главное тюремное управление, Земский отдел, Главное управление почты и телеграфа, Управление по делам воинской повинности, Главное управление по делам хозяйства [14, с. 213 – 214, 216].

Закон определял отношения МВД с органами губернской власти следующим образом. Во-первых, от

него зависело утверждение в должностях и увольнение чиновников местной администрации, определение штатов. В руках министерства находилось финансирование губернских учреждений, контроль и направление функций государственной безопасности и действиями губернских властей [15, с. 533. ст. 286; с. 534. ст. 29; с. 593. ст. 624; с. 566. ст. 444; с. 586. ст. 594; с. 558. ст. 426; с. 552. ст. 397]. Таким образом, МВД выполняло функцию непосредственного управления губернской администрацией и было одним из главных институтов, направляющих деятельность губернской администрации. Однако отмеченная сложность системы подчинения местных властей не давала возможности выстроить жесткую вертикаль власти даже через Министерство внутренних дел.

Еще одним немаловажным вопросом является устройство механизма управления и взаимодействия региональных и центральных властей. Эта проблема наиболее четко просматривается в отношениях местной администрации с МВД. Все свои распоряжения министерство делало при помощи циркуляров, которые поступали в канцелярию губернатора, откуда, в свою очередь, передавались в подведомственные губернатору учреждения. В 1910 г. в канцелярию владимирского губернатора поступил 131 циркуляр министерства, содержащий конкретные указания и поручения для местных властей [16, л. 1 – 493]. Заметную роль в процессе управления играли разъяснения министерства по правильному применению законов [17, л. 5], что было особенно акту-

ально в эпоху активного законотворчества.

Чаще всего МВД использовало два варианта сообщения с местной властью: либо ставило перед губернской администрацией конкретные задачи, требующие незамедлительного и точного исполнения, либо делало предписание общего характера, направляя её деятельность в нужном русле [18, л. 79 – 80]. В последнем случае вышестоящие власти ограничивались распоряжением «принять все зависящие меры» или «действовать по усмотрению», предоставляя свободу выбора методов решения проблемы губернской власти. Широко практиковалось также использование так называемых уведомлений, которые лишь информировали о возникновении какой-либо проблемы и давали оценку ситуации, предполагая, что местная власть будет действовать соответствующим образом [19, л. 23]. В таком ракурсе центральные учреждения выполняли важную функцию «бюрократического канала» трансляции информации [20, с. 23], способствовавшего координации действий регионов, объединению их усилий и передаче опыта решения общих проблем, какими в исследуемый период были социальные катаклизмы, вопросы хозяйственного управления губернией и др. [21, л. 1 – 24; л. 1 – 1 об.].

Рассмотренные документы по Владимирской губернии свидетельствуют, что циркуляры МВД определяли не только направления деятельности местной администрации, но и стиль управления, включая инструкции и советы в отношении методов и

характера исполнения распоряжений [22, л. 33; л. 71 – 72]. Многие распоряжения министра внутренних дел сопровождались характерной припиской, обращающей внимание местной администрации на наиболее важные моменты в её деятельности: «На исполнение изложенных выше указаний соблаговолите, милостивый государь, обратить особое внимание подведомственных Вам учреждений, дабы дарованная... свобода передвижения была в полной мере предоставлена населению» [23, л. 3 – 4]. Подобные напоминания заставляли губернаторов постоянно учитывать новые реалии жизни, и в этом качестве их можно признать одним из факторов изменения управленческих установок представителей местной власти.

Контроль центральных учреждений над местной властью проявлялся, прежде всего, в обязанности губернских учреждений предоставлять в различные ведомства отчеты о своей деятельности. При вступлении в должность губернаторы отправляли императору свой первый обзор губернии. Более подробный отчет, содержащий замечания по различным сферам управления губернией, сведения об обнаруженных беспорядках, нарушениях и собственных мерах принятых к устранению проблем, они посылали в МВД. В последнюю инстанцию губернаторы докладывали также о результатах ежегодных ревизий подведомственных им учреждений, а императору – сведения о чрезвычайных повинностях и лицах, состоящих под надзором полиции по «Высочайшему повелению» [24, с. 539, ст. 319; с. 550,

ст. 338, 387]. С МВД губернатор был связан многочисленными донесениями: два раза в месяц в срочном порядке он обязан был сообщать обо всех происшествиях в губернии и лицах, состоящих под надзором полиции; раз в полгода – присылать списки проживающих в губернии военных и гражданских отставных чиновников; ежемесячно информировать о выдаче заграничных паспортов; еженедельно присылать записки на имя министра внутренних дел с краткой характеристикой событий, происходивших во вверенной ему территории, и немедленно сообщать обо всех чрезвычайных случаях [25, с. 551, ст. 394].

Одной из наиболее важных форм отчетности были ежегодные всеподданнейшие отчеты губернаторов. Они включали в себя сведения о состоянии экономической, политической, социальной сфер жизни губернии и предназначались для прочтения императору, являясь своеобразной формой доклада.

Практика составления ежегодных губернаторских отчетов оформлялась законодательно на протяжении XIX в. [26, с. 170 – 171]. Их формуляр был традиционным для всех губерний, и большинство пунктов касались вопросов сельскохозяйственного, промышленного развития губернии, промыслов, торговли, строительства, чрезвычайных происшествий, тюремного ведомства, стихийных бедствий, но разные губернаторы могли уделять большее внимание тем или иным вопросам, вставляя дополнительную информацию. К особенностям отчёта владимирского губернатора, очевид-

но, можно отнести более подробное освещение проблем промышленного развития и социально-политического состояния, что определялось как промышленным статусом губернии, так и социальной активностью населения региона в начале XX в. Особое внимание владимирских губернаторов привлекала деятельность оппозиционных партий в связи с большим влиянием кадетов и социалистов в губернии, а также настроения учащейся молодежи, учительской интеллигенции и их противоправительственная деятельность. Обязательно отмечались местности, состоящие на положении чрезвычайной охраны. В губернаторском отчёте за 1913 г. 61 % текста был отведён рабочему (33 %) и либерально-революционному движению (28 %), ещё 11 % относилось к вопросу реализации положений о государственной охране и чрезвычайном положении. Общий объем текста, посвященный данным проблемам, составил около 72 % [27, л. 5 – 13; л. 1 – 4].

Весомую часть отчётов составляла информация о реализации важнейших правительственных реформ и законоположений. Так, в отчёте за 1908 г. владимирский губернатор сообщал об успешной реализации «Указа 17 октября 1906 г. о порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин»; в отчете за 1910 г. уделялось внимание крестьянскому землеустройству [28, л. 31; л. 30 об.].

Что касается информативности и достоверности ежегодных губернаторских отчетов, то можно согласиться с мнением исследователей, отме-

чающих их «верноподданнический» характер и определенную тенденциозность [29, с. 84 – 86; с. 115 – 116]. Анализ отчетов владимирских губернаторов в целом подтверждает данный вывод: если их составители и не грешили серьезными подтасовками фактов, то, по крайней мере, стремились смягчить формулировки и показать ситуацию в более благоприятном свете [30, л. 20]. Наблюдалось систематическое желание местной администрации подчеркнуть свою роль и активную деятельность в проведении правительственной политики в губернии, в частности, выделялись действия губернатора в деле продвижения столыпинской аграрной реформы [31, л. 23 об.; 28]. Составляя отчет, чиновники стремились «приукрасить» его сообщениями об общественных мероприятиях, носящих патриотический или верноподданнический характер [32, л. 30]. Негативные характеристики деятельности местных властей в отчетах Владимирских губернаторов составляли в среднем от 23 до 33 % текста документа; выводы, содержащие позитивную оценку – 40 – 44 %; выводы нейтрального характера составляли 23 – 34 % [33, л. 1 – 8; л. 6 – 9; 4 – 7].

Однако администрация не стремилась полностью утаить от правительства тревожных моментов, что, вероятно, во многом определялось невозможностью скрыть негативную информацию от центральных властей, поскольку данные по этим вопросам доходили до них независимо от губернатора. В частности, многие сведения по политической обстановке в губернии поступали в Департамент по-

лиции из еженедельных донесений жандармских управлений [34, с. 173]. Иные, указанные выше, виды отчетности тоже компенсировали искажения сведений всеподданнейших отчетов. Они носили более деловой и объективный характер, будучи лишены необходимости демонстрировать верноподданнические чувства.

Формулировки, в которых преподносилась негативная информация в отчетах глав губернии, на наш взгляд, являются свидетельством того, что местная администрация руководствовалась сознанием своего долга – предупредить коронную власть о возможных неприятностях. И хотя в начале XX в. всеподданнейшие отчеты уже не воспринимались в качестве канала, доносящего до правительства полную и объективную информацию о положении на местах, их важность состояла в том, что так или иначе они передавали общее политическое настроение губернии, давали представление о понимании губернской администрацией важных проблем жизни региона и вносили свою лепту в формирование политического и административного кругозора правительства. Император ежегодно просматривал губернаторские отчеты, оставляя на полях «высочайшие отметки», направлявшие затем деятельность министерств. По результатам рассмотрения вопросов и отметок императора на отчетах за 1909 г. Совет Министров сделал распоряжения о необходимости решения вопроса об обеспечении на местах школ учительскими кадрами при введении всеобщего образования; ускорении процесса выдачи пен-

сий чинам гражданского ведомства; принятии дополнительных мер для предупреждения стихийных бедствий в отдельных регионах; проведении аграрной реформы «без принуждения»; было рекомендовано также использовать опыт Владимирской губернии в посылке ходяков «в места наибольшего распространения хуторского хозяйства» и т.д. [35, л. 15 – 122].

Будучи зависимыми от губернских властей в получении информации, учреждения центрального уровня требовали её обязательного и своевременного поступления. Однако эта сфера деятельности губернских учреждений не отличалась оперативностью, что, конечно, осложняло взаимоотношения губернской администрации с начальством и ослабляло контроль. В этом смысле красноречивым является замечание Министерства внутренних дел, которое в ноябре 1912 г. получил владимирский губернатор. Оно состояло в том, что сведения о происшествиях и лицах, состоящих под надзором полиции, предоставлялись канцелярией губернатора со значительным опозданием (почти в полгода) [36, л. 81 – 81об.].

Вполне можно согласиться с мнением историков, которые полагают, что высокая степень информативной зависимости центральных ведомств от местных властей при слабости развития средств коммуникации не позволяла на практике осуществлять принцип жесткой централизации в управлении регионами дореволюционной России. Но невозможность осуществления безусловного контроля на местах из центра вовсе не означала

отсутствия необходимого наблюдения и координации действий органов губернского управления со стороны вышестоящих властей. В исследуемый период главы губернии неоднократно проводили расследования по должностным нарушениям местных чинов в связи с распоряжениями МВД [37, л. 24], предоставляли специальные сведения о состоянии городов и уездов, случаях подсудности полицейских чинов [38, л. 38; с. 121 – 151]. Губернию с ревизиями постоянно посещали высокопоставленные чиновники. В январе 1906 г. Министерством финансов в губернию был направлен ревизор по податной части, в мае 1910 г. – чиновник Совета главноуправляющего землеустройством, в 1913 г. – директор Департамента полиции и товарищ министра внутренних дел [39, л. 15; с. 166 – 168; с. 2].

Постоянство контроля за деятельностью губернских чиновников в немалой степени определялось географическим положением губернии по отношению к столице. В этом смысле относительная близость Владимирской губернии способствовала более интенсивному влиянию центральных ведомств на региональную политику. Кроме того, наличие в губернии сравнительно развитых средств железнодорожной коммуникации и телеграфно-телефонной связи предоставляло возможности для более оперативного и точного исполнения местной властью предписаний центральных государственных учреждений.

Большую роль в информировании центральных ведомств о положе-

нии в регионах в период думской монархии играла пресса, от которой было невозможно утаить многие события местной жизни. Чиновники министерств относились к публикациям очень внимательно и признавали, что нередко быстрее узнают обо всем произошедшем в регионах «из сообщений телеграфных агентств, а не из донесений властей» [40, л. 46].

Получение сведений из различных источников определяло тот факт, что осведомленность центральных ведомств о положении дел в регионе была достаточно большая. Известно, что в 1905 г. МВД сообщало владимирскому губернатору Леонтьеву о распространении в губернии прокламаций «Издания народного союза» [41, л. 23], в телеграмме МВД от 16 августа 1912 г. сообщалось об активизации деятельности кадетской партии в регионе [42, л. 68].

Деловое общение губернаторов с центральными ведомствами не было исключительно формализованным – законом предусматривалось наличие неформальных сношений главы губернии с МВД. В частности, губернаторы могли, «когда сочтут это полезным для службы», сообщать в Министерство внутренних дел «свои мысли об управляемой губернии» и в особенности о благонадежности чиновников [43, с. 557. ст. 419]. Большое значение в отношениях центральных ведомств и губернаторов имели личные встречи последних с вышестоящим начальством, прежде всего, с министром внутренних дел и императором [44, л. 1 – 10]. Губернатор И.Н. Сазонов в 1912 г. писал началь-

нику Департамента полиции С.П. Белецкому, что предпочитает доложить о своих разногласиях с начальником местного жандармского управления при личной встрече в Петербурге [45, л. 77]. Председатель Совета министров В.Н. Коковцев вспоминал, что в сентябре 1912 г. в Петербург приехало довольно большое количество губернаторов «за получением указаний министра внутренних дел по разным местным особенностям выборных комиссий» [46, с. 167]. С.Н. Палеолог в свою очередь отмечал, что за время его службы в Департаменте общих дел он лично познакомился со всеми губернаторами, как минимум два раза в год приезжавшими по делам службы в Петербург [47, с. 173 – 174]. Такие непосредственные встречи, с одной стороны, давали возможность вышестоящему начальству контролировать и направлять действия губернаторов в нужном политическом русле, а с другой – получать от глав губернии информацию, которую по разным причинам невозможно было использовать в переписке.

Рассуждая о проблеме взаимоотношений губернских и центральных властей, нельзя обойти вниманием вопрос о степени доверия правительства по отношению к главам губернии. Здесь можно отметить, что министерства и император, безусловно, прислушивались к мнению губернаторов и нередко ориентировались на него по местным вопросам. Об этом, в частности, свидетельствуют воспоминания компетентных правительственных чиновников С.Ю. Витте и С.Н. Палеолога, которые отмечали ведущую роль

губернаторов и генерал-губернаторов как в решении конкретных вопросов управления, так и проведении общей политики в отношении губерний и областей, начиная с необходимости введения военного положения и заканчивая полным изменением хозяйственной и административной политики в регионе [48, с. 162; с. 57 – 60, 133]. Разумеется, степень доверия к тому или иному губернатору определялась как личным знакомством с ним вышестоящего начальства, так и качеством его административной работы. Но в любом случае правительственные учреждения требовали от глав губерний прочных доказательств к высказываемым оценкам.

Анализ источников свидетельствует, что в исследуемый период во взаимоотношениях центральной и региональной ветвей власти усилилась тенденция к предоставлению последней большей свободы действий и одновременно расширению её ответственности за все происходящее на местах [49, л. 37]. Усиление этой тенденции в развитии взаимоотношений властей центрального и местного уровней объясняется, на наш взгляд, уроками 1905 – 1907 гг., когда губернская власть, связанная, с одной стороны, необходимостью выполнения санкций центральной власти, а с другой – данными Манифестом 17 октября свободами, не могли эффективно противостоять развитию социальных беспорядков. Бывший председатель Совета Министров С.Ю. Витте признавал, что фактическое бездействие центральных органов и внесенная манифестом неопределенность предопределили «тру-

сость и растерянность» власти во многих местах [50, с. 135, 138]. Нерешительность в действиях была заметна и у владимирской администрации, когда губернатор Леонтьев в декабре 1905 г. трижды спрашивал у министра внутренних дел П.Н. Дурново разрешения ввести военное положение в нескольких уездах губернии и не удовлетворялся ответом министра о том, что глава губернии может сам объявить о применении чрезвычайных мер, «если находит нужным» [51, л. 1 – 7]. Однако, не снимая ответственности с губернской власти за неспособность действовать более самостоятельно, надо признать, что распоряжения министерств нередко были слишком противоречивы, что парализовало действия местных властей. Призывая губернскую власть действовать жесткими методами для подавления социальных беспорядков, в то же время МВД постоянно напоминало, что вызывать войска можно лишь в случае крайней необходимости и использовать их только для «одной определенной цели» [52, л. 25, 48].

Наибольшее развитие указанная тенденция получила в период первой мировой войны. Сознывая, что от спокойствия в тылу зависело положение на фронте, центральная власть считала возможным передать в руки губернаторов большие полномочия, чем даже это позволяли законные рамки. В телеграмме министра внутренних дел Н.А. Маклакова, полученной владимирским губернатором в августе 1914 г., говорилось, что он должен «использовать немедленно все средства и способы поддержания спокойствия». В слу-

чае возникновения аграрных и погромных беспорядков, губернаторам предоставлялось право действовать «решительно и быстро, забывая о формальных соображениях» [53, л. 34, 37]. Вся ответственность за последствия принятых решений перекладывалась на губернаторов. Отмечалось, что «растерянность и бездействие власти будут рассматриваться как тягчайшая вина перед долгом службы». При этом от губернской власти постоянно требовалось «возбуждать к себе общее доверие населения» [54, л. 13, 34, 38].

Одновременно центральные ведомства пытались более подробно направлять деятельность местной власти. С началом войны резко выросло количество министерских циркуляров, направлявшихся в губернию. Многие из них касались даже мелких вопросов организации деятельности губернских учреждений [55, л. 110].

Правительство осознавало очевидные противоречия своей политики в отношении губернской администрации. Изменения деятельности аппарата местной власти в начале XX в. и недостатки его нормативной базы вкрупне стимулировали разработку реформ административного управления на местах. Попытка пересмотра основ местного управления была сделана ещё в 1902 г. по инициативе В.К. Плеве, но только П.А. Столыпин дал ход разработке административной реформы [56, с. 255, 261 – 262, 296]. 6 марта 1907 г. он представил свои предложения по реформе административного управления, шедшие в русле широкой программы либеральных реформ, II

Государственной думе [57, с. 513]. Оценивая эти проекты, В.А. Маклаков писал, что «местную жизнь» предполагалось перестроить на новых началах законности и привлечения общественных сил [58, с. 114]. По мысли Столыпина, было необходимо произвести одновременное реформирование земства и местного управления. Для этого вносились законы об увеличении компетенции местного самоуправления, о его распространении на новые территории, о создании мелкой земской единицы, поселкового управления и расширении избирательных прав. Подчеркивалось, что администрация будет следить только за законностью действий самоуправления, намечалась отмена обязательного утверждения постановлений земств правительственными органами. Компетенция земств расширялась за счет права образования продовольственных капиталов, права заключать займы, издавать обязательные постановления [59, с. 114; с. 240].

Что касается административного звена, то здесь предусматривалось объединение всей гражданской администрации и создание административных судов. Во главе губернии по-прежнему стоял губернатор, предлагалось учредить должности двух помощников губернатора по административной и полицейской части. Губернское правление упразднялось, а в качестве главного присутственного места создавался губернский совет, состоявший из общего, особого и дисциплинарного присутствий. Образовывалась объединенная губернская канцелярия, в состав которой входили

ветеринарный, врачебный, строительный, тюремный, межевой отделы во главе с начальниками, архивариусом, редактором и специальными инспекторами. Главой канцелярии был помощник губернатора по административной части. Общее присутствие совета состояло из начальников отделов канцелярии, помощников губернатора, прокурора, управляющего казенной палатой, выборных от земств и городов под председательством губернатора. Кроме того, на заседания присутствия могли приглашаться необходимые лица. К сфере компетенции присутствия относились наиболее важные дела: расходы земств и городов, выдача им пособий, издание обязательных постановлений, надзор и ревизии должностных лиц, эпидемии и народные волнения. Еще 11 межведомственных присутствий (распорядительное, по земским и городским делам, по делам об обществах, сельское, кредитное, воинское, лесоохранительное, промышленное, училищное, медицинских освидетельствований, дисциплинарное) состояли в тесной связи с губернским советом [60, с. 1 – 2].

Губернский совет выступал как орган, «примиряющий» губернатора с представителями других ведомств и регулирующий их взаимоотношения. При этом в большинстве вопросов совет действовал как полноправная коллегия, которая рассматривала и утверждала результаты губернаторских ревизий всех подлежащих его надзору учреждений. Для смягчения разногласий губернатора и органов местного самоуправления проект предусматривал

возможность губернатора пополнять за счет казенных средств бюджеты земств и городов, глава губернии получал также право присутствовать на заседаниях земских и городских собраний и быть выслушанным. В его руках сосредотачивался надзор за законностью и отчасти целесообразностью действий практически всех учреждений гражданского ведомства в губернии за исключением суда, государственного контроля и высших учебных заведений. Происходило подчинение местных жандармских органов общей администрации. Начальник ГЖУ становился помощником губернатора по полицейской части.

Проведение реформы в жизнь натолкнулось на ряд существенных препятствий. Программа административных реформ правительства Столыпина с самого начала натолкнулась на ряд препятствий: она вызвала возражения поместного дворянства, активно выступавшего за укрепление прав их самоуправления, представителей жандармского корпуса, противившихся подчинению губернаторской власти и других ведомств. В то же время правительство, направлявшее все свои силы на борьбу с революцией, оказалось не готовым более твердо проводить реформаторский курс, в итоге до начала войны и новой революции правительство так и не смогло провести реформу местного управления [61, с. 298 – 306, 310, 313 – 315; с. 543 – 544].

Характеризуя проект административной реформы, исследователи обычно уделяют внимание недостаткам законопроекта, подчеркивая сохранение принципа слияния в руках

губернатора надведомственного надзора и активной администрации, административного порядка наложения взысканий за нарушение обязательных постановлений, рассеянность элементов административной юстиции по отраслевым присутствиям губернии, негибкость структуры губернского совета, сохранение значительной доли полицейской направленности деятельности администрации и тесную связь губернатора с МВД и императором. Сомневались в проекте и некоторые современники, полагая, что на деле реформа ограничится только внешней стороной, не внося существенного улучшения в механизм административного управления [62, с. 4 – 27]. Однако, при всей допустимой справедливости этих рассуждений, они носили и носят гипотетический характер.

На наш взгляд, наиболее важным моментом являлось понимание центральной властью основных проблем организации и деятельности губернских учреждений и необходимости их реформирования. Корреспондент газеты «Россия», которая фактически являлась информационным рупором МВД, писал, что переживаемая страной эпоха коренных изменений государственного строя «выдвигает с особенной остротой на первый план необходимость незамедлительного согласования всех существующих в местном управлении распоряжений... с новыми принципами и стремлениями...» [63, с. 2]. В основу законопроекта реформы были положены идеи объединения всех частей управления губернии, укрепление властной верти-

кали на местах и поиск компромиссного сосуществования органов местного управления и самоуправления. Эти принципы были вполне рациональны, выведены путем скрупулезного анализа практики и нужд местного управления разработчиками проекта, среди которых был талантливый С.Е. Крыжановский, и признавались сведущими в вопросах управления современниками [64, с. 168; с. 3 – 39; с. 3 – 42]. В перспективе данные изменения могли привести к повышению степени ответственности глав губерний за свои действия, но, к сожалению, этот вопрос вызвал разногласия в правительственной среде в связи с двойственным статусом губернатора и не получил законодательного разрешения [65, с. 1 – 27].

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что губернская администрация играла важную роль в общей системе исполнительной власти России, являясь связующим звеном в выстраивании вертикали власти и каналом трансляции бюрократического опыта и правительственной политики в регионы. Централизация государственного управления не была абсолютной, чему способствовали как сложность системы административной власти и недостаточный уровень развития средств сообщения, так и политика правительства, которое, с одной стороны, пыталось усилить контроль за действиями местной администрации, а с другой – заставить губернские учреждения действовать более самостоятельно, возложить на них большую ответственность за управление регионом.

В то же время центральной власти не было чуждо понимание проблем, существовавших в системе административного управления, но внести в неё существенные изменения до революции не удалось, а попытки решить проблему соотношения принци-

пов централизации и децентрализации управления в условиях ускорившегося развития социально-политических и экономических процессов определяли противоречивость взаимодействия губернской администрации и центральных органов управления.

Библиографические ссылки

1. Любичанковский С.В. Губернское правление в системе губернаторской власти в последнее десятилетие существования Российской империи (на материалах Урала) : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2003. С. 58.
2. Там же. С. 89 – 90.
3. Полный свод законов Российской империи (ПСЗРИ) / под ред. А.А. Добровольского ; сост. А.Л. Саатчиан / Кн. 1. Т. I – VIII; Кн. 2. Т. IX – XVI. СПб. : Законоведение, 1911 ; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений в дореволюционной России. М. : Высш. шк., 1968. С. 210 – 278 ; ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20359. Л. 303.
4. Административные реформы в России: история и современность. М. : РОС-СПЭН, 2006. С. 213.
5. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20302. Л. 1 – 87.
6. ПСЗРИ. Указ. изд. С. 570. Ст. 473; С. 575. Ст. 514; С. 570. Ст. 473, 475.
7. РГИА. Ф. 1341. Оп. 324; 176.
8. ПСЗРИ. Указ. изд. С. 552. Ст. 397.
9. Там же. С. 551 – 552. Ст. 396.
10. «Смущение в центре губернской твердой власти обостряется». Документы Госархива Кировской области о конфликте вятского губернатора С.Д. Горчакова с вице-губернатором А.Ф. Шидловским. 1907 г. // Отечественные архивы. 2007. № 2. С. 45 – 48 ; Старый владимирец. 1908. № 43, 25 сент. С. 2.
11. РГИА. Ф. 1354. Оп. 3. Д. 1420. Л. 1 – 46.
12. Палеолог С.Н. Около власти. Очерки пережитого. М., 2004. С. 78 – 79.
13. История государственного управления России / отв. ред. В.Г. Игнатов. Ростов н/Д : Феникс, 1999. С. 273.
14. Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 213 – 214, 216.
15. ПСЗРИ. Указ. ред. С. 533. Ст. 286; С. 534. Ст. 29; С. 593. Ст. 624; С. 566. Ст. 444; С. 586. Ст. 594; С. 558. Ст. 426; С. 552. Ст. 397.
16. ГАВО. Ф. 14. Оп. 2. Д. 404. Л. 1 – 493.
17. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 30301. Л. 5.
18. ГАВО. Ф. 14. Оп. 2. Д. 405. Л. 79 – 80.
19. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1391. Л. 23.
20. Карнишина Н.Г. Столица и провинция в России: управление, контроль, информационная среда (середина 50-х – 80-х гг. XIX в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 23.

-
-
21. ГАВО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1063. Л. 1 – 24; Ф. 14. Оп. 5 Д. 3518. Л. 1 – 1 об.
  22. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1391. Л. 33; ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 2769. Л. 71.
  23. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 30301. Л. 3 – 4.
  24. ПСЗРИ. Указ изд. С. 539. Ст. 319; С. 550. Ст. 338, 387.
  25. ПСЗРИ. Указ. изд. С. 551. Ст. 394.
  26. Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов как исторический источник по изучению взаимоотношений центральной и местной власти в России второй половины XIX – начала XX в. // Отечественная история. 2005. № 3. С. 170 – 171.
  27. ГАВО. Ф. 14. Оп. 6. Д. 1201. Л. 5 – 13; ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Т. 3. Д. 3451. Л. 1 – 4.
  28. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Т. 3. Д. 2676. Л. 31; Д. 2875. Л. 30 об.
  29. Ахтямов К.Ш. Органы административно-территориального управления на Южном Урале в 1881 – 1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2000. С. 84 – 86 ; Хафизова Р.И. Государственное управление Уфимской губернией во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1999. С. 115 – 116.
  30. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. т. 3. 2676. Л. 20.
  31. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. т. 3. 2676. Л. 23 об, 28.
  32. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. т. 3. 2676. Л. 30.
  33. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Т. 3. Д. 3451; Д. 2676; Д. 2875.
  34. ПСЗРИ. Указ. изд. С. 173.
  35. РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 103. Л. 15 – 122.
  36. ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 2769. Л. 81 – 81 об.
  37. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Т. 3. Д. 2633. Л. 24.
  38. ГАВО. Ф. 14. Оп. 2. Д. 405. Л. 38 ; РГИА. Печатные материалы. Папка 2497. 1911 г. С. 121 – 151.
  39. ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 1813. Л. 15 ; Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2 т. Т. 2. М., 1997. С. 166 – 168 ; Владимирские губернские ведомости. 1910. № 22, 28 мая. С. 2.
  40. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1391. Л. 46.
  41. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1391. Л. 23.
  42. ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 2769. Л. 68.
  43. ПСЗРИ. Указ. изд. С. 557. Ст. 419.
  44. РГИА. Ф. 1284. Оп. 3. Д. 973. Л. 1 – 10.
  45. ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 2769. Л. 77.
  46. Коковцев В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1911 – 1919 гг. М. : Современник, 1991. С. 167.
  47. Палеолог С.Н. Указ. соч. С. 173 – 174.
  48. Витте С.Ю. Воспоминания. В 3 т. Т. 3. М., 1960. С. 162 ; Палеолог С.Н. Указ. соч. С. 57 – 60, 133.
  49. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1391. Л. 37.
  50. Витте С.Ю. Указ. соч. М., 1960. С. 135, 138.
  51. ГАРФ. Ф. 102. Д/п. 2. Оп. 62. Д. 74. Ч. 4. Л. 1 – 7.
  52. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1635. Л. 25, 48.

53. ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 2303. Л. 34, 37.
54. ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 2303. Л. 13, 34, 38.
55. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 3518. Л. 110.
56. Административные реформы в России: история и современность / под ред. проф. Р.Н. Байгузина. М. : РОССПЭН, 2006. С. 255, 261 – 262, 296.
57. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762 – 1914 гг. М., 1995. С. 513.
58. Маклаков В.А. Вторая государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля – 2 июня 1907 г. М., 2006. С. 114.
59. Там же. С. 114 ; Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907 – 1911 гг. М. : Наука, 1978. С. 240.
60. Владимирские губернские ведомости. 1907. № 3. 19 янв. С. 1 – 2.
61. Административные реформы в России: история и современность / под ред. проф. Р.Н. Байгузина. М. : РОССПЭН, 2006. С. 298 – 306, 310, 313 – 315.
62. Марасанова В.М. История органов губернского управления в конце XVIII – начале XX в. (на материалах Верхнего Поволжья) : дис. ... д-ра ист. наук. Ярославль, 2005. С. 543 – 544.
63. Зиновьев Н.А. На современные темы. Ч. V. Министерский проект реформы местного управления. СПб., 1909. С. 4 – 27.
64. Владимирские губернские ведомости. 1910. № 6. 9 февр. С. 2.
65. Палеолог С.Н. Указ. соч. С. 168 ; Каменский А. Реформа местного управления. Наблюдения и заметки практика. СПб., 1904. С. 3 – 39.
66. РГИА. Печатные материалы. Папка 240. С. 1 – 27.

I.A. Nikolaeva

**RELATIONSHIP OF PROVINCIAL ADMINISTRATION
AND THE CENTRAL POWER IN THE DUMA MONARCHY PERIOD
(IN THE CASE OF THE VLADIMIR PROVINCE)**

This article deals with relationship of provincial establishments with the central power, the place and the role of provincial authorities in the system of public administration, character, ways and features of relationship of the provincial authorities with higher instances in the case of Vladimir provincial administration's activity. The special attention is paid to a problem of the state control over provincial administration's activity and to questions of reforming of regional management's institutes towards strengthening of the governors' power in condition of power decentralization at the regional level.

Keywords: provincial administration, governor, Governor's Office, provincial government, Ministry of Internal Affairs, state control, government system, administrative reforms.

**ФЕНОМЕН «НОВОГО РЕАЛИЗМА» В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ XXI ВЕКА**

Статья посвящена исследованию проблемы трансформации реализма в русской литературе XXI века на материале новейшей современной прозы, в частности творчества З. Прилепина. Освещена краткая история возникновения термина «новый реализм», его сущность в контексте полемики о реализме в начале XX века в работах Е. Замятина.

Ключевые слова: реализм, постмодернизм, «новый реализм», неореализм, военная проза.

Дискуссия о «новом реализме» возникла в литературной критике в начале XXI века и до сих пор не утратила своей актуальности [9]. Начало литературной полемики было положено в 2001 году статьей молодого писателя С. Шаргунова «Отрицание траура», которая и стала манифестом новой литературы [10]. С. Шаргунов в этой и последующих статьях-декларациях напоминает, в сущности, о традиционных чертах русской реалистической литературы, утративших актуальность в непростой период 90-х годов – время широкого распространения литературы постмодернизма, которую писатель не без оснований называет «пароходом пародий». Всеобъемлющей иронии, пародийности, подчеркнутой интертекстуальности, откровенному преобладанию эстетизма и явной ориентации на западную постмодернистскую литературную модель автор нового манифеста противопоставляет подчеркнутую серьезность и демократизм, смысловую внятность и достоверный вымысел, стилистическую свежесть и художе-

ственную парадоксальность. Постулируются новый контекст, далекий от «предвзятости и идейной брони», всякой тенденциозности, психологизм, интерес к вечным проблемам. Нельзя не согласиться с автором «Отрицания траура», что реализм, постоянно обновляясь вместе с самой реальностью, «остается волшебно моложе постмодернизма». Новый реализм, утверждает С. Шаргунов, «более откровенен и резок, нежели классический, впитывает в себя актуальные интеллектуальные поиски, психологические откровения, языковые приемы, отражает более динамичную стилистически жизнь» [11].

Возвращение к старому «новому реализму» напоминает аналогичный в чем-то сюжет истории русской литературы начала XX века, когда в противовес литературе декаданса и модернизма Е. Замятиным была выдвинута теория неореализма, или синтетизма, призывающая соединить лучшие достижения реализма с эстетическими открытиями символизма, жизненную достоверность классиче-

ской литературы с метафизикой и смелыми стилистическими приемами нереалистической художественной системы [2]. Еретик и бунтарь в литературе начала XX века, Е. Замятин предвосхитил эстетические искания молодых писателей начала XXI столетия; протягивая руку всем тем, кого относят к «новым реалистам» – З. Прилепину, Р. Сенчину, С. Шаргунову, А. Бабченко, Г. Садулаеву и другим, он вновь напоминает о том, что история движется по спирали, что литературе всегда будет необходим сильный герой, а стиль может и должен быть революционным: «Очень прост Эвклидов мир и очень труден Эйнштейнов – и все-таки уже нельзя вернуться к Эвклиду. Никакая революция, никакая ересь не уютны и не легки. Потому что это – скачок, это – разрыв плавной эволюционной кривой...» [3, с. 437]. Уподобляя Россию ледоколам, которые он конструировал и строил, Замятин и русскую литературу, русское слово наделяет чертами исключительными, героическими. В связи с приведенной аллюзией можно вспомнить слова одного из молодых критиков нашего времени А. Рудалева, что «новый реализм» вспыхнул противовесом униженному достоинству нации» [8].

Размышляя о современном состоянии литературы, Е. Замятин в 1919 году писал: «Единственное оружие, достойное человека – завтрашнего человека, – это слово. Словом русская интеллигенция, русская литература десятилетия подряд боролась за великое человеческое завтра. И теперь время вновь поднять это оружие» [4, с. 403]. Наш современник, литературный критик «Континента» Е. Ермо-

лин, открывая своей статьей «Молодой "Континент"» очередной номер журнала в 2005 году, посвященный молодой русской литературе, перекликается с Е. Замятиным, подчеркивая сложность и ответственность нынешней эпохи, которую он называет периодом явного оскудения или даже утраты органической культурной традиции. Он справедливо утверждает, что «литературоцентризм есть парадигма русской культуры; литература в России давно стала средоточием духовной жизни, главным текстом культуры и главным ее контекстом. Это наша наиболее достоверная и убедительная родина» [1]. Е. Ермолин констатирует очевидный факт нашего времени – заново складывается духовное пространство серьезной актуальной напряженности. И оно быстро радикализуется. Молодые писатели, в том числе новые реалисты, отвечают на вызов эпохи полнее, чем представители старшего поколения. В современной литературе много боли, в ней присутствует исповедальное начало. «Векторы социального и экзистенциального реализма регулярно пересекаются с векторами экспрессионизма и сюрреализма. <...> Исторически, традиционно русская литература не отражает. Русская литература опережает» [1].

Один из наиболее талантливых представителей литературы «нового реализма» – Захар Прилепин, появление которого в начале XXI века сравнили с приходом в русскую литературу М. Горького, а его роман «Санька» – соответственно с романом «Мать».

Первый роман Захара Прилепина «Патологии» (2004 г.), принесший писателю всероссийскую известность,

тематически примыкает к современной военной прозе о чеченской войне. В отличие от В. Маканина, автора нашумевшего романа-притчи «Асан», З. Прилепин был участником первой и второй чеченских войн, поэтому об этих драматических событиях он пишет как очевидец. По мнению З. Прилепина, Чечня – индикатор состояния русского государства, его геополитической силы или слабости, и всякое сепаратистское движение на Кавказе оказывается, как правило, следствием его ослабления.

Об истории создания романа «Патологии» автор говорит следующее: «Мне, как человеку, видевшему эту войну изнутри, захотелось оставить какие-то заметки. Работая над книжкой, я перечитал «Кавказские повести» Льва Толстого. Они великолепны. Но сейчас, спустя сто пятьдесят лет, все уже происходит иначе. Люди стали другими. Я попытался отразить самоощущение современного человека в кризисной ситуации» [7]. Смысл названия романа З. Прилепин объясняет тем, что каждое сильное и искреннее человеческое чувство – любовное, политическое, любая страсть – всегда на грани патологии, «и тут самое главное не обвалиться в ад и ужас собственной души» [7]. В связи с этим высказыванием невольно вспоминается творчество Л. Андреева, в частности, его рассказ о русско-японской войне «Красный смех», где лейтмотивом как раз и является патологическое состояние «безумия и ужаса», овладевшее сознанием главного героя, не сумевшего противостоять кошмару войны.

Роман «Патологии» был очень высоко оценен критикой. Подчеркивая

трагический характер произведения, Л. Данилкин назвал его романом-катастрофой. С точки зрения Ю. Козлова, «Патологии» – лучшее на сегодняшний день произведение о новейшей Кавказской войне. Причем лучшее не в плане изображения тайных пружин этой войны, но в плане проникновения в «чернорабочую» плоть и душу войны. Захару Прилепину удалось сделать почти невозможное: показать Россию и Чечню через мировосприятие молодых, ежедневно рискующих жизнью людей. В принципе, любое классическое произведение о войне, будь то «Прощай, оружие!» или «В окопах Сталинграда», одухотворено некоей идеей, как бы облагораживающей и сглаживающей практику повседневного убийства. «Правда жизни» романа Захара Прилепина в том, что это роман о войне без идеи войны. Испытание войной, по Прилепину, – это испытание адом (без смягчающих обстоятельств), и каждый тут определяет собственное место соотношением своим человеческим (или нечеловеческим) качествам. А достоинство романа Прилепина в том, что даже в таких кроваво-скотских условиях многие его герои не превращаются в кровавых скотов, хотя и ходят по практически невидимой грани» [12].

Многие критики вполне обоснованно сравнивают роман З. Прилепина с лучшими произведениями военной, так называемой лейтенантской прозы: например, В. Бондаренко «Патологии» ставит в один ряд с ранней фронтовой прозой Ю. Бондарева и В. Быкова, К. Воробьева и В. Астафьева.

Капитолина Кокшенева пишет, что З. Прилепин вошел в литературу

как право имеющий, «нынешней ”философии” победы глянца Захар противопоставил почву и судьбу. <...> Ведь когда он говорил о войне, то изображал, в сущности, то, что навсегда-навсегда было убито: неслучившуюся любовь, несбывшееся будущее отцовство и работу на своей земле. Убиты не одни тела – убито то, что и позволяет назвать человека «его первым именем» (как говорил А. Платонов) – первым именем Человек» [5]. По мнению К. Кокшеневой, герой произведения З. Прилепина – это отрицание столь широко распространившегося в 90-е годы литературного нигилизма и противостояние антиидеалу современной литературы: «Над жизнью у Прилепина есть Судия, а значит – не все позволено. <...> Цивилизации смерти (а именно такова она сейчас) он противопоставил идею жизни как полыхающей, роскошной силы. Жизни юной, огненной, злой и активной, с мужественной и безжалостной волей, где беда и любовь, где ненависть и чистый запах младенца, где кровь, боль и неистовая тоска, где хлеб и водка, где родина и любимая женщина абсолютно равны друг другу: «Бог есть. Без отца плохо. Мать добра и дорога. Родина одна». Аксиомы. Они – генетический код прозы Захара Прилепина...» [5].

Содержание «Патологий» не исчерпывается рамками военной прозы, оно гораздо шире: стремясь создать объемный реалистический образ, автор пишет о довоенной жизни своего главного героя Егора Ташевского, о его корнях, детстве, смерти отца, первых разочарованиях, любви, одиночестве. И это вполне вписывается в традицию отечественной военной

прозы, где описание войны как пограничной ситуации помогает не только глубоко раскрыть характер героя (или антигероя), но и понять истоки мужества или трусости, чести или бесчестия, большого человеческого потенциала или аморализма. Как уже было отмечено критиками, для прозы Прилепина характерно волевое, энергичное начало, которое роднит ее с произведениями М. Горького, тот же нонконформистский дух, прославление жизни как деяния и человека как активного субъекта истории. Действительно, такого героя давно не было в отечественной литературе, находящейся в течение многих лет (в конце минувшего столетия) в состоянии глубокого кризиса.

Роман не случайно начинается с послесловия, мучительного воображаемого видения главного героя, которое является демонстрацией основной авторской идеи – идеи волевого отношения к жизни, готовности бороться за нее в прямом и метафорическом смысле до последнего вздоха. В этом физиологически точном, эмоционально и художественно очень сильном описании состояния человека, упавшего в автобусе в воду вместе с ребенком и сумевшего спастись благодаря своей воле, мужеству, жажде жизни, много убедительного психологизма, неизбежного в этом случае натурализма и в то же время глубокой символики. Сцепив одежду ребенка зубами, герой пытается всплыть, вступая с водой в смертельную схватку: «Я бился о воду, я рвал ее на части, я греб, и греб, и греб. <...> Я никогда не догадывался, что вода настолько твердая субстанция. <...> Я извивался в воде, я вымаливал у нее

окончания, я жил последние секунды, и никакая сила не заставила бы меня разжать зубы. <...> Сердце мое лопалось при каждом взмахе рук...» [6, с. 12]. И солнце явилось герою, словно рожденному заново.

Такое чрезвычайно страстное, драматическое начало является своего рода ключом ко всему произведению, в котором герои оказываются в патологической, противоестественной ситуации непонятной войны, где каждый день может оказаться последним и угроза подстерегает на каждом шагу. Вода как символ смерти выступает не только в начале, но и в конце романа: спасение, освобождение героя происходит в книге также дважды: воображаемое, иллюзорное, – в начале романа и реальное – в его финале, когда Егор Ташевский спасается от чеченцев, окруживших школу, через овраг, наполненный водой: «Падаю, хлебаю грязь и воду, потому что дыхания нет, воздуха нет, легкие вывернуты наизнанку. <...> Плыть дико, дико, дико тяжело. <...> Внутренности рывками, с каждым горловым спазмом, с каждой попыткой вдоха заполняются грязной, тяжелой водой...» [6, с. 330].

Война в романе «Патологии» бессмысленна, жестока, ничем не оправдана и не одухотворена никакой патриотической идеей. С одной стороны, автор жестко, почти документально пишет о войне как о тотальном всеобщем предательстве, реальном историческом событии 90-х годов прошлого века. С другой стороны, это – онтологическое зло, враждебное самой идее жизни, и здесь З. Прилепин, конечно же, продолжает толстовскую традицию в изображении войны как события, «противного челове-

скому разуму и человеческой природе» (Л.Н. Толстой). Не случайно военные события в романе перемежаются с эпизодами мирной жизни, где основным мотивом является любовь; символически звучит и название города, откуда приехал герой, – Святой Спас (невольно напрашивается противопоставление Грозный – Святой Спас). Большое место в тексте играют картины детства, деревенской жизни в маленьком домике на берегу «нежной и ясной реки», в которых З. Прилепин проявил себя как мастер лирической прозы: «Иногда по течению плыли яблоки, и отец, войдя в воду, за несколько мгновений догонял их, собирал и приносил мне. Если не хватало рук, чтобы собрать яблоки, он кидал их из воды на берег. Откуда плыли яблоки? Я не знаю...» [6, с. 38].

Захар Прилепин постоянно подчеркивает хрупкость и незащищенность человеческой жизни, причем не только на войне: до войны Егор боится потерять своего отца, потерять свою любимую, нарушить ее сон; в военных сценах перед нами в начале романа предстают мальчишки в камуфляже с затравленными глазами и тонкими запястьями грязных рук, уповающие только на Бога. Как часто повторяет Егор почти по-детски в минуты опасности: «Очень страшно, очень хочется жить. Так нравится жить, так прекрасно жить...» [6, с. 61].

Военные сцены описаны предельно натуралистично, почти буднично, без аффектации и мелодраматизма, но психологически убедительно – у молодых солдат от волнения трясутся руки, Ташевский вздрагивает, когда слышит звуки выстрелов. После первой военной операции вче-

рашние мальчишки пьют водку, чтобы забыться, но никуда не деться от тоски в глазах. В «Патологиях» присутствуют и привычные для классической военной прозы развернутые описания душевного состояния, традиционной рефлексии, связанные прежде всего с образом главного героя, Егора Ташевского, которого нельзя назвать человеком войны. Рефлексия главного героя, глазами которого мы и видим все происходящее в романе, объяснима не только отсутствием военного опыта, но также и складом его характера, типом личности и, конечно же, обостренной жаждой жизни. Вот размышления героя перед боем, вызывающие ассоциации прежде всего с произведениями Л.Н. Толстого: «Завтра бой». Где-то я слышал эти слова. Ничего в них особенного никогда не находил. А каким они смыслом наполнены неиссякаемым. Сколько сотен лет лежали так ребятишки на боку, слушая тяжелое уханье собственного сердца, помня о том, что завтра бой, и в этих словах заключались все детские, беспорядочные, смешные воспоминания, старые хвостатые мягкие игрушки, <...> родительские руки, блаженство дышать и думать...» [6, с. 169].

В романе много места уделено подобным размышлениям героя, осознающего беззащитность человека на войне, противоестественность убийства молодых и здоровых парней с такими крепкими и жесткими мышцами, которых «везут на убой». В описании внутреннего состояния человека на войне автор стилистически оригинален и убедителен. Например, чувство животного страха у героя так велико, что Егор ощущает, как у него начина-

ют ныть ногти. В тексте очень красноречивы детали, необычны метафоры: «Когда тебе жутко и в то же время уже ясно, что тебя миновало, чувствуешь, как по телу, наступив сначала на живот, на печенку, потом на плечо, потом еще куда-то, пробегает босыми ногами ангел, и стопы его нежны, но холодны от страха» [6, с. 265].

Трагическое начало является в этой книге преобладающим. Один из самых впечатляющих эпизодов – описание погибших, уже демобилизованных солдат, которых безоружными отправили без прикрытия домой: «По краю площадки ровно в ряд уложены несколько десятков тел. Солдатики... Посмертное построение. Парад по горизонтали. Лицом к небесам. <...> Я разворачиваюсь и иду к машине. В затылок будто вцеплены пальцы мертвого солдата, лежащего с краю...» [6, с. 24]. Не случайно, И. Золотусский назвал стиль З. Прилепина хорошим мужским стилем, для которого, как правило, характерна лапидарность и точность.

Если что и противостоит в романе-катастрофе онтологическому злу войны, страху смерти, так это всеобщее воинское братство. Автор мастерски строит повествование: незаметно участники этой «незнаменитой» войны становятся близкими, почти родными; странное теплое чувство вызывает у Ташевского и Грозный, лежащий в руинах: герой чувствует непонятную любовь к этому враждебному и прекрасному городу. Командир Семеныч для бойцов как отец: «С Богом, родные», – напутствует он их перед боем. Для Ташевского, не знавшего матери и рано похоронившего отца, отряд бойцов во главе с командиром Семенычем

становится семьей. Острое чувство боли испытывает он при виде погибшего изуродованного солдата, а перед очередным тяжелым сражением, мысленно обращаясь к своим бойцам, признается в любви к ним и одновременно испытывает чувство страха за их жизнь. И всему военному кошмару противостоит надежда героя на присутствие во всем земном божественного смысла: «Иначе, зачем здесь умирают наши парни...»

Действие, в начале развертывающееся неторопливо, к концу романа катастрофически ускоряется и достигает кульминации почти в самом финале – описании взятия школы – трагически сильном и мощном. Это, безусловно, самые впечатляющие страницы романа. Страстно, эмоционально, жестко описывает автор сокрушительный разгром русского отряда, мужество горстки оставленных без федеральной помощи бойцов, проявивших здесь лучшие человеческие качества.

Можно сказать, что подобных страниц мало в современной русской прозе.

«У разбитой, расхристанной, словно изнасилованной бойницы стоит Андрюха Конь, вросший в пулемет, сросшийся с ним, почти бессмертный, беспрестанно стреляющий, с тяжелыми, тяжело дрожащими от напряжения, белыми, даже под налетом пыли, песка, сажи, все равно белыми и живыми руками» [6, с. 320]. Таким, навсегда живым, он и останется в памяти главного героя, чудом уцелевшего в этом аду.

Как мы знаем, трагедия не знает уныния и чувства духовного поражения, поэтому в лучших традициях русской и мировой военной прозы роман З. Прилепина концептуально несет в себе идею неизбежной победы: «Горелый черный асфальт растрескался, когда мы на него ступили, как сохлый хлеб. Мимо летела ласточка и коснулась крылом моего лица. «Мир будет» [6, с. 347].

Библиографические ссылки

1. Ермолин Евгений. Молодой «Континент» // Континент. 2005. № 125 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2005/125/>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 19.02.2014).
2. Замятин Е. О синтетизме. Новая русская проза. О литературе, революции, энтропии и прочем. О сегодняшнем и современном // Замятин Евгений. Избранные произведения. М. : Сов. Россия, 1990.
3. *Он же*. О литературе, революции, энтропии и прочем // Замятин Евгений. Избранные произведения. М. : Сов. Россия, 1990.
4. *Он же*. Завтра // Замятин Евгений. Избранные произведения. М. : Советская Россия, 1990.
5. Кокшенева Капитолина. Драйв и счастье Захара [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://glfr.ru/biblioteka/kapitolina-koksheneva>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 18.02.2014).
6. Прилепин Захар. Патологии : роман. М., 2008.

7. Прилепин Захар. Чечня – индикатор состояния российского общества // Спецназ России. № 6 (93). Июнь 2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.specnaz.ru/articles/93/16/20.htm>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 22.02.2014).
8. Рудалев Андрей. Второе дыхание «нового реализма» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.glfr.ru>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 23.02.2014).
9. Сенчин Р. Питомцы стабильности или будущие бунтари? Дебютанты нулевых годов // Дружба народов. 2010. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2010/1/>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 21.02.2014). ; Данилкин Л. Клудж // Новый мир. 2010. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/1/, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 21.02.2014). ; Беляков С. Новые белинские и гоголи на час // Вопросы литературы. 2007. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2007/4/>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 21.02.2014). ; Ермолин Е. Случай нового реализма // Континент. 2006. № 128 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2006/128/>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 25.02.2014).
10. Шаргунов Сергей. Отрицание траура // Новый мир. 2001. № 12 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/12/, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 28.02.2014).
11. Шаргунов Сергей. Стратегически мы победили // Континент. 2005. № 125 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2005/125/>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 21.02.2014).
12. Захар Прилепин. Официальный сайт писателя [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zaharprilepin.ru>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 28.02.2014).

I.A. Kostyleva

THE PHENOMENON OF «NEW REALISM» IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XXI CENTURY

The article is devoted to research of a problem of transformation of realism in Russian literature of the XXI century on a material of the latest modern prose, in particular Z. Prilepin's works. The short history of emergence of the term «new realism», its essence in a polemic context about realism in the early XX century in E. Zamyatin's works is covered in the article.

Keywords: realism, postmodernism, «new realism», neo-realism, military prose.

**ПРОБЛЕМА ИКОНИЧНОСТИ В РАССКАЗЕ
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ПАСХАЛЬНЫЙ КРЕСТНЫЙ ХОД»**

Статья посвящена проблеме соотношения слова и изображения в рассказе А.И. Солженицына «Пасхальный крестный ход», рассмотрению повествовательных и композиционных принципов. Словесная живопись рассказа соотносится с понятием иконичности, выявляются литературные параллели и библейские аллюзии. Описание праздника Пасхи у Солженицына сопоставлено с произведениями Н.В. Гоголя, Б. Ширяева, В. Никифорова-Волгина.

Ключевые слова: иконичность, иконическое, повествование, композиция, экфрасис, реализм, натурализм, жизнеподобие.

Рассказ «Пасхальный крестный ход» написан А.И. Солженицыным в Переделкине 10 апреля 1966 года, в первый день Пасхи. Факт написания рассказа по личным впечатлениям придает произведению характер уникального свидетельства о бытии Церкви в советском обществе 60-х гг. XX века – открытом и подневольном одновременно. Ю. Глазов в своих воспоминаниях воспроизводит отдельные детали этого времени: «Великий либерал Н. Хрущев санкционировал закрытие нескольких тысяч церквей во всей России. Собор 1961 года принял постановления, которые ставили священника в исключительно зависимое положение от государства» [1, с. 204].

Название рассказа выдвигает в центр иконичное событие христианской жизни, наделенное особым энотопосом, если использовать определения иконичности и энотопоса, предложенные В.В. Лепахиным. Иконичность подразумевает «двуединство Первообраза и образа, Божественного и человеческого, небесного и земного, понятие энотопоса означает иконич-

ные пространство и время [2, с. 291]. Его участники, повторяющие движения жен-мироносиц ко гробу Спасителя, направление движения, песнопения, время совершения религиозной процессии, окружающее пространство, его наполненность определенными цветами, звуками – все соотносится с событием Воскресения Христа, открывшем человечеству путь в Царство Небесное. Но уже из первых строчек рассказа мы узнаем, что речь пойдет об особом крестном ходе – «через полвека после революции». Его изображение станет необычным.

В повествовательную ткань рассказа включено обсуждение возможностей изображения пасхального крестного хода различными художественными средствами. Тем самым читатель включается в процесс отбора и размышления о художественных принципах, наиболее адекватных предмету. Писатель сообщает о своем намерении воссоздать картину крестного хода «старыми ухватками», средствами масляной живописи. Солженицын вступает в полемику со «знатоками», сторонни-

ками авангардного искусства, сблизившими жизнеподобные формы с «цветной фотографией»: «А я недоразумеваю, какая цветная фотография отберет нам со смыслом нужные лица и вместит в один кадр пасхальный крестный ход патриаршей переделкинской церкви через полвека после революции». Писатель представляет картину особого рода, не исключаящую жизнеподобные формы, но и чуждую натурализма фотографии. Это не авангардное, но и не вполне реалистическое письмо. «Мысль вещи» изображается не помимо вещи, а в ней самой. Само изображение имеет определенный фокус, которого фотография обычно лишена: отбор лиц, их совмещение и соположение в одном кадре. Собственно изобразительная часть дополняется повествовательными и композиционными средствами: авторские комментарии и отступления, описания действий и форм поведения, перемещения авторского взгляда. И все же это описание не раскрывает до конца существа солженицынской словесной живописи.

Описание крестного хода представляет собой также вариант воображаемой картины, которую повествователь создает как будто вместе со своими слушателями. Воображаемые картины (предложение представить картину, описание ее, которое не обязательно должно завершиться созданием живописного произведения) встречаются в художественной литературе. Например, в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» князь Мышкин предлагает сестрам Епанчиным «нарисовать лицо приговоренного за минуту до удара гильотины». Подобный

прием используется и в рассказе «Пасхальный крестный ход».

Отбор Солженицыным принципов словесного изображения может быть пояснен обращением к другому произведению писателя – роману «В круге первом». За именинным столом у Глеба Нержина герои спорят о том, в какой мере художник должен следовать природе, и художник Кондрашев говорит: «Если, честно следуя природе, вы изобразите все так, как видите, – разве это будет все? А пение птиц? А свежесть утра? А эта невидимая, но обливающая вас чистота? Ведь вы-то, рисуя, воспринимаете их, они входят в Ваше ощущение летнего утра – как же их сохранить в картине? Как их не выбросить для зрителя? Очевидно, надо их восполнить! – композицией, цветом, ничего другого в нашем распоряжении нет» [3, с. 344]. По существу, речь идет о том, что в искусстве не может быть простого копирования. Творческий акт включает в себя эмоциональную предрасположенность художника, понимание «мысли вещи» и создание произведения, включающего в себя план реальный и идеальный.

Словесная живопись, используемая Солженицыным в рассказе «Пасхальный крестный ход», во многом подчиняется этой интуиции, но имеет еще один уровень. На наш взгляд, это уровень иконического и антииконического. Попробуем показать это.

В первую очередь автор охватывает взглядом «приоградье» переделкинской церкви. Это пространство выглядит разрушающим традиционную структуру площадки у стен Церкви и антииконичным: «топталовка при танцплощадке лихого рабочего посел-

ка». Молодые люди, по всей видимости, согнанные сюда насильно, не понимают смысла храмового убранства: «разглядывают зеленые, желтые и белые огоньки, зажженные у внешних настенных икон». Неблагообразными, неподобающими выглядят и формы поведения: «с победным выражением», «петушисто посматривают», «каждый четвертый выпимши, каждый десятый пьян», плевки, свист, нецензурная брань, табачный дым. Разрушены в молодежной среде и традиционные этикетные формы: «на православных смотрит вся эта молодость не как младшие на старших, не как гости на хозяев, а как хозяева на мух».

Заслуживает особого внимания эпитет «петушисто». Из возможных смыслов, окружающих образ петуха в языческой мифологии, здесь явно выбирается мотив всеведения, связанный с высокомерием, надменностью, воинственностью. Известно также, что в христианской иконографии петух считается эмблемой отречения апостола Петра. Как бы ни были изображенные Солженицыным молодые люди далеки от апостола Петра, их «петушиный» задор в день памяти Воскресения Христова становится ярким знаком отречения и мнимого всеведения.

Завершающий штрих в изображении «топталовки» – обобщенный, неиндивидуализированный портрет неверующей молодежи из рабочего поселка, находящейся в «двух шагах от страстей Христовых». В этом обобщенном портрете на первом плане оказываются черты антииконические. Акцентируются такие черты, как «победительно-презрительный» вид, «губы, изогнутые по-блатному», наглые разговоры.

Образ рабочей молодежи в рассказе, представителей передового класса, как полагали классики марксизма-ленинизма, – это особая антропологическая реальность. Характерно отсутствие описаний лица, отражения на лице перемен внутренних состояний – все скрывает «победный вид», за которым проступают черты звериные и демонические. Не случайно молодые люди именуются «зверятами», а образ беспорядочного и бесцельного движения («ходят», «кружат») вызывает ассоциации с бесовским началом и напоминает о пушкинском стихотворении «Бесы»: «В поле бес нас водит, видно, / Да кружит по сторонам». Люди, отрекшиеся от Христа, актуализируют в себе звериные и бесовские черты, затемняя в себе, затаптывая (случайно ли танцплощадка названа в рассказе «топталовкой»?) образ Божий и становясь антииконой.

Мотивы отсутствия подлинного лица и бесцельного движения-кружения повторяются и в описании начала крестного хода: «лица неразвитые, вздорные, самоуверенные на рубль, когда не понимают на пятак», «спешат, сами не знаю чего ищут», «толпятся, как бы ожидая начать фокстрот». Отказ человека видеть в себе и других образ и подобие Божие, подчеркивает Солженицын, делает человека примитивным, высокомерным, бестолковым.

Надменное и высокомерное поведение молодых людей взято писателем под подозрение, так как оно удаляет человека от Божьего замысла о нем. Солженицынская мысль имеет параллели в библейской книге пророка Исая: «И сказал Господь: за то, что дочери Сиона надменны и ходят,

подняв шею и обольщая взорами, и выступают величавой поступью и гремят цепочками на ногах – оголит Господь темя дочерей Сиона и обнажит Господь срамоту их...» (Ис. 3, 16).

Неоднократно писатель «разрывает» свое повествование предположениями о том, что молодежь пришла сюда не по доброй воле, а повинувшись чьим-то указаниям. Он отмечает как странность: «все приезжие, а все друг друга знают, и по именам. Как это у них так дружно получилось? Да не с одного ль они завода? Да не комсоргли их тут ходит тоже? Да может, эти часы им как за дружину записываются?» Упоминаются в рассказе и те, «кто натравил их сюда». Зверья, по наущению начальства готовые наброситься на кротких христиан, – этот образ вызывает в памяти судьбы первохристианских мучеников.

Оборачиваясь в глубь русской истории в поисках аналогов современным событиям, писатель предполагает исключительный, небывалый характер духовного разложения, свидетелем которого ему пришлось стать: «Татары, наверное, не заседали так на Светлую заутреню». При этом Солженицын фиксирует два вида безбожного поведения при советской власти: 1) штурмовики 30-х годов; 2) «как бы любознательное» поколение 60-х, тоскующее между хоккейным и футбольным сезонами. Посещение пасхального богослужения уподобляется развлечению наподобие спортивных состязаний, и аналогия с первохристианскими временами становится еще очевиднее.

Антииконичному крестному ходу на словесной картине, создаваемой писателем, противопоставлен «подлинный» крестный ход священников и верующих богомольцев. Само слово Ход в данном случае пишется с заглавной буквы, подчеркивается его близость к Первообразу. Изображение Хода четырехчастно. Первым показан пожилой мужчина, несущий фонарь и опасно посматривающий по сторонам. Ведущие мотивы изображения – опасение, стесненность, страх, испуг. Они преобладают и в описании движения хоругвеносцев, лишённого стройности: «не отдельно, а тоже как от испуга стеснясь». Вторая часть картины – десять поющих женщин, как будто не замечающих происходящего вокруг: «Они так торжественны, будто вокруг крестятся, молятся, каются, падают в поклоны». В этой картине выделяются лица пожилых женщин («с твердыми отрешенными лицами, готовые и на смерть, если спустят на них тигров» – еще одна аллюзия на сходство происходящего с первыми веками христианства) и девушек («как очищены их лица, сколько светлости в них»). Затем изображается шествие священников, снова «сжатое»: «кадиллом не размахнуться, орарий не поднять». Наконец, четвертая часть посвящена богомольцам, которых нет, только одна старуха крестится украдкой, «в стороне».

В изображении подлинного крестного хода просматриваются черты иконичности, но они фрагментарны. И хотя участникам религиозной процессии удалось на время «пробрать» и заставить притихнуть «зверья», Солженицын итожит свою картину словами: «Крестный ход без мо-

лящихся! Крестный ход без крестьянских! Крестный ход в шапках, с папиросами, с транзисторами на груди – первые ряды этой публики, как они втискиваются в ограду, должны еще обязательно попасть на картину!» Это картина, на которой неиконическое сталкивается с иконическим, не понимает его и пытается вытеснить.

Вместе с тем далеко не случайно современный поэт и эссеист О.А. Седакова вслед за А. Ф. Лосевым называет Солженицына «тайнозрителем социального и исторического» [4]. Зарисовка, столь выразительно изображающая пасхальный крестный ход в России 1966 года, завершается футуристическим пророчеством о судьбах той страны, в которой стали возможными «топталовки» в околоцерковном пространстве накануне Светлого Христова Воскресения. Это пророчество о гибели несправедного, неподобающего, неиконического: «Воистину: обернутся когда-нибудь и растопчут нас всех! И тех, кто натравил их сюда – тоже растопчут». Образ мышления и интонация этих фраз заставляют вспомнить библейских пророков, о которых В.С. Соловьев писал: «Главный предмет их умственного интереса, как и их сердечной заботы – не в области природы, а в области истории» [5, с. 61]. Это пророчество о судьбе государства, в котором Божья правда и Божий закон гонимы и попораны. Пророческое слово – тоже слово иконическое, так как оно являет людям Божественную правду. Финал «Пасхального крестного хода» перекликается с финалом рассказа «Матренин двор», где с опорой на Библию (Быт. 18, 23 – 33; Ис. 6, 13) говорится о праведности как основе жизни в селе, городе, стране.

Таким образом, солженицынское изображение пасхального крестного хода соотносит черты человеческого и социального бытия с представлениями об иконичном и антииконичном, за социальной и исторической плотью у Солженицына просвечивает духовная реальность, а человек становится центром пересечения двух плоскостей. Так рассказ Пасхальный крестный ход обретает черты христианской обличительной прозы.

Рассказ Солженицына естественно сопоставить с описаниями праздника Пасхи у других русских писателей, как до-, так и послереволюционными. Если проводить параллели с произведениями XIX века, то рассказ Солженицына, несомненно, близок очерку Н.В. Гоголя «Светлое воскресенье». Гоголевский очерк также включает в себя элементы социальной критики: «Даже и сам народ, о котором идет слава, будто он больше всех радуется, уже пьяный попадает на улицах, едва только успела кончиться торжественная обедня. Что это разве только карикатура, посмеяние над праздником, а самого праздника нет». И у Гоголя, и у Солженицына Пасха становится пробным камнем общества, называющего себя христианским, как это было в XIX веке, или отступившего от христианства, как в веке XX. Отметим только, что у Солженицына нет гоголевской мечты о том, что «праздник Воскресения Христова воспряднуется прежде у нас, чем у других».

Из произведений XX века можно назвать книгу Б. Ширяева «Неугасимая лампада». Но описание пасхальной заутрени на Соловках насыщено иными акцентами: сполохи се-

верного сияния, переживание торжества вечной жизни над смертью и страданиями, ощущение единства словесий. Социальные мотивы звучат приглушенно, в сообщении о том, что это была единственная разрешенная заутреня, чтобы блеснуть перед Западом «гуманностью и веротерпимостью».

«Борьба с пасхальной заутреней» становится предметом изображения в рассказах В. Никифорова-Волгина «Безбожник» и «Солнце играет». Если в центре «Безбожника» оказывается человек, воплощающий архетип благоразумного разбойника, сжигающий антирелигиозные плакаты и кающийся под звон пас-

хальных колоколов, то рассказ «Солнце играет» построен на контрасте изображения пасхального крестного хода и комсомольской пасхи, неожиданно ставшей не поруганием, а прославлением Церкви.

Солженицынское изображение во многом жестче, оно создано в ином социальном контексте: видимого свободного существования церкви и усиления внутреннего давления со стороны атеистического государства. Движимый верой в воскресение, писатель пророчески обличает современное общество и возвышает голос в защиту Христа, поправшего смерть, даровавшего человеку жизнь вечную.

Библиографические ссылки

1. Глазов Ю.Я. «Тесные врата». (Историческое повествование, воспоминания автора, родных и его друзей). СПб. : Изд-во журн. «Звезда», 2001.
2. Лепяхин В.В. Икона и иконичность. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб. : Успенское подворье Оптиной пустыни, 2002. С. 291.
3. Солженицын А.И. В круге первом : роман. М. : Наука, 2006.
4. Седакова О.А. Маленький шедевр: «Случай на станции «Кочетовка» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/malenkij-shedevr-slushaj-na-stancii-kochetovka/> (дата обращения: 01.07.2014).
5. Соловьев В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Пушкин в русской философской критике. М. : Книга, 1991. С. 43 – 91.

S.A. Martyanova

THE PROBLEM OF ICONICITY IN THE A.I. SOLZHENITSYN'S STORY «THE EASTER RELIGIOUS PROCESSION»

The article is devoted to the problem of relationship of words and images in the story «The Easter Religious Procession» by A.I. Solzhenitsyn, the review narrative and compositional principles. Verbal painting of the story refers to the concept iconicity, identifies literary parallels and biblical allusions. Description of Easter in the story is associated with the works of N.V. Gogol, B. Shiryayev, V. Nikiforov-Volgin.

Keywords: iconicity, iconic, composition, ekphrasis, realism, naturalism, lifelikeness.

ЛИНГВОФИЛОСОФСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО НАСИЛИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается актуальная для русской культуры проблема распространения инвективной лексики, снижающей ценностно-смысловую уровень речевого общения и семантически коммуникативный потенциал русского языка в целом. Выявляется генезис сниженного языка в культурной оппозиции «низа и верха», закрепленной в пищевых и половых табу. Языковое насилие выступает способом символической инверсии, обеспечивающей эмоционально-экспрессивный (суррогатный) выход за границы дозволенного в иллюзорный мир свободы от табу.

Ключевые слова: инвективная семантика, сниженный язык, стыд, смех, телесно-духовная оппозиция, табуирование, инстинкт, архаизмы, ритуальность.

Общее снижение уровня речевой культуры, происходящее на фоне революционных изменений в технических средствах человеческой коммуникации (мобильная связь, Интернет, компьютеризация), препятствует глубинному взаимопониманию субъектов общения, упрощает процесс духовной жизни общества, ведёт к примитивизации личностного поведения и др.

Употребление ругательств, бранных слов и выражений, использование стилистически сниженной и обценной лексики, грубых жаргонизмов демонстрирует падение культуры речевого поведения и расшатывание нормы литературного языка, носителями которой были грамотные слои русского народа, количество которых в советскую эпоху увеличилось. Сегодня, наоборот, уменьшается количество людей, умеющих выражать свои мысли и чувства литературным языком, что свидетельствует о низком уровне языковой и общей культуры, отражающемся на стиле повседневной быто-

вой коммуникации, а также на градации моральных предпочтений адресантов вульгарного и инвективного словоупотребления [7, с. 8; 17, с. 24].

Тенденция к распространению лексики с инвективной семантикой, провоцирующей деструктивные формы общения, связанные с нарушением моральных и правовых норм, наряду с вульгаризацией речи становится явлением опасным для русской культуры в целом. Сдерживание и контролирование негативного процесса инвективизации речевого поведения предполагает комплексный междисциплинарный подход к объяснению и пониманию корней агрессии слова, в котором бы сопрягались биологические, антропологические, этнологические, психологические, культурно-исторические, морально-педагогические, индивидуально-личностные и другие детерминанты логодеструктивности.

В социально-культурном контексте феномен языкового насилия генетически и функционально связан с со-

циальным насилием, природа которого исследуется в разных мировоззренческих координатах и познавательных дискурсах. Собственно языковое насилие во всем многообразии его форм, включая инвективность, является и средством, и результатом конкретно-исторических типов насилия как определённых коммуникативных актов. В русском культурно-языковом сообществе (как и в других лингвокультурах) языковая деструктивность транслируется по каналам общения, прежде всего, в разговорных регистрах обыденного языка, но также в техниках формально-нормативного уровня знаковой коммуникации: оба канала имеют длительную историю, отражающую становление и эволюцию русской цивилизации.

Гуманизация языка зависит от исследования природы и причин человеческих конфликтов и поиска адекватных средств их разрешения с учётом фактора психолого-когнитивной детерминации культурных процессов, протекающих в соответствии с интенциональным содержанием субъективности носителей той или иной семантической модели мира. Согласно гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа, категории языка, языковые структуры организуют когнитивно значимый материал и формируют на подсознательном уровне «лингвистическое» видение социальной реальности, построенное на языковых традициях социальной группы. Отдельный человек усваивает во время языковой социализации онтологию объективной реальности по эпистемологическим механизмам существующего общества, к которому принадлежит индивид. Он использует линей-

ные символические системы (языки и модели), обеспечивающие сохранение социума, как нечто независимое, лежащее вне его субъективности. Усваивая язык, индивид в категориях обыденного языка, воплощающих опыт предшествующих поколений, научается воспринимать в практике общения типологическую определённость вещей и процессов. Лингвистические модели направляют процесс восприятия по определённому каналу и создают формальные ограничения для интерпретации возможного опыта и структурирования феноменального мира [4, с. 5]. Идея об активности языковых категорий как системы координат, определяющей сферу значений родной культуры, позволяет глубже понять специфику семантической области, связанной с деструктивным языковым поведением.

В глобализирующемся мире русский язык подвергается культурно-языковой экспансии англо-американской цивилизации, несущей стилистику «менеджеров» и «шоуменов», которая закрепляется при помощи знаковых маркеров-суггестем. Языковая суггестия, подобно эпидемии, подавляет речевые практики национально-нормированного русского вербального мышления и навязывает чуждые нашей логосфере и ментальности идеи, ценности, смыслы и, вместе с ними, формы общения, эстетические пристрастия и вкусы, которые принимаются экономически господствующими социальными группами и через средства массовой информации распространяются на весь социум, «программируя» моностилистическую языковую культуру и связанные с ней умонастроения и способы жизненной ориентации, в

первую очередь, у молодого поколения (люди становятся рабами слов).

Редукция коммуникативно-речевого процесса до утилитарного моностиля, опосредованно отражающая новую рыночно-потребительскую среду и поведенческую раскованность социальных индивидов в межличностном общении, в контексте резкого имущественного и статусного расслоения российского социума оказалась синхронной всплеску «волны» просторечно-жаргонной, маргинально-субкультурной лексики (ругательств, словесной брани, вульгаризмов) в качестве языковых единиц, заменяющих литературные обозначения понятий и становящихся более предпочтительными и привычными словупотреблениями во всех возрастных группах.

Следует иметь в виду, что пристрастие к ругательствам (инвективам) является общечеловеческим феноменом, а не только русским. Так, исследователь культуры Средних веков Й. Хейзинга пишет об «эпидемии ругательств» в данную эпоху: «В позднем Средневековье ругань ещё обладает той привлекательностью дерзости и высокомерия, которые делают её сродни чему-то вроде благородного спорта... Один другого старается перещеголять по части остроты и новизны бранных выражений: умеющего ругаться наиболее непристойно почитают за мастера. Сперва во всей Франции... ругались на гасконский или английский лад, затем на бретонский, а теперь – на бургундский... Бургундцы приобрели репутацию наилучших ругателей...» [21, с. 176 – 177]. Как отмечал М.М. Бахтин, «у всех современных народов есть ещё огромные сферы непубликуемой речи,

которые с точки зрения литературно-разговорного языка, воспитанного на нормах и точках зрения языка литературно-книжного, признаются как бы несуществующими» [3, с. 415]. Языковая деструктивность тесно связана с телесными процессами, соматическим опытом, на который опирается ментальная жизнь человека. Культура задаёт образцы соматического моделирования, способы восприятия телесного вида, формы телесного поведения, связанные с осознанием идентичности. С другой стороны, человеческое тело выполняет универсальные функции в пространстве социальной коммуникации людей, являясь первичным неустранимым центром восприятия, запечатления, сохранения и трансляции наших социальных норм, нравственных и эстетических ценностей, устойчивость воспроизводства которых зависит от телесных привычек, включая привычку чувствовать, т.е. испытывать подходящие той или иной культурной ситуации чувства – радость, восторг, гнев, стыд, растерянность, подавленность, неприязнь, страх и т.д., которые сопровождаются соответствующими спонтанными соматическими реакциями – учащением дыхания, сердцебиением, покраснением лица, плачем, смехом, трепетом, выражением лица, позой тела, движением рук, речевыми актами и другими психосоматическими аффектами. Соматические самоощущения (комфортные или дискомфортные) служат телесными маркерами ментальных состояний, переживаемого внутреннего опыта, от глубины воплощения которого зависят сила добродетельной нравственной нормы, гармония художественного вкуса, полнота новой

научной идеи, твёрдость личностной религиозной веры, – и наоборот, телесные привычки и ощущения закрепляют, как само собой разумеющееся, отчуждённые формы межчеловеческих отношений (социальная несправедливость, физическое и духовное угнетение, ксенофобия, шовинизм, расизм, половое доминирование и др.).

Тело, таким образом, является одним из существенных измерений человечности, слагаемыми которой выступают дух и культура, определяющие способы восприятия нашего тела, и в то же время тело есть инструмент реализации ментальных и чувственно-волевых интенций личности. Тело выражает двойственность, неоднозначность существования человека как объекта и субъекта («я есть тело» и «я имею тело»), что создаёт амбивалентную ситуацию разного отношения как к собственной телесности, так и к телу другого человека, других людей, представленного в бинарных оппозициях силы и слабости, достоинства и унижения, заботы и угнетения, одухотворения и брутализации и др., зависящих от социальных форм жизни и личностного выбора поведенческой программы. «Общность и различие наших тел глубоко нагружены социальным смыслом. Мы апеллируем к нашей общей соматической форме, опыту, потребностям и страданиям, когда доброжелательно обращаемся к людям очень разных этносов и культур. Но и наоборот, тело (благодаря цвету кожи и волос, чертам лица и жестикации) является первоочередным средством для подчёркивания наших различий и создания недоброжелательных представлений. Большая часть этнической и расовой враждебности

является продуктом не рациональной мысли, а глубоко коренящихся предрассудков, соматически маркированных в терминах смутных ощущений неловкости, возбуждаемых чуждыми телами, – ощущений, испытываемых неявно и потому закрепляемых ниже уровня осознанности. Поэтому такие предрассудки и ощущения не поддаются исправлению чисто дискурсивными аргументами в пользу терпимости, которые могут приниматься на рациональном уровне, не отменяя инстинктивную власть предрассудков» [25, с. 55].

Инвективность имеет непосредственную связь с проблемой половой дифференциации человеческого вида, с различием между анатомией и физиологией мужского и женского тела, а также между мужской и женской психологией. Представление о мужественности и женственности существенно различается в разных культурных традициях, а также в разные исторические эпохи в развитии отдельных цивилизаций. В России долгое время доминировала парадигма маскулинности, заданная характером общественно-политического устройства страны и её культурным укладом, сформировавшим маскулинную (мужественную) ментальность в русском народе. Противопоставление мужчины и женщины в бинарной оппозиции является феноменом преимущественно общим для всей западной цивилизации от античности вплоть до первой половины XX века, возводимым на биологическом фундаменте. В результате контрастного восприятия полов складывается сниженный образ природы женщины как «ущербного мужчины», а мужчины как «первого по-

ла», имеющего право на социальное господство и получение телесных удовольствий.

В XX веке в Западной Европе, США возникает гендерная антропология, которая разрабатывает новую концепцию половой идентичности, отличающуюся от традиционной трактовки норм поведения мужчины и женщины во всех сферах жизни. Мужественность и женственность теперь рассматриваются как культурные феномены, которые смоделированы и продолжают моделироваться культурой, устанавливающей формы дифференциации между социальными ролями и половой конституцией человека. Образы телесности мужчины и женщины маркируются в символах, нормах, институтах, получающих «прописку» в дискурсивных и речевых практиках, а также в «особых языках» тела, включающихся в систему языков культуры и артикулирующих процесс социализации, самоидентификации и самовыражения личности. Анализ особенностей языка гендера в социокультурной коммуникации приобретает большое значение для понимания и прогнозирования социально значимых тенденций в эволюции общества.

Социолингвистические исследования показывают, что мужчины и женщины обладают различающимися формами гендерной речевой коммуникации: более мягкие у женщин и более жесткие у представителей «сильного пола». Мужчины, начиная с мальчиков, включаются в группы с иерархической организованностью, с явным лидерством, с использованием приказной лексики, демонстрирующей власть и контроль над другими [24, с. 46]. Видимо поэтому мужчины чаще всего упо-

требляют жесткие (инвективные) слова и обороты речи.

Роль инвективы в коммуникативном процессе полисемантична, поэтому довольно трудно обозначить причины её распространённости и живучести. Лингвисты отмечают наиболее очевидные коммуникативные функции инвективы, прямо не реализующей вербальную агрессию в межлических отношениях. Живучесть брани объясняется тем, что инвективы и вульгаризмы выступают словесным и жестовым способом (неосознаваемым или не вполне осознаваемым) примитивного подражания детьми некультурной, грубой манере общения взрослых. Примитивность инвективной речи привлекательна для детей своей «дурной» простотой, генетически связанной с первоначальным (дорациональным) «языком действия» (звуки, жесты, гримасы, крики), с которого, видимо, начинался человеческий язык, на основе врождённой языковой способности к именованию и синтаксической иерархии, но сам язык детерминирован культурой народа [2, с. 12; 15; 22].

По словам французского философа-структуралиста М. Фуко, в первоначальном моменте человеческий язык – это язык действия, это «говорящее тело», но он не дан с самого начала. «Единственно, что допускается природой, это жесты человека, находящегося в различных ситуациях». «Вопреки своему названию «язык действия» порождает неустранимую сеть знаков, отделяющую язык от действия» [19, с. 164]. Язык действия спонтанно использовал корни рудиментарных слов, идентичных для большинства языков человечества. Из

них в дальнейшем шло построение конвенционального (условного) языка.

При низком уровне речемыслительной культуры и бедном словарном запасе активизируются древние, архаические пласты психики, ограничивающие и подавляющие высшие (наиболее культурные) опосредованные слои, связанные с логико-дискурсивным мышлением. И наоборот, в психике людей с развитой интеллектуально-духовной культурой, с богатым словарным запасом происходит ограничение механизмов, порождающих процессы «припоминания» и вербальной актуализации протоязыка. Феномен мобилизации во второй половине XX века архаических структур психики необходимо интерпретировать в контексте «магического ренессанса» как синкретичного процесса, содержание которого ещё не определилось, но становится значимым элементом современной культуры. «В действительности оснований для «магического ренессанса» достаточно много, начиная с кризиса логоцентрической парадигмы культуры и кончая сдвигами психофизиологических режимов, связанными с изменением межполушарного доминирования. Речь идёт об, условно говоря, «правополушарном реванше» – глобальном переходе к доминированию несловесных правополушарных когнитивных технологий» [13, с. 44; 20, с. 83 – 96].

Семантическая связь бранной лексики с половой сферой обусловлена вековыми традициями реальных практик любовных отношений, основанных на подчинении женщины мужчине как проекции идеологических и институциональных механизмов подчинения индивида обществу,

стремящегося к контролю желаний и потребностей человека. Подмена смысла русского слова «пол» новым, заимствованным словом «секс» отнюдь не безобидно для коммуникации телесного и духовного в сфере половой любви. Инструменталистский подход к интерсубъективности распространяется и на сексуальные практики, которые становятся идеологиями и средствами власти, направленными на рационализацию и предсказуемость всех форм поведения. Одухотворению любви и пола не способствовала средневековая христианская традиция восприятия женщины как средоточия зла и греховности, но и современная эмансипация женщины тоже оказывается неотзывчивой на одухотворение и романтизацию любви, так как возвращает технизированное общество к языческому культу чувственно-телесных наслаждений, где женщина представлена существом, соблазняющим мужчину своей плотской природой. Внедрённое в современный русский язык слово «секс» легализует бездуховную, «механистическую» любовь и закрепляет в обыденном сознании инструменталистские речевые практики, маркирующие инвективные обозначения интимной области человеческой жизни без акцента только на женское естество. Распространению инвективы и вульгаризмов способствует зрелищная массовая культура (телевидение, кино, бульварно-гламурная пресса), делающая ставку на тёмные стороны человеческого подсознания, которым соответствуют низменные желания, связанные со сценами жестокости и эротики. Эксплуатация двух основополагающих инстинктов (Эроса и Танатоса) создаёт массового индивида, кото-

рого привлекает искусство, необремененное нравственными размышлениями, не требующее для его понимания высокого, наполненного духовными смыслами, языка.

Эротизация искусства, реклама сексуальной раскованности способствуют примитивизации, брутализации и виртуализации полового наслаждения и, как следствие, приводят к снижению речевому дискурсу пола, снимающему с интимности тайну и волнение. «Сегодня азартная игра с сексуальностью проводится неизмеримо в более широких масштабах, чем раньше. Где бы ни собрались люди, там непременно заходит речь о сексуальных проблемах. Они думают о них наедине с собой и рассуждают в общественных местах. Первоначально это интерпретировалось как эмансипация. Однако, как заметил Фуко, чем больше люди думают или говорят о них, тем в более сильной зависимости они от них оказываются... Конституировав человека как сексуально озабоченное существо, цивилизация вынуждена интенсифицировать его эротические переживания... Любовь всё более странная и извращённая занимает всё большее место в книгах и фильмах... Вместе с тем сами по себе перверсии опасны как для субъекта, так и прежде всего для тех, против кого они направлены» [10, с. 306; 11, с. 95 – 106].

Эмансипация полового инстинкта, снятие традиционных табу на социально вредные формы сексуальности таят в себе угрозу размывания фундаментальной иерархизированной бинарной оппозиции телесного и духовного, являющейся онтологической предпосылкой морального сознания,

генезис которого связан с необходимостью ограничения и регулирования чувственности на уровне самосознания в воплощённости языковых конструкций через вопрошание о самом себе в отношении к другим.

Инструментальное отношение к другому как объекту либидных привязанностей («телу без лица») лишает носителей редуцированного сознания этического содержания как выражения сущностной целостности человека, его включённости в череду поколений, воспроизводимых по законам половой любви, реализуемой в институте брака и семьи. Будущее либеральной цивилизации и русского народа зависит от того, как наше общество справится с перенесённой с Запада сексуальной свободой и переключит «внимание от телесного гедонистического способа бытия к рационально организованному социальному порядку, от способности вернуть чувственность в лоно устойчивых социальных ценностей, чтобы окончательно не подорвать социальный порядок» [16, с. 26]. Инвективная лексика у всех народов имеет явную транскультурную референцию к стихии материально-телесного человеческого низа, знаками которого выступают гениталии, коитус, физиологические отправления и некоторые другие органы и функции тела, выраженные словами или жестами, считающимися в конкретной системе культуры бранными, похабными, оскорбительными, непристойными, постыдными, неприличными, маргинальными, запретными. Генезис этого пласта языка и речи связан с древним (архаическим) периодом жизни человеческих обществ, обуславливающим во многом схожую для разных одноп-

ных культур табуированную эротическую символику и атрибутику, корни которой следует усматривать в биосоциальных (инстинктивно-детерминированных) поведенческих программах, унаследованных людьми от своих животных предков и связанных, в первую очередь, с процессом становления брачно-семейных отношений и их регуляций с помощью моральных предписаний и запретов в контексте магического первобытного сознания. В древнем обществе поведение индивидов управлялось «законом сопряжения» (партиципации), предполагающим такое восприятие, при котором объект может быть одновременно и самим собой, и другим, когда человек не мог ещё понимать смыслы, скрытые от внешнего, видимого, конкретного ощущения. Для «дологического» сознания (К. Леви-Брюль) значимыми являются конкретные события, те, что находятся «здесь» и «теперь». Ядро архаичной культуры составляет соционормативная поведенческая матрица, основу которой выражают табу-запреты, обеспечивающие «повседневную-наивную» коммуникацию всех членов общества в сфере половых отношений и приёма пищи [1, с. 61 – 62; 23]. Вредные и опасные для общества действия, совпадающие с их обозначениями в словах, запрещались вместе со словами, которые могли подталкивать к нарушению табу. Боязнь последствий от произнесённых запретных слов или символических жестов связана с феноменом партиципации – с нерелексивным отождествлением вещи и имени, действия и символа, события и знака. Нарушение табу могло привести к остракизму (изгнанию из общества), к кастрации или насильственной

смерти, поэтому у людей вырабатывалась потребность быть вместе с другими. «Для индивида настолько жизненно важна стадность, что стадные взгляды, верования, чувства составляют для него большую реальность, чем то, что подсказывают ему собственные чувства и разум... То, что человек считает правильным, действительным, здоровым, – это принятые в данном обществе клише, и всё, что не подпадает под эти клише, исключается из сознания, остаётся в бессознательном» [18, с. 349].

В архаическом обществе (лично-именном социуме) складывалась система воспроизводства традиций, направленная на сохранение взаимосогласованного опыта путём неукоснительного выполнения всех норм, предписаний и ритуалов наглядно-подражательным образом через повторение вербальных и телесных образцов, которые задаются взрослыми, авторитетными индивидами (старейшинами, наставниками, шаманами, старшими по возрасту, родителями) [14, с. 100].

В контексте древнего (наивного) сознания и языка формируется бинарно-оппозиционная символизация жизненного мира: с одной стороны, священные вещи и процессы, с другой – полюс демонического, нечистого, запрещённого, между которыми индивид должен держаться в своём поведении. По некоторым представлениям брань (мат) имеет свои корни в языческой магической формуле обращения славян к богине-матери с просьбой оплодотворения земли. Возникающая уже позднее инвективная лексика в смеховой форме нарушает табу, переворачивает симметрию высокого и

низкого, совершает символическую инверсию, обеспечивает эмоционально-экспрессивный (суррогатный) выход за границы дозволенного, создаёт иллюзорное ощущение свободы от половых и пищевых табу. Отчётливые границы непотребной речи возникают в письменных цивилизациях вместе с процессом институализации семейно-брачных отношений и регламентации места в них мужчины и женщины. Словоблудие рассматривается как выражение стремления «скверноговорящего» к нарушению норм полового поведения, принятых в той или иной культуре и искушающих к запретному.

В христианстве семантика брани обусловлена отношением церкви к половой жизни как средоточию греха, где вынужденно, т.е. по причине животности воспроизводства человека, люди впадают в искушение прелюбодением. Греховность пола угнетает душу христианина и вызывает моральное отторжение слов, обозначающих и описывающих разные стороны сексуально-брачной жизни. «Противопоставив себя язычеству, христианство должно было довести до логического завершения все важнейшие смысловые линии, перевернув их или переставив с одного места на другое, как того требовал принцип антитезы. Тело, прежде почитаемое, сделалось прахом и грязью. И в границах самого тела оформилась иерархия, появился образ с чётко определённой границей, отделяющей «верх» от «низа». Поликлетово «золотое сечение» треснуло, тело вытянулось, ушло вверх, символизируя прижизненный отказ от земного блага и выход к небу. Вытянулось и лицо, на котором главной

приметой стали огромные глаза – «зеркало души», – а всё остальное сделалось мелким и незаметным... Рот – сосредоточие греха на лице, и потому следует держать его закрытым или, по крайней мере, употреблять в дело как можно реже, воздерживаясь от пищи и от беседы... Если рот греховен, что же сказать тогда о смехе – грехе рта? Так смех делается несомненным знаком греха и – соответственно зла... На Руси смех вообще становится опознавательным знаком беса – голого, бесстыдного, зовущего к греху, а сама идея связи стыда и смеха, словесно переодевшись, находит своё выражение в древнерусской литературе – в слове «высоком» и «низовом» – особенно в наборе пословиц, на разные лады обыгрывающих связь смеха и греха: «Где грех, там и смех», «Смехи да хи-хи введут во грехи». Русь не знала отчётливого противопоставления смеха и стыда, зато она очень хорошо усвоила, что смех греховен» [9, с. 76 – 78]. В русской лингвокультуре сложились разные языковые пласты – духовно-возвышенный (богослужбный, церковно-славянский) язык и «мужицкий» язык крестьян и солдат, в котором матерная брань являлась средством непосредственной коммуникации, разновидностью разговорного языка большинства слоёв русского общества (так, Л.Н. Толстой, по свидетельству людей, близко знавших великого писателя, «спокойно» употреблял в устной речи «неприличные» слова, но нигде – в печатном виде). Этот парадокс связан как с двойственной биосоциальной природой человека, так и с ментальностью русского

народа, обусловленной общественным устройством, бедностью, массовой неграмотностью, укоренённостью в массовом православно-религиозном сознании языческих представлений, а также с психологическим привыканием к синкретичному языку брани. «При этом в православной традиции особо подчёркивается, что оскорбления разного рода (как собственно ругань, хула, так и осуждение, клевета) возникают в жизни человека для испытания прочности его веры и очищения души от грехов иного рода (через терпение хулы, смирение гордыни) и тем самым не только не несут вреда, а, напротив, представляют благо для обиженного» [26, с. 64].

В современном секуляризованном российском обществе церковь предпринимает усилия по воспитанию духовности, неотделимой от высокой (чистой от непристойностей) культуры речи, но её воздействие несравнимо слабее разтабуированной космополитической (американизированной) массовой культуры, изгоняющей из психики молодёжи чувство стыда применительно к сексуальной сфере. Волна либерализации половой морали «накрыла» постперестроечные поколения и привела к снятию запретов в сексуально-брачных отношениях. Как следствие «свободной» любви – раздвигаются рамки употребления ненормативной лексики, появляется новая речевая практика, отражающая общую атмосферу эротической раскрепощённости (например, перестают считаться неприличными публичные подчёркивания сексуальной привлекательности индивида, а также откоро-

венные разговоры «при всех» об интимной жизни конкретного человека и т.д.). Распространяется гламурность пропорционально увеличению нецензурного словоупотребления. Языковая разнузданность свидетельствует о неблагополучии в культуре, а не только в филологии. Смысловая энтропия государственно-идеологической ценностной матрицы запускает процесс расширения области «низкой» заповедной сферы языкового пространства, в пределах которого происходит компенсирование отсутствия откровенности, достоверности и истинности высказывания в формально-официальной языковой нише. Социальное расслоение порождает «комплекс неполноценности» у значительной части населения страны, который подсознательно нейтрализуется в ругательствах, снимающих психологическую напряжённость. Бранные слова создают атмосферу непринужденности в неформальном общении, служат маркерами принадлежности к определённой социальной группе (свой – чужой), выражают субкультурную идентичность, репрезентируют универсальную вербальную шкалу оценочных суждений (хула или похвала) действий человека. Кроме этого, сквернословие выступает в функции искусства как некий вид демонстрации оригинальности, остроумия, негативного стилистического и лексического творчества, нецензурной словарной изобретательности.

Русская лингвокультура онтологически словоцентрична: русский язык моделирует мир не только на логике, дающей жёсткую структуру организа-

ции слов в предложении, но и на интуитивном познании как более высоком уровне познания, синтезирующем в словообразовании грамматику с надситуативными общими смыслами, разделёнными в оппозиции профанного и сакрального. При сохранении онтологии нашей национальной ментальности бранная семантика не может выйти за пределы своего статуса неприличного языка. Вместе с тем почва для воспроизводства инвективной лексики будет существовать в русском языковом пространстве, да и в других лингвокультурах. Язык ругательств находится в тесной зависимости от силы табу, против которой и направлено инвективное словоупотребление. Его первичная половая и пищевая символика может не осознаваться говорящими, но подсознательно всегда моделирует архаику, главным образом, статусно-иерархических отношений и притязаний. «Можно не

сомневаться, что если бы из современного языка исчезли все табуированные слова, не оставив адекватной замены, произошло бы немедленное «очернение», «загрязнение» слов, которыми в настоящее время пользуются врачи и учёные для обозначения табуированных понятий» [6, с. 332].

При наличии богатой психической жизни у широких слоёв населения нашей страны, если верить в духовную силу русского народа, инвектива как своеобразный стиль повседневного бытового общения не будет угрожать необратимым снижением познавательного и коммуникативного потенциала великого русского языка. Для сохранения духовного здоровья нации необходима последовательная культурная политика, направленная на ограничение распространения непристойностей, жестокости в медийном пространстве, в сфере искусства, в повседневном речевом поведении.

Библиографические ссылки

1. Абрамова Н.Т. Несловесное мышление. М., 2002.
2. Ажеж К. Человек говорящий. М., 2006.
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
4. Брутян Г.А. Гипотеза Сепира – Уорфа. Ереван, 1998.
5. Васильев С.А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. Киев, 1994.
6. Жельвис В.И. Инвектива: опыт тематической и функциональной классификации // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985.
7. *Он же*. Инвективная стратегия как национально-специфическая характеристика // Этнопсихоллингвистика. М., 1988.
8. *Он же*. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 2001.
9. Карасев Л.В. Философия смеха. М., 1996.

10. Марков Б.В. *Философская антропология*. СПб., 2008.
11. *Он же*. Человек и язык // *Человек*. 2011. № 1.
12. Пауль Г. *Принципы истории языка*. М., 1960.
13. Пелипенко А.А., Хачатурян В.М. Когнитивные истоки «магического ренессанса» // *Человек*. 2009. № 3. С. 35 – 44.
14. Петров М.К. *Язык, знак, культура*. М., 1991.
15. Пинкер С. *Язык как инстинкт*. М., 2009.
16. Попова О.В. «Быть телом» или «иметь тело» // *Человек*. 2007. № 6. С. 18 – 30.
17. Степанов В.Н. *Провокативный дискурс социально-культурной коммуникации*. СПб., 2003.
18. Фромм Э. *Душа человека*. М., 1992.
19. Фуко М. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. М., 1977.
20. Хачатурян В.М. *Человек в пространстве неолита* // *Человек*. 2011. № 2.
21. Хейзинга Й. *Осень Средневековья*. М., 1988.
22. Хомский Н. *Аспекты теории синтаксиса*. М., 1972.
23. Чеснов Я.В. *Телесность человека: философско-антропологическое понимание*. М., 2007.
24. Шаров К.С. Мужчины и женщины в вербальной коммуникации: проблемы гендерлекта // *Вопросы философии*. 2012. № 7. С. 38 – 52.
25. Шустерман Р. Мыслить через тело: гуманитарное образование // *Вопросы философии*. 2006. № 6. С. 52 – 67.
26. Щербинина Ю.В. *Вербальная агрессия*. М., 2008.

P.A. Belousov

LINGUISTIC AND PHILOSOPHICAL MEASURING THE LANGUAGE OF VIOLENCE IN RUSSIAN CULTURE

The article deals with the actual problem for Russian culture, i.e. the problem of spreading invective vocabulary that reduces the value-semantic level of verbal communication and semantic communicative potential of the Russian language as a whole. The paper reveals the genesis of the low-level language in the cultural opposition 'top and bottom' as enshrined in the food and sexual taboos. Linguistic violence is a means of symbolic inversion, providing an emotional and expressive (surrogate) way out of the bounds of what is permitted in the illusory world of freedom from taboos.

Keywords: invective semantics, poor language, shame, laughter, bodily and spiritual opposition, taboo, instinct, archaisms ritual.

ТЕМА ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

На основе философско-антропологического подхода показан гуманистический смысл истории как альтернатива современному пессимистическому восприятию истории. Особое внимание уделено обоснованию гуманистического критерия развития общества.

Ключевые слова: многомерность истории, философия истории, гуманистический вектор, глобализация, гуманизация, философско-антропологический подход.

Проблема единства истории, ее смысла, вектора исторического развития относится к числу стационарных и актуальных вопросов философии истории. В разные периоды интерес к этой проблеме может обостряться или ослабевать, но он никогда не исчезает. Проблема вектора исторического развития – фундаментальная философско-историческая проблема, во многом определяющая саму природу исторического познания, в котором отражаются интенции общественного сознания. Открытость, непредсказуемость развития в сегодняшней исторической ситуации усиливает дезинтеграцию общества, утрату универсальной и общезначимой системы культурных координат, в которых человек мог бы соотносить себя с историческим прошлым. Именно в современную эпоху взгляд на историю как на особый способ бытия человека, находящегося в неразрывном единстве с прошлым, переживающего и действующего в настоящем, устремляющегося в будущее, становится весьма и весьма актуальным.

В философии истории можно выделить два варианта решения проблемы единства истории. Согласно первому варианту, история отождествляется с историей культуры, а сфера культуры в данных концепциях совпадает, лучше сказать, ограничивается исключительно сферой духовного. И если развитие истории, общества совпадает с развитием культуры, тогда история общества окажется сведенной к развитию некоей духовности. В этом случае история принимает субъектно-индивидуальный характер, она оказывается расчлененной на серию индивидуально неповторимых, абсолютно специфических личностных событий. Подчеркнем, что данная концепция не отрицает существования реальной всемирной истории. Однако история в ней перестает быть *целостным* процессом с присущими ему закономерностями, преемственностью, повторяемостью, превращаясь в некую сумму культур, стран, этносов, континентов, цивилизаций.

Согласно второму варианту, история представляет собой единое це-

лое. Такое представление было характерно для историков и философов Просвещения, авторов концепций утопического социализма, представителей позитивизма, классической немецкой философии, философии марксизма, философии истории экзистенциализма, сторонников концепций индустриального и постиндустриального общества.

С развитием философско-исторической мысли появляются все новые аргументы, подтверждающие единство истории. Важно и то, что они фигурируют у представителей самых разных направлений философско-исторической мысли; значит, единство истории представляется научно обоснованным с различных точек зрения.

Познание единства истории является основой изучения всего богатства ее конкретного содержания – стран, народов, эпох, цивилизаций. Любой исторический феномен может быть понят и объяснен лишь как часть чего-то более общего во времени и в пространстве.

Условием научности исторического познания, как отмечает Н.И. Смоленский, является не только признание идеи единства истории, но и характер самого понимания этого единства [14, с. 26]. Следует подчеркнуть: единство не является однообразием. Многообразие в полном объеме характеризует конкретно-историческую форму событий любого масштаба, которая всегда самобытна и неповторима, будучи продуктом особых исторических условий места и времени. Однако каждое событие – это не только его конкретно-историческая индивидуально-неповторимая форма, но

и заключенная в ней, скрытая от поверхностного взгляда, природа и сущность явления.

В этой связи решение вопроса о единстве мировой истории подразумевает обнаружение в потоке исторических событий, явлений, ситуаций определенной закономерности, внутренней связи, преемственности, *вектора*, который позволил бы не только объяснить ход прошедшей истории, но и выйти за пределы наличной исторической действительности и суметь предвидеть дальнейшее развитие истории.

Гуманистическое измерение истории для нас заключается в том, что человек является базисом всех человеческих отношений и человеческой истории, причем человек берется в отношении к природе, условиям жизни, опосредованным его предметно-чувственной деятельностью. Иначе говоря, человек – в такой же мере предпосылка истории, в какой и ее результат.

Законы человеческой истории есть законы человеческой чувственно-предметной деятельности. Человек как субъект исторического процесса является и конечной целью исторических преобразований, представляя собой непрерывный процесс становления, развития. Именно человек как деятельное существо, как создатель культуры.

Информационное общество, пришедшее на смену индустриально-технологическому (постиндустриальному) обществу, вызвало серьезные структурные изменения в бытии человека и его взаимодействии с природой, обществом, в положении человека в мире.

Начавшиеся глобализационные процессы, становление новой глобальной цивилизации не могли не привлечь внимание философов и историков. Как отмечает Б.Г. Могильницкий, «не удивительно поэтому, что ставшая в нашу эпоху очевидной раздираемая противоречиями реальность глобализации, в свою очередь, сделала такой же реальностью возникновение исторической глобалистики как особой отрасли научного знания, изучающей на том или ином, чаще всего региональном уровне развитие человеческого общества в глобальном мире. При этом предметом изучения выступает единство Земли, человечества и общества» [10, с. 460].

Оказалось, что информационное общество, возникшее на основе европейской научной рациональности, либеральных ценностей и демократических институтов, сегодня расшатывает и разрушает сами основания европейской культуры. Происходит смещение гуманистического вектора развития: он уклоняется от идеалов Возрождения и Просвещения, ориентированных на рациональную организацию общественной жизни, на развитие личности. Поэтому и встает вопрос: сохраняются ли гуманистические ориентиры в современном меняющемся мире?

«Эпоха самодовольства», «нового варварства», нивелирования, усреднения человека, «хаотизации ценностей», «тупиковая ветвь развития цивилизации» – философская и историческая литература сегодня изобилуют негативными и пессимистическими оценками современного общества.

Человечество вступало в XX век с надеждой на безоблачный технический прогресс, растущее благополучие и взаимопонимание между народами, уповая, что технический прогресс обеспечит идеальное развитие общества и решит все социальные проблемы. Но его осуществление обернулось цивилизационным кризисом.

На очевидный предел глобальной техногенной цивилизации указывают обостряющийся экологический кризис, изобретение и распространение оружия массового уничтожения. Эти явления обнаружили, по мнению Г.Г. Дилленгенского, вопиющий иррационализм ее высших принципов: неуклонный экономический рост и научно-техническое развитие, еще вчера почитавшиеся как творцы прогресса, сегодня создали угрозу физическому существованию человека. Вместе с конкретными результатами развития современной цивилизации девальвации подверглась и такая присущая ей цель, как материальное обогащение за счет эксплуатации природы и пронизывающий ее приоритет групповых – государственных, национальных, классовых – интересов над интересами общечеловеческими [4, с. 37 – 38].

Конечно, отрицать наличие кризисных явлений в современном обществе невозможно, но процессы, в нем происходящие, неоднозначны, заключают в себе различные, даже противоречивые тенденции. Глобализационные процессы порождают новые неизвестные человечеству реалии. С одной стороны, транснациональные экономические и политические объедине-

ния, общее информационное, образовательное и культурное пространство, с другой – острые конфликты между различными культурами, представления об обесценивании гуманистических ценностей, о конце «христианской культуры», изживание национально-культурной идентичности... Открытость, вариативность исторического процесса стали сегодня реальным фактом: человечество получило возможность выбора путей развития. Информационно-технологический процесс содержит в себе тенденции как разрушительные, так и положительные, которые помогают решать многие противоречия и конфликты, казавшиеся неразрешимыми в рамках традиционного индустриального общества.

Говоря сегодня о развитии общества, нельзя брать в качестве абсолютного критерия развития только положительные тенденции той или иной сферы социального бытия: прогресс техники, науки, искусства и т.д. Так, признание *технологического детерминизма* (в его монетаристской форме) в качестве основного критерия общественного прогресса превращает жизнь людей в «механический хозяйственный процесс» [12, с. 8].

Сама идея прогресса формировалась в течение столетий, постепенно обогащая свое содержание, но свое концептуальное выражение и теоретическое обоснование она получила в философии Нового времени.

Концепции, базировавшиеся на принципе «технологического детерминизма», абсолютизировали один из факторов общественного развития и

предлагали универсальные схемы исторического прогресса, который завершается установлением оптимального, по технологическим критериям, типа общества. Примерами могут служить теория «стадий экономического роста» У. Ростоу, теории потребительского общества Р. Арона, З. Бжезинского.

Однако сегодня все большую актуальность приобретают концепции исторического развития, в которых человек, его качества, развитие его творчества, знаний, интеллекта и развитие его духовно-творческого потенциала выдвигаются в разряд ведущих факторов, т.е. критерием общественного прогресса признается развитие человека, сближение права и ценности индивида и рода.

По мнению многих современных философов и историков, неотложной практической задачей становится требование формирования новой (антропогенной) цивилизации, которая по своей сути должна совпасть с культурой. Речь идет о синтезе, соединении достижений цивилизации с культурой, когда самоцелью становится развитие нравственно-творческого потенциала личности. Такая цивилизация, если она состоится, будет сообществом ассоциаций свободных людей, высший смысл жизни последних заключается в развитии своих творческих возможностей и дарований на основе гармонии отношений социального и природного бытия.

В.Д. Жукоцкий, сводя в одну плоскость понятия *глобализации* и *гуманизации*, отмечает, что достижение целей глобализации как всемирно-исторического процесса выступает

одновременно необходимым условием универсализации личностного потенциала человека, освобождения от ограничивающих его социально-классовых, национальных или конфессиональных условностей и обязанностей. По его мнению, критерием общественного прогресса и его конечной целью становится *человеческая личность*, возможность и перспектива ее всестороннего развития, а также ее универсализации в масштабах культуры, социума и природы [5, с. 285 – 287].

В.Д. Жукоцкий под «глобализацией» подразумевает концепцию «всемирной истории», разработанную К. Марксом в работах 1840 – 1850-х гг. Всемирная история – это взаимозависимость народов, связанных универсальными отношениями общения, которые оборачиваются отношениями по производству *действительной истории*.

В массовом сознании крепнет убеждение – и историки не могут пройти мимо этого, – что глобализационные процессы в действительности оказываются вестернизацией мирового сообщества, «западниванием мира». М.А. Кукарцева в своем исследовании делает вывод, что ряд западных философов и историков усматривают в этом «несомненную жизнеспособность духа Запада», для них «вектор дальнейшего магистрального движения Всемирной истории очевиден» [8, с. 47].

С нашей точки зрения, глобализационный проект должен действовать как некий универсальный закон исторического и логического восхождения человека к самому себе, к своей действительной и создаваемой самим че-

ловеком сущности. Он включает в себя две взаимосвязанные задачи: 1) создание человеческих *условий* существования и развития для *всех* людей – без различия их цвета кожи, национальных или социальных особенностей; 2) действительное развитие *родовых сил* человека, универсализации его потребностей и способностей к творчеству и любви, всесторонности личностного потенциала.

Таким образом, будущее существование и развитие общества должно быть развитием человеческого потенциала и освобождением сущностных, творческих, универсальных его сторон.

Этой концепции сегодня придерживаются многие авторы, которые, выдвигая идею постэкономического общества, связывают основные его черты с превращением труда в творчество, с заменой частной собственности на личную, с преодолением рыночных механизмов как основных регуляторов общественного хозяйства. Они рассматривают постэкономическое общество как наиболее соответствующую человеческой природе социальную структуру, а саму природу человека – как значительный фактор общественного прогресса. По их мнению, в основе человеческой природы лежит стремление человека стать чем-то большим, выйти за пределы традиционных материальных мотивов, форм деятельности, ценностей. Основа же постэкономического общества – переориентация интересов человека на задачи развития собственно личности, ее самодетерминаций. Следовательно, постэконо-

мический строй не требует перенесения основных интересов человека в сферу культуры или выхода за пределы материального производства. Он предполагает в целом переориентацию мотивов и стимулов деятельности на творчество [6, с. 162].

О.Л. Краева в статье «Развитие человеческого потенциала как мера гуманизации общества» в качестве критерия развития общества указывает объективно сложившиеся тенденции повышения роли потенциала человека и роли субъектного потенциала в жизни современного общества [7, с. 109]. В своих рассуждениях она обращается к индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП), который, по ее мнению, становится универсальным измерителем общественного прогресса. Этот составной индекс должен проявиться в области базовых возможностей человека в трех основополагающих сферах – долгая и здоровая жизнь, уровень образования и доход [7, с. 110].

Таким образом, О.Л. Краева отмечает, что в своей основе постиндустриальное общество стимулирует развитие личности. Решение проблем человеческих качеств, культуры личности, действительной свободы человека возможно только на пути снятия отчуждения человека от его сущностных сил, от культуры, на пути к свободному творческому бытию личности, движущей силой которого является диалектика потребностей и способностей как слагаемых культуры личности [7, с. 110].

Общим для всех этих концепций можно назвать то, что фундаментальным фактором, позволяющим структурировать всемирную историю, представить ее как единое целое, как упорядоченный динамический процесс, имеющий смысл, является человеческая деятельность, которая находит свое выражение в индивидуализации человека, в возрастании его самостоятельности, независимости, в повышении ценности «я», т.е. в прогрессе свободы и творческого потенциала.

Реальным действующим лицом всемирной истории выступает человек в качестве члена определенной социокультурной системы, обладающей как всеобщими системными качествами (общество), так и особенными конституентами (культура). Многогранность, многоуровневость человеческой деятельности обуславливают многообразие социальных общностей. На протяжении всей своей истории человек создавал различные социальные общности, каждая из которых выражала весь спектр исторически обусловленных ценностных ориентаций людей, способствовала прогрессу (росту) человеческой свободы. Создание каждой новой общности отвечало новым интересам людей, диктовалось потребностью в таком объединении, которое было бы адекватно целям и стремлениям определенных социальных групп, слоев общества и способствовало бы процессу индивидуализации.

В ходе исторического процесса возникали общности, выходящие за границы государства: экономические, религиозные, культурные и т.п. Так, П. Бергер [1, с. 227] определяет про-

цесс интериоризации религиозных ценностей, источником которых является не навязанный извне авторитет, а «опыт внутренней свободы», сознательный и самостоятельный выбор традиции как «категорического императива современной ситуации». В этом контексте рост свободы выступает как предоставление человеку возможностей самоопределения, самоактуализации, самореализации и самодетерминации.

Вместе с тем исторический процесс «сопровождается не только дифференциацией и автономизацией социальных общностей, но и их интеграцией, глобализацией, то есть созданием сложных многомерных образований, включающих в себя множество других» [13, с. 504]. Этот процесс, по мнению Е.М. Сергейчика, «сопровождается эмансипацией человека от доминирующего влияния тех общностей, которые длительное время конституировали другие общности, стремясь к контролю над ними и к управлению их деятельностью» [13, с. 504]. Социальные ценности перестают рассматриваться как данные извне, помимо человеческой воли, а начинают определяться как результат деятельности самих людей. Идет процесс нарастания «нового всеобщего социума», «формы свободного общения людей в силовом поле культуры, диалоге культур» [2, с. 220 – 223].

Рассмотрение социально-исторического прогресса как прогресса свободы и формирования универсального человека не содержит в себе ни телеологизма, ни финализма: оно направлено против идеи круговорота культурных форм. Смысл всемирной истории

в рамках этой концепции прогресса видится в создании условий, способствующих росту человеческой свободы, без чего невозможна самореализация личности, расширение сферы ответственности, что является условием существования общества.

Таким образом, из представленных в философии истории трех моделей развития всемирной истории – циклической, регресса и прогресса – наиболее адекватной реалиям истории является последняя.

Итак, развитие современной цивилизации связано с повышением значения деятельности отдельного человека, а это значит – с ростом его свободы и ответственности. Свобода – неотъемлемая характеристика современного гуманистического идеала – мыслится как установление равноправно-партнерских отношений с тем, что находится вне человека: с природными процессами, с другим человеком, с ценностями иной культуры, с социальными процессами и т.д., т.е. свобода понимается не только как выражение проективно-конструктивного отношения к миру и создание такой предметной среды, которая контролируется и управляется, но и как такое отношение, когда я принимаю другого, а другой принимает меня. Важно подчеркнуть, что принятие не означает простого довольствования тем, что есть, а предполагает взаимодействие и взаимоизменение. При этом речь идет не о детерминации, а именно «о свободном принятии, основанном на понимании в результате коммуникации» [9, с. 23]. В этом случае формируется особого рода деятельность. Это не де-

тельность по созданию предмета, в котором человек пытается запечатлеть и выразить самого себя, т.е. такого предмета, который как бы принадлежит субъекту. Это взаимная деятельность, взаимодействие свободно участвующих в процессе равноправных партнеров, каждый из которых считается с другим и в результате которой оба изменяются.

Такой подход предполагает наличие нередуцируемого многообразия, плюрализма разных позиций, точек зрения, ценностных и культурных систем, вступающих друг с другом в отношении диалога и меняющихся в результате этого взаимодействия.

Оптимистичный взгляд на будущее мы связываем с тем, что XX век произвел грандиозный переворот в коллективном сознании, касающийся представлений об отношениях между людьми. Он выразился, во-первых, в том, что возникло осознание *необходимости выработки общих ориентиров для всего человечества в виде таких идеалов и ценностей*, которые способствовали бы взаимопониманию и сближению людей по наиболее важным, фундаментальным проблемам существования мирового сообщества.

Ставшие сегодня очевидными процессы глобализации и интеграции в качестве *тенденций* начали формироваться значительно раньше. На рубеже XVIII – XIX веков их заметили и дали им первую оценку классики немецкой философии Кант и Гегель. Н.В. Мотрошилова отмечает вообще характерное для философии «опережающее, предвосхищающее реальную историю осмысление интеграционных

процессов» [11, с. 6]. По ее мнению, общий вывод, который можно сделать из истории философии, заключается в том, что «единство человечества – это и есть одна из важнейших «внутренних целей», т.е. объективных тенденций всемирной истории» [11, с. 13]. Если такова «цель» истории, то история предстает как процесс объединения разных этносов, стран, цивилизаций в глобальную всечеловеческую целостность при условии постоянного существования уникально-единичного, национально-особенного и их борьбы, гибели отдельных цивилизаций, но выживания цивилизации в целом.

Во-вторых, все большее понимание находит то, что *традиционные, частные установки и приоритеты должны уступать место общечеловеческим моральным и нравственным стандартам* в тех случаях, когда первые противоречат вторым. Данная позиция совпадает с точкой зрения гуманизма, полагающего, что «*преступлением перед человечеством должно быть признано все, что ущемляет права конкретного человека, независимо от его пола, возраста и иных признаков*» [3, с. 351].

Надо отметить, что такую точку зрения разделяют далеко не все. В качестве примера можно сослаться на материалы X Всемирного русского народного собора «Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке», в которых она была подвергнута критике – в ряде случаев справедливой – за свою абстрактную постановку [15, с. 247].

Знамение времени, в контексте сказанного, – культивация взаимопо-

нимания людей разных духовных ориентаций, поиск компромиссов в социально-политической жизни, устранение насилия как способа решения проблем. Человечеству предстоит долгий и непростой путь к утверждению гуманного мира как естественного состояния жизни. Но гуманизм не может быть обоснован только нравственными постулатами, это не частное явление общественной мысли той или иной эпохи, а это сама суть культурно-исторического процесса становления человека в его истории, обретения им все новых степеней свободы, справедливости и ответственного отношения к Жизни.

Всемирная история – это процесс превращения гуманизма в универсальное и всеобщее явление мировой культуры. С этой точки зрения гуманизм есть *процесс*, динамичный, находящийся в постоянном движении и поиске.

Поэтому именно сейчас идейная регуляция жизни общества, выработка норм, идеалов и ценностей, которые программируют жизненные мироориентации людей, – наиболее сложная задача, стоящая перед интеллектуальным сообществом [16].

Но делать окончательные выводы о судьбе нашей эпохи рано, мы имеем дело со слишком малым отрезком истории. Из рассуждений К. Ясперса о смысле и назначении истории следует, что лишь история человечества в целом может дать масштаб для осмысления того, что происходит в настоящее время, будущее мыслится как продолжение настоящего, основы которого не устраняются, а сохраняются... «Каждый, кто обращается к истории, невольно приходит к этим универсальным воззрениям, превращающим историю в некое единство... В историческом мышлении оно обычно является само собой разумеющимися предпосылками» [17, с. 30].

Библиографические ссылки

1. Бергер П. Религиозный опыт и традиция // Религия и общество. М., 1994. Ч. 1.
2. Библер В.С. Культура. Диалог культур // На гранях логики культуры. М., 1997. С. 220 – 223.
3. Гивишвили Г. Феномен гуманизма. М., 2001.
4. Дилигенский Г.Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 37 – 62.
5. Жукоцкий В.Д. Основы современного гуманизма: российский контекст. М., 2006.
6. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М., 1998.
7. Краева О.Л. Развитие человеческого потенциала как мера гуманизации общества // Философская антропология и гуманизм. Владимир, 2004.
8. Кукарцева М.А. Современная философия истории США. Иваново, 1998.
9. Лекторский В.А. Идеалы и реальность гуманизма // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 22 – 28.

10. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Историографическая революция. Томск, 2003.
11. Мотрошилова Н.В. Идея единой Европы: философские традиции и современность // Вопросы философии. 2004. № 11. С. 3 – 19.
12. Пуляев В.Г. Россия в историческом пространстве и современный вектор ее общественного развития // Социально-гуманитарное знание. 2000. № 4. С. 3 – 19.
13. Сергейчик Е.М. Философия истории. СПб., 2002.
14. Смоленский Н.И. Теория и методология истории. М., 2008.
15. Шмеман А. Дневники 1973 – 1983. М., 2005.
16. Швырев В.С. Знание и мироотношение // Философские науки. М., 1997. Вып. 1. С. 163 – 185.
17. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

L.S. Andreeva

SUBJECT OF HUMANISTIC MEASUREMENT OF HISTORY IN MODERN PHILOSOPHY OF HISTORY

On the basis of a philosophical and anthropological approaches the paper shows humanistic sense of history as an alternative to modern pessimistic perception of history. A particular attention is paid to justification of humanistic criterion in the development of the society.

Keywords: multidimensionality of history, history philosophy, humanistic vector, globalization, humanization, philosophical and anthropological approach.

УДК 2-12

И.Я. Кантеров

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «СПИСКА ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ» МИНЮСТА РФ

Минюст России публикует в сети Интернет федеральный список экстремистских материалов. Существует проблема подготовки экспертных заключений с привлечением авторитетных религиоведов. Необходимо придать «Списку экстремистских материалов» большую содержательную ясность и прозрачность для более эффективного противодействия экстремистской деятельности.

Ключевые слова: экстремизм, экспертиза, религиоведение.

В соответствии со статьей 13 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», пунктом 7 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1313, на Минюст России возложены функции по ведению, опубликованию и размещению в сети Интернет федерального списка экстремистских материалов [3]. Знакомство с содержанием «Списка экстремистских материалов», размещённых на сайте Минюста РФ, пробуждает в памяти один почти забытый документ – «Силлабус», обнародованный папой Пием IX 8 декабря 1864 г. и осуждающий главнейшие заблуждения в религиозном, политическом и общественном отношении. Напомним, латинское слово «Силлабус» переводится как «Список» [2]. В «Списке» Пия IX осуждаются 80 самых различных философских и политических концепций, религиозных учений и взглядов (начиная от республиканской формы правления и заканчивая предоставлением права женщинам на участие в выборах). «Силлабус» отражал желание папства сохранить средневековые привилегии Римско-католической церкви.

К середине мая 2012 г. в «Список» Минюста включены 1164 единицы материалов экстремистской направленности, а к началу апреля 2013 их количество достигло 1777. Содержательно «Список» представляет собой перечень сумбурно собранных и тематически разнородных материалов, например трудов авторитетного исламского богослова Саида Нурси и в то же время множества листовок, содержание ко-

торых или не раскрывается, или формулируется так, что невозможно понять, о чём идёт речь.

Правовые основания и замысел «Списка»

Статьей 13 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», как уже отмечалось выше, на Минюст России возложены функции по ведению, опубликованию и размещению в сети Интернет федерального списка экстремистских материалов. В статье 13 ничего не говорится о целях и задачах составления, пополнения и обнародования «Списка». Однако дух и буква Закона позволяют сформировать представление о замысле составления и публикации «Списка». Правда, заглавие самой статьи 13 менялось. В первой редакции Закона (2002 г.) она называлась «Борьба с распространением экстремистских материалов». Следовательно, основной целью «Списка» провозглашалась борьба с распространением материалов, имеющих экстремистское содержание. В последующих редакциях Закона статья 13 уже называется по-другому: «Ответственность за распространение экстремистских материалов». Таким образом, жёсткое заглавие статьи 13 меняется на более «спокойное», не сводящее противодействие экстремизму исключительно к борьбе. Применительно к экстремистским материалам термин «ответственность» может быть истолкован и как предназначение «Списка» для профилактики экстремистских взглядов и деятельности. Сам факт появления таких материалов «на доске позора» призван оказывать упреждающее

воздействие. Авторы, распространители и хранители экстремистских материалов предупреждаются об ответственности за свои деяния. Это, по нашему мнению, – основная цель, которую преследовали изобретатели «Списка», придавшие ему статус законодательной нормы.

Структура и содержание «Списка»

В «Списке» преобладают материалы политического и националистического содержания, но нередко они включают в себя и сюжеты религиозной направленности. Если классифицировать материалы, непосредственно относящиеся к религиозной тематике, то вырисовывается следующая картина (на середину мая 2012 г.). С большим отрывом идут материалы исламского содержания – 291 единица. Новые религиозные движения (вместе с изданиями Свидетелей Иеговы) – 69 единиц. Язычество представлено 45 материалами. Итого: 405 экстремистских материалов религиозного содержания.

При изучении материалов экстремистского содержания рассматриваемой категории обращает на себя внимание такая особенность. Начиная с 2010 г., в «Список» попадают публикации иеговистских журналов (в экспертных заключениях они почему-то иногда называются «брошюрами»), изданные в 1998 г. Но надо знать утвердившуюся традицию изучения на собраниях Свидетелей Иеговы публикаций журнала «Сторожевая Башня». Изучаются лишь материалы последнего номера журнала, обозначенные как «статьи для изучения на неделе». Именно эти журналы и распространяют миссионеры Свидетелей

Иеговы на улицах, в транспорте, разносят по квартирам. Ранее изданные журналы не изучают на молитвенных собраниях и не задействуют в активном миссионерстве, они хранятся в личных или общинных архивах. Это замечание в полной мере относится и к личным библиотекам. Теперь, с испугом реагируя на практику привлечения к ответственности только за хранение литературы экстремистского содержания, религиоведам, историкам религии, просто интересующимся религией следует, во избежание неприятностей, регулярно и основательно проверять свои библиотеки на наличие в них книг, с экстремистским содержанием. И здесь встаёт вопрос об осведомлённости россиян о существовании и доступности «Списка экстремистских материалов», размещённого только на сайте Минюста. Бесспорно, что незнание закона не освобождает от ответственности, но каким образом не имеющие компьютеров, но имеющие личные библиотеки смогут постоянно сверять содержание находящихся у них книг со списком экстремистских материалов, размещённым только на сайте Минюста? К тому же «Список» непрерывно пополняется и обладатели личных библиотек, во избежание неприятностей, должны стать постоянными посетителями сайта Минюста. С подобными проблемами уже сталкиваются и государственные библиотеки, особенно районные и сельские, у которых или отсутствуют компьютеры, или они не подключены к Интернету. Правда, в статье 13 Закона говорится об опубликовании «Списка» экстремистских материалов не только на сайте Минюста, но и в средствах массовой информации, однако пока это не сделано.

Экспертиза

Перед тем как попасть в «Список», материалы должны пройти экспертизу. Как правило, экспертиза является комплексной (комиссионной). В неё входят психологи, лингвисты, а в случае религиозно мотивированного экстремизма привлекаются религиоведы. По закону «О противодействии экстремистской деятельности» информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов. В реализации этого предписания выявляются любопытные «географические особенности». Обнаружение распространения таких материалов чаще всего происходит в районных центрах или городах Сибири и Дальнего Востока. И это при том, что офисы и издательства религиозных организаций, причастных к их распространению, в основном находятся в Москве и Санкт-Петербурге. Но даже если литература, признанная судами экстремистской, издаётся за рубежом, то и она распространяется прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге, поскольку здесь сконцентрировано больше всего миссионеров. Но, по необъяснимым причинам, изъятия экстремистских материалов, содержащихся, например, в изданиях иеговистов и саентологов, происходят в Горно-Алтайске и Сургуте (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра), Йошкар-Оле, Чебоксарах. Здесь же проводятся следствия, заказываются экспертизы, выносятся судебные решения.

Несуразица наблюдается в организации и качестве экспертных заключений по делам об экстремизме. Изучение составов экспертных комиссий по-

казывает: к проведению ни одного экспертного заключения не были привлечены авторитетные религиоведы. Если судить по резонансным судебным процессам, то самые квалифицированные объективные религиоведы трудятся сегодня в Кемеровском госуниверситете, хотя здесь нет и никогда не было кафедры религиоведения и профессиональных религиоведов. Тем не менее это учебное заведение более 10 раз назначалось для проведения экспертных заключений по обвинению в разжигании ненависти и вражды по отношению к религии. Именно «эксперты» этого университета взяли за проведение экспертизы по признанию книги «Бхагават-Гита как она есть» экстремистской после того, как в ходе первого судебного процесса в Томске авторы экспертного заключения по этой же книге отказались поддерживать выводы собственной экспертизы и вышли из процесса.

Но даже привлечённые в качестве экспертов профессиональные религиоведы порой демонстрируют удручающе низкий уровень религиоведческой культуры. На основании заключения экспертов по комиссионной комплексной судебной экспертизе (при участии Сергея Астапова) решением Ростовского суда была ликвидирована местная религиозная организация «Свидетели Иеговы "Таганрог"» [4]. При чтении пространного экспертного заключения Астапова поражает не только игнорирование принципов свободы совести и положений Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», но и та легкость, с которой одним-двумя предложениями в публикациях вероучительного содержания обнаруживается

формирование негативного образа других вероучений. Несмотря на кандидатскую степень, эксперт на полном серьёзе считает негативным восприятие Римско-католической церкви, используя «при этом исторические факты, компрометирующие католическую церковь (конкордат с фашистской Германией, порочность некоторых римских пап, случаи безнравственного поведения священнослужителей)...». Правда, затем следует оговорка о предостережении «против отождествления Католической церкви с Великой блудницей Апокалипсиса» [1].

В религиозноведческом разделе экспертизы перечисляются высказывания, будто бы демонстрирующие негативное отношение Свидетелей Иеговы к разным элементам традиционного христианства: «многие священники лживо утверждают, что могут помочь умершим», некоторые религии учат тому, что «после смерти плохие люди вечно мучаются в огне». Отметим, что все приведённые суждения содержатся не в трактате сравнительного религиозноведения или полемическом сочинении, а экспертизе, которая, по определению, должна быть свободна от конфессиональной и идеологической ангажированности. Но вершиной религиозноведческого творчества Астапова следует назвать причисление к экстремистским высказывания великого русского писателя Льва Николаевича Толстого о вероучении и обрядовой практике Русской православной церкви [1].

В большинстве случаев тексты экспертных заключений перекочёвывают в судебные решения, тем самым юридически одобряя позицию экспер-

тов, в том числе нередко имеющих весьма отдалённое отношение к теоретическому и практическому религиозноведению. Не обладая необходимыми религиозноведческими познаниями, судьи фактически принимают на веру любые заключения экспертов. Ни в одном судебном процессе судьи, прежде чем заслушать экспертное заключение, не выясняли уровень профессиональной квалификации эксперта, его образование, научную степень, наличие научных трудов, опыт участия в проведении религиозноведческой экспертизы. На наш взгляд, игнорирование неперемогенного установления в ходе судебного заседания способности эксперта объективно и качественно вынести заключение о наличии или отсутствии в предъявленных материалах является одной из причин низкого уровня судебных решений по делам об экстремизме. Поэтому подробный опрос эксперта на предмет выяснения соответствия его профессиональных качеств требованиям, предъявляемым к привлекаемым для проведения экспертизы, должен стать неперемогенным условием судебных рассмотрений дел об экстремизме. Соблюдение этого условия позволит существенно повысить качество экспертных заключений, отстраняя от участия в проведении экспертизы случайных людей. Не следует забывать, что «эксперт» – это лицо, обладающее специальными знаниями и привлекаемое для проведения экспертизы. Соответственно, современное значение слова «экспертиза» подразумевает исследование вопросов, требующих специальных познаний в конкретных областях.

Результаты

Размещение на сайте Минюста «Списка экстремистских материалов» призвано было способствовать повышению эффективности противодействия распространению экстремистских идей и экстремистской деятельности. Однако на деле «Список» не способен сколько-нибудь повлиять на снижение экстремизма во всех его проявлениях. Трудно себе представить, каким образом он может быть использован сотрудниками правоохранительных органов в их повседневной работе. Они просто утонут в этой постоянно увеличивающейся лавине экстремистских материалов, непрерывно поступающих из разных уголков нашей необъятной страны. К тому же по содержащимся в «Списке» материалам экстремистской направленности весьма трудно составить объективное представление о масштабах распространения различных проявлений экстремизма, поскольку, как уже отмечалось, дела об экстремистских материалах зачастую рассматриваются не в местах дислокации религиозных центров, издательств, а по месту их обнаружения.

Мало пользы «Список» может принести и научному сообществу, так как исследователю состояния экстремизма, в том числе и религиозно мотивированного, придется заниматься идентификацией многих материалов, закодированных знаками, цифрами, непонятными аббревиатурами.

И, наконец, «Список» не выполняет профилактические функции, его продолжительное существование не оказывает упреждающее воздействие на потенциального изготовителя или распространителя экстремистских материалов. Почти 80 % размещённых в списке экстремистских материалов можно найти в Интернете. Поэтому «Список» в его сегодняшнем виде может или вызывать любопытство к содержанию столь необычного документа, или, что, куда хуже, – может оказаться «наглядным пособием», своего рода «путеводителем для потенциального экстремиста». Его может воодушевить как внушительный массив экстремистских материалов, так и возможность беспрепятственного доступа к ним через Интернет. Поэтому составителям «Списка» следует подумать над тем, а нужен ли он вообще в его сегодняшнем виде. А если все же он нужен, то необходимо радикально изменить существующий формат размещаемых документов. Упоминание в «Списке» того или иного материала не должно ограничиваться одним лишь его названием, целесообразно раскрыть (хотя бы одним предложением) экстремистскую направленность такого материала. «Список» не должен быть документом, механически фиксирующим материалы, признанные судами экстремистскими. Придание этому документу большей содержательной ясности и прозрачности будет способствовать более эффективному противодействию экстремистской деятельности.

Библиографические ссылки

1. Заключение экспертов по комиссионной комплексной судебной экспертизе по гражданскому делу № 3-35/08 по заявлению Прокурора Ростовской области о ликвидации местной религиозной организации Свидетели Иеговы «Таганрог» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sutyajnik.ru/documents/2994.html>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 09.02.2014).
2. Силлабус // Христианство: энцикл. слов.: в 3 т. М. : Большая рос. энцикл., 1995. Т. 2. С. 555 – 556.
3. Федеральный список экстремистских материалов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials?search=&page=8>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 15.02.2014).
4. Экспертиза по делу Свидетелей Иеговы в Таганроге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2009/10/d17166/>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 16.02.2014).

I.J. Kanterov

METHODOLOGICAL AND RELIGIOUS ASPECTS OF "LIST OF EXTREMIST MATERIALS" OF MINISTRY OF JUSTICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The Ministry of Justice of the Russian Federation publishes the federal list of extremist materials in the Internet. There is a problem of preparation of expert opinions with participation of authoritative scholars on religious studies. It is necessary to give to "The list of extremist materials" more substantial clarity and transparency for more effective counteraction of extremist activity.

Keywords: extremism, examination, religious studies

УДК 323(470+571)

Н.С. Катунина

**СПОСОБЫ КОНСТИТУИРОВАНИЯ
ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА**

Способы конституирования внутренней жизни человека можно рассматривать на уровне духовных оснований человека, где раскрывается диалектическое единство души и сознания. На социальном уровне способы конституирования внутренней жизни человека осуществляются в «системном мире».

Ключевые слова: духовность, душа, внутренний мир, объект, рациональность, сознание, субъект, уровни, человек, экзистенция.

Бытие человека способно конституироваться во внешних формах социума – повседневной жизни, культуре, информационных системах.

Анализ внутренней жизни человека раскрывает способы ее конституирования. Душа оказывается центром психической жизни человека, конституирующим себя в способности к переживанию высоких и повседневных чувств. Конститутивной формой мышления (ума) является способность оперировать образами и понятиями. Сознание, следовательно, есть состояние ума человека, которое не включает в себя ни сверхсознания, ни бессознательного. Они постигаются только душой. Субстанциальным основанием внутренней духовности человека служит единство души и сознания.

Противоречивость внутренней жизни человека наиболее емко выразил русский философ С. Франк. В книге «Душа человека» он пишет: «В той мере, в какой жить важнее, чем сознавать, душевная жизнь есть, прежде всего, реальная сила, и она лишь производным образом является идеальным носителем сознания. Сознание и жизнь, будучи связанными между собой, в то же время сущностно антагонистичны: чистое сознание есть бездействие, душевная смерть; чистая жизнь как всемогущая сила есть совершенная слепота сознания» [14, с. 428].

Согласно С. Франку, все меры, все стереотипы восприятия мира, мышления и поведения становятся возможными благодаря внутреннему интимному слою нашей жизни. Переживания создают досмысловую сферу,

являющуюся потенциальной основой сознания. Однако душевная жизнь как реальное переживание качественно отличается от сознания. Поэтому в объективном наблюдении человек как живое существо не может раздваиваться на субъект и объект при самонаблюдении, где познающий субъект лишь чистый теоретический взор, чистое внимание, а душевная жизнь разворачивается перед этим взором как отчужденная внешняя картина. С. Франк, отрицая наличие в переживании объективного отношения в познании душевной жизни, вместе с тем утверждает многообразие чувств душевной жизни, которые могут наблюдаться только внутренне, в переживании неразложимого единства «живого знания» и, следовательно, не могут изучаться объективно через внешнее анатомирование или психологическую вивисекцию [14, с. 442]. Но в таком случае, о каком «живом сознании» в момент переживания можно говорить? Ведь человек в состоянии страсти – в восторге любви или припадке ярости, в кошмаре безысходного отчаяния – теряет типичные черты нормального сознания: представление о пространстве и времени, о внешнем мире, нашем «Я» и различии между ними [14, с. 456]. Ответ на поставленный вопрос нам предстоит найти.

Опыт диалектического синтеза души и сознания предпринял Г. Гегель, который в работе «Философия духа» рассматривает Дух в качестве начала, объединяющего душу и сознание [4, с. 40]. Исходную (генетическую) форму развития Духа в качестве души он определяет как реальность

бытия Духа в теле человека. Душа является основой человека, «она есть всепроникающее, а не только существующее в отдельном индивидууме, в то же время она есть индивидуальная, особым образом определенная душа, содержащая в своей глубине многообразные определения или особенности, которые проявляются как влечения и склонности: любовь к родителям, родственникам, друзьям и т.п., ибо я не могу быть любящим другом вообще. Все индивидуально во мне и мною переживаемые всеобщие определения души составляют мою действительность. Я весь этот круг определений» [4, с. 132].

Как видим, для Гегеля душа – это индивидуально переживаемые всеобщие определения в качестве сил жизни человека, проявляющихся в виде влечений и склонностей индивидуума; конституирует душу индивидуально переживаемое чувство любви, которое в единстве с другими чувствами делает ее основой человека. Душа есть нечто всеобщее и всепроникающее, что выходит за пределы индивидуума и существует в качестве истины, виртуального в противоположность материальному. В таком смысле душа нетелесна и не возникает физиологически. Она интерсубъективна, т.е. конституируется миром социального.

Душа, по Гегелю, существует в человеческих отношениях и через человеческие отношения. Именно в этом смысле «душа – это нечто всепроникающее», не существующее в отдельном, особенном человеке. Как истина, душа должна быть отражением сущ-

ности развивающегося материального мира, его квинтэссенцией. Можно, вероятно, говорить о всеобщем в душе как архетипе бессознательного прежде всего коллективного, родового. Именно поэтому душа еще не стала сознанием, хотя и выполняет роль разума в потоке жизни человека.

Развитие всеобщего, идеального не детерминировано природой. Душа – Дух в возможности, в ней пробуждается сознание – первая стадия духовной жизни человека как непосредственная субстанция духа в состоянии, по выражению Гегеля, «в-себе-бытия». Душа человека – своеобразный микрокосм, находящийся между природой и миром нравственной свободы, она локализована в телесном образе человека. Мысль о всеобщности души необходима Гегелю для ее определения как генетической основы становящегося сознания – второй стадии развития Духа. Сознание может содержаться в душе только бессознательно в виде смутных, неясных эмоционально окрашенных образов и осуществляет переход от единичного в ощущениях к всеобщему в определениях. Душа проявляется лишь как субъект и центр всех определений содержания, как власть, господствующая непосредственно над миром чувствования. В сознании знание о бессознательном может быть дано нам только в осмысленной идеальной форме.

На стадии сознания душа существует не только как знание, но и как одно из духовных оснований человека, его субстанция, ибо человек не умирает после «снятия» души в сознании. В реальной жизни она продолжа-

ет существовать в виде объединяющего центра живых чувств. Если осмыслить этот факт, дух как субстанциальное основание сущности человека обнаруживает двухполюсную структуру – единство души и сознания. Качественное различие души и сознания настолько велико, что их можно рассматривать как различные ступени становления субъективного (индивидуального) и исторического духа.

Так, в Античности и в Средние века народы жили в основном душой, а человек Нового времени преимущественно живет сознанием [4, с. 160]. В онтогенезе развитие души относится к детству, а в зрелом возрасте человеку присуще сознание, содержащее в снятом виде элементы души.

Проблема состоит в том, что общепринятое определение сознания в широком смысле включает в себя ум (рассудок, разум), мышление и его результаты (понятия, знание); эмоционально-волевую компоненту, бессознательное, сверхсознание [2, с. 158]. Нам представляется, что бессознательное и сверхсознание противоречат понятию «сознание» как области осмысленных представлений и знаний. Тогда закономерен вопрос: каким образом в структуру сознания включается бессознательное?

В соответствии с картезианской традицией современная наука отождествляет душу человека с сознанием. Показательно в этом смысле высказывание о душе А.Г. Спиркина: «Когда мы говорим, что душа имматериальна, то есть нечто идеальное, мы имеем в виду ее смысловую сущность во всем

составе ее компонентов – сознании, самосознании, чувствах, воли, разума, памяти и т.п.» [11, с. 382]. Более умеренную позицию занимает В.И. Молчанов, полагающий, что «сознание, или субъективность, – это развитая психическая жизнь, поток переживаний, внутреннее напряжение души, страх и т.д.» [8, с. 76]. Однако данная ситуация включает в себе парадокс, поскольку в качестве знания рассматриваются живые чувства.

Мышление человека совершается в сознании. Сознание получает информацию о чувстве, но не производит его. «Допустим, – пишет Л. Витгенштейн, – кто-то наблюдает собственное горе: каким органом чувств он его наблюдает? Каким-то особым органом, тем, которым чувствуем горе? Значит ли это, что, наблюдая его, он переживает иначе? И какое горе он наблюдает, – только то, которое существует в момент наблюдения? – Наблюдение не порождает наблюдаемого» [3, с. 271]. Следовательно, сознание описывает переживаемое чувство в понятийных или наглядных образах, но не испытывает его. Неидентичность чувства и его описания можно объяснить следующим образом: «...крик, который никак не назовешь описанием, ибо он примитивнее любого описания, служит все же как бы неким описанием душевной жизни» [3, с. 273]. Чувства являются функцией души, а не сознания. Л. Витгенштейн говорит о душе как о «странной сущности», способной объединять людей с разным уровнем сознания [3, с. 161].

Решающее значение здесь имеют исследования в области психологии. Л.М. Веккер выделяет гносеологические и онтологические парадоксы психики [2, с. 10]. Концептуально-содержательная сущность онтологического парадокса субъекта заключается в следующем: «Высшие чувства, высшие мотивы, а тем более надстраивающиеся над ними более интегральные психические свойства и образования, такие, например, как принципиальность или самоотверженность личности, не могут быть даже описаны, а тем более объяснены ни в терминах исходного физического носителя или органа (мозга) и даже организма в целом, ни в терминах инвариантного воспроизведения свойств объекта» [2, с. 19].

Глубинной (трансперсональной) психологией установлен факт существования архетипов личного и коллективного бессознательного. К ним относятся эмоции, аффекты, первообразы, связанные с мифологическими мотивами, а также вызывающие связь души с космосом. Архетипы являются системами установок, которые передаются по наследству вместе со структурой мозга, выступают его психологическим аспектом, матрицей смыслов и эмоций [15, с. 135]. Они регулируют деятельность сознания. Существование архетипов бессознательного экспериментально доказано опытами С. Грофа [5, с. 26].

Критикуя односторонность рационализма, психологи акцентируют внимание на парадоксе сознания, когда в него, помимо когнитивного элемента, включается эмоциональный и

мотивационно-волевой. Суть парадокса состоит в том, что если рассматривать переживание в чистом виде, а сознание в качестве идеального отражения действительности, то неясна роль человека как субъекта переживания и сознания.

Другой парадокс состоит в утверждении, что сознание чувствует и переживает. Как могут образы, мысли и знания переживаться сознанием? Для того чтобы снять этот парадокс, Декарт был вынужден признать, что мыслящая субстанция – душа – находится в одной из частей головного мозга. Действительно, душа человека является субъектом переживаемых чувств: любви, дружбы и др. Переживаемое чувство, как известно из психологии, двойственно, оно включает эмоции и образы предмета переживания и потому не может отождествляться с мышлением. Субъектом мышления служит только ум человека, выступающий в формах разума и рассудка, которые реализуются благодаря деятельности мозга.

Этот парадокс убедительно описывает А. Ухтомский. «Достаточно проницательная бдительность внимания и чтения себя самого, – пишет он, – это редкое состояние человека. Обычно царит «досознательное». Большая часть жизни нашей проходит в бесчувствии. В юности мы почти вовсе неразумны; когда наступает старость, то притупляется в нас всякое чувство» (Златоуст). Собственно «сознательная» и самоуправляющаяся личность есть редкое и очень трудно достигаемое состояние. Можно сказать, что господствует подлинно поддерживаемый дурман от страстей в ветхом Адаме (...). Поэтому

Н.Е. Веденский был прав, когда говорил, что подлинно сознательная, самопонимающая деятельность есть редкое состояние человека, – отдельные острова посреди преобладающего моря стихийного волнующего психофизического ширения» [13, с. 255].

Следует отметить, что «море стихийного волнующего психофизического ширения» Н.Е. Веденского, «длящееся переживание» С. Франка В.Б. Мелас называет «интервалом сознания» (именно потому, что здесь нет сознания ни живого, ни мертвого) и переживанием-воспоминанием (чувствованием и осмыслением прошедшего чувства, например, любви Свана к Одетте у М. Пруста) [7, с. 169]. На «разрывы сознания» в период сильного переживания указывает и В.Ю. Сухачев: «...феномен у Гуссерля – это данность действительности непосредственного Anschauung, устремленного на что-либо, т.е. действительность взгляда Anschauung, содержащая непосредственное знание об этом что-либо и ограниченное горизонтальностью «сознательной жизни». Однако попытка такого анализа ведет к своего рода эпистемическому сумасшествию: мы наталкиваемся при анализе *Zebenswelt* на нечто такое, что трудно назвать знанием, а еще трудно назвать, что не столько дано, сколько придано сознанию. Вот именно здесь и начинается неприятный и болезненный процесс: сумасшествие, сход с ума – знание ищут там, где его быть не может, в этих разрывах сознания есть поступок, акция, страсть, ощущение, тело, но ни в коем случае там нет познания, сознания и даже языка» [12, с. 114].

Сказанное означает, что чистое переживание – страсть и «живое знание» – и воспоминание о страсти не одно и то же. Видимо, наблюдение страсти создается вследствие указанной идентификации; самоанализ осуществляется задним числом, может идти по свежим следам, когда еще сохраняется непосредственность впечатления от пережитого чувства, но уже удается отстраниться от него и рассматривать как феномен сознания. Американский психолог Кэрролл Э. Изард экспериментально установил, что «... эмоции дают возможность человеку мгновенно реагировать на стимул, руководствуясь лишь сенсорной информацией или на основе процесса восприятия. Затем включаются когнитивные функции логического анализа и планирования» [6, с. 92].

Можно предположить, что напряженное, сильное чувство (страсть, аффект) и одновременно мышление о нем нереальны. Человек не может в одно и то же время мыслить и чувствовать, когда происходит нечто жизненно важное, тем более смертельно опасное для него. Он что-то делает, переживает, а потом уже осмысливает происшедшее. Следовательно, переживание и акт осознания последовательны во времени (возможно, и в пространстве) и являются функциями различных центров психической жизни – соответственно души и сознания. В субъекте, когда работает мышление, направленное на себя, чувства или становятся неосознаваемыми (уходят вглубь себя), или умирают под «скальпелем» анализа. Душа чувствует, а ум осознает в разных временных интервалах. При этом

ум может осмысливать переживаемое чувство, но всегда неполно, не проникая в скрытые глубины. Примечательно, что речь идет о возвышенных (высших), а не о телесных чувствах – голода, жажды и т.п. При этом имеется в виду не автоматическое мышление, обеспечивающее устоявшиеся стереотипы поведения, когда рассудок работает в режиме «автопилота», обслуживая элементарные жизненные процессы без их осознания. Здесь анализируются иные процессы, когда то сознание, та душа вытесняют друг друга на периферию «психического поля» жизни человека.

Можно предположить, что в психике человека реализован *принцип дополненности*, согласно которому наблюдатель не может одновременно регистрировать и «частицу», и «импульс», а воспринимает их только последовательно во времени. Примечательно, что первые импульсы попадают в кору головного мозга через 20 – 30 мс после подачи сигнала, а субъективные ощущения появляются только спустя 120 – 130 мс [10, с. 174]. В критических ситуациях у человека, владеющего самим собой, преобладает работа сознания (ума). В состоянии аффекта, сильной страсти человека захватывают переживания, и если это состояние длится достаточно долго, оно может оцениваться как безумное.

Таким образом, неправомерно включать в состав внутренней душевной жизни сознание, ибо возникает странная гибридная конструкция «мыслящего чувства» или «чувствующего мышления». Вполне возможно, душевная жизнь должна включать однород-

ные, корреспондирующиеся между собой образования – душу как единство сил и способностей к чувствованию и переживание как деятельность и функцию души. Результат – состояние души, выражаемое в высших чувствах. Разумеется, в состав сознания можно включать знание о душевной жизни, но не живые чувства.

Анализ внутренней жизни человека раскрывает способы ее конституирования. Душа оказывается центром психической жизни человека, конституирующим себя в способности к переживанию высоких и повседневных чувств. Конститутивной формой мышления (ума) является способность оперировать образами и понятиями. Сознание, следовательно, есть состояние ума человека, которое не включает в себя ни сверхсознания, ни бессознательного. Они постигаются только душой. Логика подсказывает, что субстанциальным основанием внутренней духовности человека служит единство души и сознания.

Переплетение противоречивых начал внутренней жизни человека раскрывает всю сложность отношения человека к бытию. Своими действиями мы изменяем ситуацию, в которой находимся, непрерывно выходя за пределы самого себя. Конституирование внутреннего мира на социальном уровне обнаруживает двойственную природу человеческого бытия. В современной теории Юргена Хабермаса представлена «двухполюсная» модель современного общества. Общество в результате длительного исторического развития приходит к образованию двух основных сфер – «жизненного» и «системного». «Жизненный мир» – это непосред-

ственная коммуникация людей, которая реализуется в их социальных отношениях, в семье, дружеской компании, на работе, а также в публичной жизни, включающей разнообразные коммуникативные сети, в частности средства массовой информации. Именно здесь возникают культура, различные образцы взаимодействия, новые социальные формы взаимодействия и общения, формируется общественное мнение. В «жизненном мире» господствует свобода от внешнего давления.

Ему противостоит «системный мир», который образуется совокупностью безличных (анонимных) отношений людей в сфере экономической, политической, правовой, т.е. институционализированной, деятельности. Этот мир подчинен инструментальной рациональности, рациональности, ориентированной на целедостижение, и регулируется отношениями типа «деньги» и «власть» [9, с. 284].

У категорий «системный мир» и «жизненный мир» существуют аналогии в разных философских традициях. Очевидно, что современный мир характеризуется изначальной двойственностью, которая имеет эвристическое значение. На этом основании можно выявить разные способы конституирования внутреннего мира человека на социальном уровне. Так, человек Античности был по преимуществу «душевым» человеком, живущим прежде всего чувствами, страстями, поэтому рациональное начало в культуре представляла преимущественно элита общества. Сами чувства были необходимы в процессе созерцания и служили источником для размышления. Иная картина обнаруживается в эпоху

Галилея и Декарта, когда чувства стали рассматриваться чуть ли не главным источником заблуждений наряду с метафизическими рассуждениями и религиозной верой. Наступила эпоха рационализма – господства экспериментального метода и практического опыта. В социальном плане для развития торговли и промышленности нужен был новый человек – не душевный, а мыслящий. Век науки требовал развития рассудка, который нужен был промышленности и социуму.

Получается, что «системный мир», где господствует рассудок, противостоит «жизненному миру», где доминирует иррациональная установка. Человек живет как бы в двух параллельных мирах. Его жизнь в «системном мире» строго регламентирована, хотя и не лишена полностью свободы выбора. В «жизненном мире» он ищет свободы. Опасность состоит в чрезмерной рационализации современного общества (бюрократизации и коммерциализации) «жизненного мира», что приводит к росту отчуждения и самоотчуждения людей. Административная и экономическая рациональность искажает внутреннюю жизнь человека, в результате чего жизнь индивидуальной души подавляется рассудком. Подчинение «жизненного мира» «системному» не только сопровождается ростом напряженности и конфликтов в современном обществе, но рождает одностороннего человека, «зомби», являющегося функцией либо рассудка, либо страсти в ущерб другим не менее важным элементам человеческой сущности. Необходимо не только лечить

людей с разорванной, деформированной духовной жизнью, но и уметь предотвращать развитие человека по неблагоприятной и духовно неприемлемой траектории жизни. Все это делает настоятельной необходимостью появление гражданского общества.

Гражданское общество, по мнению Ю.М. Резника, возникает, прежде всего, из потребности «жизненного мира» упорядочить и привести в соответствие с логикой собственного развития отношения с «системным миром» и в первую очередь – с государством и экономической системой [9, с. 485]. Помимо защитных и контрольных функций гражданское общество берет на себя также функцию трансляции новых социальных форм и культурных образцов, зарождающихся внутри «жизненного мира» и обладающих высоким адаптационным потенциалом. Поэтому происходит обновление «системного мира», его экономических, политических, правовых и иных структур, расширяется свобода человеческих возможностей. Последняя определяет границы пространства самореализации личности и проявления всех ее интересов и способностей.

Таким образом, способы конституирования внутренней жизни человека можно рассматривать на уровне духовных оснований человека, где раскрывается диалектическое единство души и сознания. На социальном уровне способы конституирования внутренней жизни человека осуществляются в «системном мире». Здесь проявляются разные формы духовности и бездуховности. Конструктивная роль гражданского общества состоит в его способности сбалансировать взаимодействие «системного» и «жизненного» миров. Человек и социум непрерывно воздействуют друг на друга. Однако в этом взаимном конституировании они не равны. Человек способен в своем сознании создавать проект такого общества, которое он считает желательным для себя. Что же касается возможностей общества, то его созидательно-преобразовательные воздействия на человека ограничены. Эти пределы очерчены не только природно-психологической конституцией человека, но и его субстанциально-духовной целостностью. Личность имеет собственный духовный мир, который до конца недоступен другим. Внутренняя жизнь не может полностью «распахануться», она всегда интимно-субъективна и неповторима.

Библиографический список

1. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 1996. С. 158 – 159.
2. Веккер Л.М. Психологические процессы. Л., 1981. С. 10 – 29.
3. Витгенштейн Л. Философские труды. М., 1994. С. 161.
4. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 3. Философия духа. М., 1997. С. 132.
5. Гроф С., Хэлифакс Д. Человек перед лицом смерти. М., 1996. С. 26 – 29.
6. Кэрролл Э. Изард. Психология эмоций. СПб., 2000. С. 92.

7. Мелас В.Б. Переживание и действие. «Очерки феноменологической философии». СПб., 1997. С. 169.
8. Молчанов В.И. Субъективность и разум: Гуссерль, Гегель, Кант // Феноменологическая концепция сознания: проблемы и альтернативы. М., 1998. С. 76.
9. Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. Социальная онтология. М., 1999. С. 284 – 285.
10. Симонов П.В. Мотивированный мозг. Высшая нервная деятельность и естественнонаучные основы общей психологии. М., 1987. С. 174.
11. Спиркин А.Г. Философия. М., 1999. С. 382.
12. Сухачев В.Ю. Тематическое и нетематизируемое в анализе *Anschauung* // Очерки феноменологической философии. СПб., 1997. С.114.
13. Ухтомский А. Заслуженный собеседник. Рыбинск, 1997. С. 255.
14. Франк С.Л. Предмет знания. СПб., 1995. С. 428.
15. Юнг К. Проблемы души нашего времени. М., 1994. С. 135.

N.S. Katunina

WAYS OF THE INSTITUTIONALIZATION OF INTERNAL HUMAN LIFE

The ways to constitute the inner life of a person can be considered on the level of person's spiritual basics, where the dialectical unity of soul and mind reveals. On the level of social relations the ways to constitute the inner life of a person are realized by a «System World».

Keywords: spirituality, the soul, the inner world, an object, rationality, consciousness, subject, level, man, existence.

УДК 373.7

Т.А. Филановская

КУЛЬТУРНЫЕ ИНДУСТРИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА КУЛЬТУРНОГО

В статье рассматривается проблема формирования человека культуры. Отмечается позитивная необходимость культурных индустрий в процессе инкультурации ребенка. Автор приходит к выводу, что культурно-образовательный туризм является продуктивной формой воспитания «человека культурного».

Ключевые слова: «человек культурный», культурно-образовательный туризм, культурные индустрии, инкультурация.

«Культурные индустрии» – новое понятие в современном российском культурологическом знании, хотя исторически культурные индустрии зародились давно. Это понятие было связано с массовым и унифицированным производством в сфере духовной, материальной и художественной культуры. Продукты массового производства за определенную плату предлагались потребителю. Примерами индустриализации производства художественного продукта являются книгоиздательское дело, в основе которого лежит распространение художественно ценной печатной продукции, фабричное изготовление произведений народных промыслов, издание музыкальных произведений на различных технических носителях и т.д.

Однако, рассматривая пути слияния культуры и бизнеса, ясно, что речь следует вести не только о феноменах художественной культуры, а о более широком объекте исследования. На это обстоятельство указывает А.Я. Флиер: «Культурные индустрии – это производство непосредственно культурных или в существенной мере культурно отрегулированных феноменов, которое является более или менее массовым по своим объемам и высоко стандартизированным по большинству своих характеристик» [1, с. 23]. К культурным феноменам ученый относит не только произведения художественной культуры, но и знания о культуре, обряды, обычаи, культурные артефакты и, главное, «человека культурного». Это связано с тем, что понятие «культура» понимается также в качестве инструмента регуляции сознания и

поведения людей. Значит, культурные индустрии включают и производство «человека культурного», присваивающего социальный опыт.

«Человека культурного» характеризует его культурная картина мира, гуманитарное сознание, система верований и ценностных установок, сценарии поведения, соответствующие регулятивным нормам того общества, в котором он проживает. Для человека культурного важно освоить те формы поведения, которые пробуждают в нем социальную солидарность, культурный интерес, стремление к порядку и чистоте своего города, улицы, двора. Точкой отсчета в системе ценностных ориентаций является любовь в христианском понимании, т.е. действия, поступки, направленные на облагораживание, улучшение какой-либо ситуации. Это действенная любовь к природному миру, к социальному окружению, к труду, которым занимается человек, к малой родине.

Человека культурного характеризует широта и бескорыстие побуждений, интересов, стремлений, целей. Уровень культуры измеряется тем, насколько близки и дороги человеку интересы его народа, его общества, всего человечества, будущих поколений и в то же время каждого отдельного человека. Критерий культуры личности – единство слова и дела, деятельная гуманность, основательность и добросовестность во всем, любовь к труду и профессиональное мастерство, презрение к праздности. Человек культурный способен видеть окружающую красоту, сохранять и преумножать ее, «творить по законам красоты». Чело-

века культурного отличает доброжелательное внимание к людям, доверие и терпение по отношению к ним, справедливость и сердечность, уступчивость в мелочах.

Подлинность и глубина культуры человека определяются в большей мере высотой его целей, прогрессивностью его убеждений, благородством привычек. Человек культурный меняется во времени в соответствии с атмосферой и идеалами исторической эпохи.

Государственные структуры управления определяют стратегии производства культуры определенного типа, а также воспитание человека, вписанного в эту систему жизненных координат. Основными методами производства «человека культурного» являются образование, социализация, инкультурация. Процессы социализации вводят человека в универсальные условия жизнедеятельности, а процессы инкультурации – в условия, актуальные для данного места проживания.

Любому человеку важна история родного края, традиции малой родины, ощущение причастности к «генам места». К сожалению, понимание родины приходит в зрелом возрасте, а в детстве обязательно нужен авторитетный человек, который «откроет» сердце и настроит его на любовь к родному краю. Знакомство с региональными историческими традициями окрашено эмоционально и нравственно, поэтому эти впечатления долго сохраняются в памяти, образуя ядро культурной картины мира личности. Социальными институтами, осуществляющими инкультурацию, можно наз-

вать семью, систему образования, культурную политику, искусство, СМИ, культурно-образовательный туризм. Самым значимым институтом социализации и инкультурации сегодня является образование.

Современное реформирование системы отечественного образования заключается в изменении не только содержания учебных планов, но и в поиске, внедрении новых технологий обучения, интересных форм взаимодействия с социокультурными учреждениями региона – библиотеками, выставочными залами, филармониями, Домами творчества. Компьютерное пространство затягивает ребенка в искусственное измерение, тем самым как будто выхватывая его из реальной жизни, уводит от активного самостоятельного открытия мира. Сегодня одной этой причины было бы достаточно, чтобы безоговорочно внедрить одну из новых форм обучения – культурно-познавательный туризм. Между тем эта форма эффективна еще и потому, что, являясь практико-ориентированной, позволяет усваивать самое ценное для формирования человека культурного – социальный опыт поколений. Наконец, активное включение в историческую среду культурного наследия позволяет «тренировать» эмоционально-чувственную сферу учащихся и молодежи. Находясь на территории великих историко-архитектурных памятников, слушая яркие рассказы о победах и поражениях, имея возможность в буквальном смысле слова прикоснуться к святым местам страны, ребенок обретает самое сокровенное и дорогое – причастность к своему народу, духовность. Мы, взрослые, знаем,

что человек духовный живет слезой, милостью, радостью, гордостью за Отечество. А ребенку следует прививать патриотизм не на лекциях в классе, а на месте исторических событий, где происходит проживание истории, переживание событий, сопереживание героям. Память чувств самая цепкая и долгая, поэтому, решая задачи патриотического, гражданского, нравственного, эстетического развития, весьма полезно воспользоваться программами культурно-образовательного туризма.

Мы рассматриваем культурно-образовательный туризм, с одной стороны, как метод образовательной деятельности, средство производства «человека культурного», а с другой – как форму культурных индустрий. Деятельность, связанная с посещением и непосредственным постижением культурного наследия, памятников разных эпох с целью освоения духовных ценностей отечественной и мировой культуры, непосредственно связана с продажей и покупкой пакета туристского продукта. Преимущества этой услуги заключаются в том, что в интересной, неназидательной форме, по большому счету, совершается формирование общественного сознания молодого поколения.

Несомненным позитивным свойством культурно-образовательного туризма является мифологическая, образная форма презентации культурно-исторического материала. Экскурсии образовательной направленности требуют особой подачи и регулярной временной организации. Должен быть сформирован цикл экскурсионно-туристских практик, в которых базовая ис-

кусствоведческая информация повторяется на новом содержательном материале. Циклы путешествий по родному краю позволят сформировать у учащихся целостное представление о культурном прошлом и настоящем.

Культурно-образовательный туризм реализуется в различных организационных формах. Самой простой, доступной и мобильной формой является учебно-тематическая экскурсия. Она имеет одновременно как образовательные, так и воспитательные цели. Воспитательные возможности экскурсий определяются как их содержанием, так и широким тематическим спектром: исторические, военно-исторические, литературные, архитектурные, комплексные и т.д. Экскурсия – методически продуманный показ достопримечательных мест, памятников культуры, в основе которого лежит анализ исторических событий, изучение стилистических особенностей памятников архитектуры, скульптуры, иконописи, народных промыслов и ремесел. Наш Владимирский регион располагает огромным потенциалом для формирования человека культурного с помощью программ культурно-образовательного туризма.

Древний город Владимир имеет интереснейшие памятники русской истории XII века: Золотые ворота, Успенский собор, Дмитриевский собор, церковь Покрова на Нерли. Посещение этих великолепных памятников изменяет внутренний мир детей, в них пробуждаются духовные силы, формируется национальная идентичность. Впрочем, человек продолжает «окультуриваться» в любом возрасте. Экс-

курсии пользуются спросом среди подростков и их родителей. Во время погружения в историческую эпоху возникает немало вопросов, сравнений с другими городами «Золотого кольца» России. Заслужой организаторов туристических экскурсий является отбор и подача материала таким образом, что у группы туристов формируется массовое сознание причастности к великим страницам истории родной страны.

Еще одна организационная форма производства «человека культурного» – программы событийного туризма. Во Владимирской области туризм отнесен к числу приоритетных направлений культурного и экономического развития региона. Каждое муниципальное образование разрабатывает перспективные программы развития. Например, Постановлением администрации города Юрьев-Польский от 29.10.2013. № 257 утверждена программа «Развитие культуры и туризма муниципального образования «город Юрьев-Польский» на 2014 – 2020 годы». Район становится более привлекательным для развития въездного событийного туризма. Основным объектом внимания гостей является Юрьев-Польский историко-архитектурный и художественный музей. На фоне памятников древней архитектуры проводится событийный праздник «День Егорьевой росы». Это мероприятие со своими традициями и обрядами, приговорами и песнями позволяет формировать патриотизм, культурную солидарность, любовь к малой родине. Гости

становятся участниками событий, воссоздающих народные обряды, связанные с празднованием Егория – одного из важных крестьянских сельскохозяйственных праздников на Руси. На праздничной площадке организуются стойла домашних животных. Учащиеся могут увидеть телят, коз, жеребят, поваляться в стоге сена, попробовать себя в мастерстве набойщика, которым также славилась Юрьевская земля. В этот день для жителей и гостей города работает ярмарка народных ремесел, куда свои товары привозят не только юрьевские мастера, но и умельцы из других регионов, идет торговля продуктами сельского хозяйства, мёдом с окрестных пасек, ведь Егорьев день – это крестьянский праздник.

Участие в празднике включает и посещение Георгиевского собора, пережившего нашествие Золотой Орды. Так прослеживается взаимосвязь истории города, основанного Юрием Долгоруким, с его небесным покровителем и покровителем земледельцев Георгием Победоносцем, в народе Егорием, в память которого в XIII веке и был построен Георгиевский собор. Организаторы праздника «День Егорьевой росы», творческие коллективы, участники детских студий в костюмах русского крестьянства водят хороводы и воссоздают атмосферу исторического уездного города. Кульминация представления – выезд на коне основателя города, князя Юрия Долгорукого и приветствие этого события народом. История края разворачивается в целостном единстве жизни.

Таким образом, накопление, хранение и актуальная интерпретация исторического социального опыта является одним из видов культурных индустрий. Туристский продукт под наз-

ванием «День Егорьевой росы» эффективно транслирует молодому поколению «культурную память» сообщества русского мира.

Библиографическая ссылка

1. Флиер А.Я. Культурные индустрии в истории и современности: типы и технологии // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 22 – 28.

T.A. Filanovskaya

CULTURAL INDUSTRIES AND THE FORMATION OF THE CULTURAL PERSONALITY

The article considers the problem of formation of human culture. There is a positive need for cultural industries in the process of inculturation of the child. The author comes to the conclusion that the cultural-educational tourism is a productive form of molding of "human culture."

Keywords: human cultural, cultural-educational tourism, cultural industries, inculturation.

ЗАРОЖДЕНИЕ НАУЧНОЙ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ

В статье рассмотрен вопрос зарождения социологии в России, обозначены сложности и противоречия первых десятилетий ее существования. Несмотря на то, что в России имелся колоссальный опыт теоретического осмысления социальных проблем, появление социологии как науки было бы невозможным без эволюции европейской интеллектуальной мысли.

Ключевые слова: история социологии в России, институционализация российской социологии, специфика российской социологии.

История социологии является составной частью теории социологического знания, ибо исследует процесс становления и развития науки. История российской социологии до недавнего времени, несмотря на свою значимость, оставалась слабо изученной. В XIX в. и начале XX в. социология в нашей стране была запрещена царской властью, в XX в. – объявлена буржуазной лженаукой, и даже ее частичная реабилитация в 1956 г. началась с заимствований из США и Западной Европы. К изучению собственной социологической традиции всерьез мы приступили лишь после распада Советского Союза.

Социологию в России часто относят к «периферийной» науке, признавая первенство в области социологической мысли за такими странами, как США, Англия, Франция, Германия. По выражению известного финского социолога В. Штольте-Хейсканен, «периферийная» наука вбирает все лучшее из различных школ и направлений, стремится так или иначе интегрировать знание, тогда как выдающиеся лидеры научных школ нередко

просто игнорируют то, что делают другие ученые» [2, с. 7]. Однако, несмотря на сложности, российская социология успешно развивалась и смогла не только выйти на мировой уровень, но и в некоторых аспектах опередить западноевропейские и американские образцы научной мысли.

Первые попытки рационального изучения общественных явлений и теоретического осмысления общества в целом были предприняты еще в глубокой древности. Обычно корни современной социологической мысли находят в трудах античных философов и, прежде всего, Платона и Аристотеля. Среди непосредственных предшественников чаще всего упоминаются такие имена европейских мыслителей, как К.А. Сен-Симон, М.Ж.А.Н. Кондорсе, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш.Л. де Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, А.Р.Ж. Тюрго и т.д.

Рассматривая генеалогию русской общественной мысли, необходимо указать, что одной из самых ранних работ (по крайней мере, сохранившейся до наших дней), содержащей в себе представление о периодизации исторического процесса, а так-

же социально-политическую концепцию, указывающую на роль и место Киевской Руси, обосновывающую социально-политическое устройство страны, является работа митрополита Киевского и Всея Руси Иллариона «Слово о Законе и Благодати». Создание работы датируется приблизительно 1030 – 1050 гг. и написано белым стихом в форме церковной проповеди, ее содержание обусловлено во многом социально-политическими событиями того времени. В ней митрополит Илларион излагает свои взгляды на периодизацию исторического процесса, выделяя три основных этапа: языческий, иудейский и христианский. В целом работа посвящена возникновению идеи христианства и его утверждению в борьбе с иудаизмом, распространению христианства на Руси и деяниям князей Владимира и Ярослава. В работе четко прослеживается мысль, что для сохранения стабильности в обществе необходима сильная самодержавная власть, опирающаяся на веру.

Социологической проблематикой в той или иной мере пронизаны работы мыслителей, ученых, богословов XVII – XIX вв., к коим можно отнести И.С. Пересветова, Ю. Крижанича, В.Н. Татищева, А.Н. Радищева, П.И. Пестеля, П.Я. Чаадаева, А.С. Хомякова, К.С. Аксакова, А.И. Герцена, Б.Н. Чичерина, Д.И. Писарева, Н.Я. Данилевского, Н.Г. Чернышевского и т.д. Однако, хотя труды этих выдающихся мыслителей и содержали в себе социологический компонент, их не только нельзя в полном смысле слова назвать социологическими, но и эволюция их мысли не привела бы к возникнове-

нию социологии в том виде, в котором она сложилась в Западной Европе XIX в.

Датой возникновения социологии принято считать 60-е гг. XIX в., а первым социологом и создателем данной области научного знания – Огюста Конта. Хотя свою центральную работу «Курс положительной философии» он написал в 30 – 40-е гг. XIX в., а умер в 1857 г., т.е. фактически еще до появления науки, основателем которой он является. Такое расхождение в датах объясняется, прежде всего, тем, что возникновением социологии считается момент, когда идеи, высказанные О. Контом в «Курсе положительной философии», привлекли к себе внимание как в самой Франции, так и в других европейских странах.

Определение предпосылок возникновения любой науки связано с изучением условий, при которых становится возможным данный вид человеческого знания как институционально организованное интеллектуальное предприятие. То есть для возникновения социологии требовалось наличие особого рода объекта, интерес со стороны научного сообщества к его изучению и особый способ миропознания, именуемый наукой. Все эти условия сложились в Западной Европе в эпоху модерна: «Не следует забывать о вполне конкретной локальной генеалогии большинства социальных и духовных явлений, связанных с обобщающим понятием «модернити». Следовательно, про социологию можно сказать, что облик ее в полной мере определяло (и отлично от других творений человеческого духа) ее изначально западное происхождение» [5, с. 5].

До 60-х гг. XIX в. работы О. Конта в России были практически неизвестны. Первым упоминанием идей О. Конта принято считать работу Валериана Майкова «Общественные науки в России», опубликованную в 1845 г. в «Финском вестнике», также следует указать статью В.А. Милютинина в журнале «Отечественные записки» в 1847 г. Однако, как и в Европе, данные произведения остались практически незамеченными, и всерьез о позитивизме в России заговорили лишь в конце 60-х гг. XIX в., когда эта тема стала актуальной и для Западной Европы. В Англии идеи Конта оказали сильное влияние на Д. Милля, Дж. Льюиса, Г. Спенсера, «но не нужно забывать того, что последний, заимствовав у Конта идею и имя социологии, начал вплотную осуществлять эту идею только во второй половине семидесятых годов, когда вышли его книжка «Об изучении социологии» (1876) и первый том «Оснований социологии» (1877). Если принять в расчет, что в Германии Контом несколько больше заинтересовались много позже, а в Северной Америке, где Уорд положил начало социологической литературе, – только в восьмидесятых годах, то можно будет сказать, что русская литература была одной из первых, где мысль о социологии пустила прочные корни» [3, с. 28 – 29].

Регулярное издание в России со-

циологической литературы начинается с работ П.Л. Лаврова «Позитивизм и его задачи» (1868), «Исторические письма» (1869), Н.К. Михайловского «Что такое прогресс?» (1869), Н.И. Зиберы «Давид Риккардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (1870), «Опыт программы собирания статистико-экономических сведений» (1875), П.Ф. Лилиенфельда «Мысли о социальной науке будущего» (1872).

На данный момент у историков социологической мысли не существует единого канонического представления о периодизации российской социологии. Многие из них опираются на представления Н.И. Кареева, обозначенные им в работе «Основы русской социологии»¹. Нам же кажется наиболее удачным вариант, предложенный Е.И. Кукушкиной, которая выделяет следующие периоды в развитии дореволюционной социологии. В первый период (1860 – 1890) в Российской империи пробуждается существенный интерес к новой отрасли научного знания. Особенностью становления социологии в нашей стране является факт крайне негативного отношения к ней со стороны царской власти², что выражалось, прежде всего, в запрете социологии как научной дисциплины. Государственные цензоры достаточно жестко следили и

---

¹ Данная работа была завершена Н.И. Кареевым в 1930 г., за год до смерти, однако долгое время лежала в рукописном виде и увидела свет лишь в 1996 г.

² Такое отношение характерно как для данного периода, так и практически для всех последующих, отсутствие ограничений на развитие социологии наблюдалось лишь в краткий промежуток после Февральской революции 1917 г. до 1922 г. и в наши дни.

«блокировали» публикации работ, которые им казались опасными³. «Нелюбовь» царской власти к социологии во многом была обусловлена буржуазным характером данной науки, ее возникновение вполне обоснованно связывали с европейскими революционными событиями XVIII – XIX вв.

Весь XIX в. в Российской империи прошел под девизом «Мы хотим перемен». Начиная с заграничных походов и восстания декабристов передовые слои российского общества мечтали о реформах. Вследствие чего появление социологии в нашей стране было воспринято с большим энтузиазмом не только среди ученых и мыслителей, но и среди широкого круга образованных подданных Российской империи. Такая популярность социологии во многом была связана с надеждами на то, что она сможет научно обосновать необходимость и неизбежность социальных преобразований в России.

Вместе с идеей позитивизма в Россию проникает и другое западноевропейское учение об обществе, также пользующееся огромным интересом среди различных слоев населения, – экономический материализм Карла Маркса. Его теория также была при-

нята с большим энтузиазмом, ведь последовательная смена общественно-экономических формаций для России XIX в. означала, прежде всего, то, что существующие феодальные пережитки будут неизбежно искоренены. Принципиальные различия позитивизма и марксизма в данный момент были неочевидны для многих наших соотечественников, кои часто объявляли себя приверженцами сразу обоих направлений.

Когда анализируют российскую социологию данного периода, часто говорят, что она носила публицистический характер. Такое положение было обусловлено, с одной стороны, деятельностью российских журналистов, освещавших интеллектуальные события Западной Европы, где активно разворачивались дискуссии о новой науке. А с другой стороны, ввиду невозможности создания специализированных научных журналов социологи были вынуждены публиковать свои работы в журналах общественно-популярных. Бесспорно, такой ход способствовал широкому распространению социологических идей, но в то же время приводил к снижению научного качества данных публикаций, ибо авторы всевозможно упрощали и делали их доступными и интересными

---

³ Интересный случай произошел с одним из наших российских социологов П.Ф. Лиленфельдом: будучи губернатором Курляндии, он был вынужден изымать из обращения собственную работу «Мысли о социологической науке будущего», подписанную им инициалами П.Л., которые по ошибке были расшифрованы цензорами как Петр Лавров и на основании этого запрещены.

Другая интересная работа, принадлежащая перу Л.И. Мечникова, «Цивилизация и великие исторические реки» увидела свет лишь через десять лет после ее опубликования в Европе в 1889 г. Как отмечал Г.В. Плеханов, те экземпляры, которые были направлены в редакции русских журналов, все без исключения вернулись отправителю, а экземпляр, посланный в комитет цензуры, возвратился весь испещренный отметками, указывающими на вредоносный характер содержания книги.

для соответствующей аудитории. Таким образом, «честь введения социологии в умственный обиход интеллигенции принадлежит как раз той передовой журналистике, наиболее влиятельный орган которой, «Отечественные записки», сделался первой, если так можно выразиться, социологической кафедрой в России» [4, с. 388].

На втором этапе (1891 – 1900) усиливается критика позитивизма, значительное влияние приобретает неокантианское направление, к которому принадлежали такие известные российские социологи, как Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, В.М. Хвостов, А.С. Лаппо-Данилевский. В этот период претерпевает изменение и марксизм, он больше не носит академический характер, как у Н.И. Зибера, а приобретает революционную направленность. Возникает конфронтация различных направлений в социологии друг с другом и с марксизмом. Становится очевидной несостоятельность позитивистской методологии, складываются предпосылки для формирования неопозитивизма. Продолжается дискуссия о предмете, задачах, структуре и статусе социологии.

На третьем этапе (1901 – 1917) начинается институционализация социологии в нашей стране. Ввиду существовавших ограничений на развитие социологии в России М.М. Ковалевский и Е.В. де Роберти открывают в 1901 г. русскую Высшую школу общественных наук в Париже. Открытие школы стало крупным событием в жизни русского общества. Для поддержки деятельности школы во Франции был создан специальный комитет и назначено французское руководство в лице П. Адана, А. Бергло и Э. Дель-

бе, что позволило школе обладать легальным статусом и быть причисленной к ведомству Министерства народного просвещения. Школа сразу же приобрела большую популярность среди подданных Российской империи, и многие специально отправлялись в Париж, дабы принять участие в ее работе. Весьма привлекали и условия приема: не требовалось сдавать вступительные экзамены или предъявлять какие-либо документы об имеющемся образовании, обучение было бесплатным.

В учебный план школы входил широкий круг дисциплин, однако особый акцент делался на преподавании социологии. Достаточно ярким был и профессорско-преподавательский состав. М.М. Ковалевский являлся критиком монизма и полагал, что ни одно из существующих направлений не может претендовать на исключительную верность своих аргументаций, поэтому социология должна опираться на достижения всех существующих течений и школ. Лекции в школе читали такие известные европейские и российские социологи, а также политические деятели, как Г. Тард, Р. Вормс, А. Эпинас, М.М. Ковалевский, Е.В. де Роберти, Л.И. Мечников, Ю.С. Гамбаров, Н.И. Кареев, П.Н. Миллюков, Г.В. Плеханов, В.М. Чернов, В.И. Ульянов. Слушатели школы распределялись на две группы – постоянные учащиеся и слушатели отдельных лекций. Каждый студент по окончании школы мог получить специальное свидетельство, но лишь при условии защиты диссертации.

Русская Высшая школа общественных наук в Париже просуществовала до 1905 г. и была закрыта под нажи-

мом российских властей. Преподавателям и слушателям этой школы грозили лишением подданства, а также были предприняты меры воздействия на французское правительство по дипломатическим каналам. «Тем не менее, подводя итог, следует подчеркнуть, что в деятельности Высшей русской школы общественных наук в Париже можно выделить две взаимосвязанные стороны: она была жизненной потребностью всего мирового социологического сообщества и практической реализацией тех теоретических моделей социологического просвещения, которые были разработаны выдающимися русскими социологами Н.И. Кареевым и М.М. Ковалевским» [1, с. 47].

Однако, несмотря на свой короткий период существования, школа оказала значительное влияние на развитие социологии в России. Ведь это была первая попытка систематического чтения лекций по социологии, был наработан опыт организации негосударственного учебного заведения, изданы первые учебные пособия. Неслучайно в России 14 ноября (день создания школы) – профессиональный праздник социологов. В 1905 г. благодаря замешательству царской власти вследствие революционных событий в России открывается Высшая вольная школа – попытка «реинкарнации» Высшей школы общественных наук в Париже. Однако она просуществовала недолго и была закрыта правительством как очаг революционной пропаганды и пристанище революционных организаций.

В 1908 г. в Санкт-Петербурге открывается Психоневрологический ин-

ститут, в структуре которого присутствовала первая кафедра социологии в России. Во вступительной речи В.М. Бехтерев отметил, что это учебное заведение дает своим слушателям образование в области биологических, неврологических, исторических и общественных наук. Это был первый случай в Российской империи, когда преподавание социологии было разрешено официальной властью. Лекции читали М.М. Ковалевский, Е.В. де Роберти, Н.И. Кареев, а в дальнейшем пляду преподавателей дополнили первые студенты (в будущем также известные социологи) П.А. Сорокин и К.М. Тахтарев. Однако в целом ситуация вокруг социологии существенных изменений не претерпела. Так, министр народного просвещения Л.А. Кассо изначально выступал категорически против преподавания «компрометирующей» весь институт социологии. Сменивший его на посту министра А.Н. Шварц также заявлял, что нет такой науки, как социология, и называл ее пустой болтовней.

Первые русские социологи были не только учеными-гуманитариями, но и представителями других областей научного знания, педагогами, государственными деятелями. Всех их объединяло не только стремление к изучению общества, но и активная гражданская позиция, стремление работать на благо своей страны. Они ратовали за то, чтобы социальные преобразования, осуществляемые в стране, опирались на мощный потенциал отечественной науки и проводились с учетом гуманистических традиций, которыми так богата русская культура.

Библиографические ссылки

1. Буланова М.Б. Социологическое образование в России: История и современность. М., 2011. 306 с.
2. Голенкова З.Т., Нарбут Н.П. История социологической мысли в странах Центральной и Восточной Европы: учеб. пособие. М., 2010. 269 с.
3. Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996. 368 с.
4. Кареев Н.И. Памяти Н.К. Михайловского как социолога // Избранные труды по социологии: в 2 т. / Михайловский Н.К. СПб., 1998. Т. 2. 368 с.
5. Подвойский Д.Г. О предпосылках и истоках рождения социологической науки // Социологические исследования. 2005. С. 3 – 12.

А.Е. Ereemeev

THE GENESIS OF RUSSIAN SCIENTIFIC SOCIOLOGY

The article focuses on the question of the genesis of Russian scientific sociology. The author points out to the complexities and contradictions during the first decades of its existence. Despite the fact that Russia had a huge experience of theoretical comprehension of social problems, the origin of sociology would not be possible without the evolution of the European intellectual thought.

Keywords: history of sociology in Russia, the institutionalization of sociology in Russia, the specifics of Russian sociology.

УДК 316.354

И.И. Нечаева, В.С. Щитко

**К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЯХ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ»
И «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ»***

В статье раскрывается суть понятий «человеческий потенциал» и «человеческий капитал». В работе представлены результаты социологического исследования, проведенного среди представителей региональных элит (политической, экономической, интеллектуальной и др.) Владимирской области, ответственных за формирование регионального человеческого потенциала и человеческого капитала.

Ключевые слова: человеческий потенциал, человеческий капитал.

---

* Статья подготовлена в рамках проекта «Развитие человеческого капитала регионов России на основе коммуникативной информационной среды. Форсайт исследование», получившего поддержку в открытом конкурсе по выделению грантов некоммерческим неправительственным организациям, проводимом в соответствии с Распоряжением Президента Российской Федерации № 115-рп от 29 марта 2013 года «Об обеспечении в 2013 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, реализующих социально значимые проекты и участвующих в развитии институтов гражданского общества».

В предвыборный и выборный период думских и президентских выборов 2011/12/13 года руководством страны были введены в политический лексикон термины «человеческий потенциал» и «человеческий капитал». Реакция общества, в первую очередь политической элиты, СМИ показывает, что эти понятия ассоциируются с перспективой развития России на основе эффективного использования её главного ресурса – человека. Однако в употреблении, применении и толковании этих понятий просматривается терминологический разнобой, что препятствует единому пониманию их содержания. В этой связи задача дать научно обоснованное современное определение понятий «человеческий потенциал» и «человеческий капитал» является актуальной и перспективной, в том числе для построения новой современной общественно-политической и экономической российской идеологии, основанной на человеческом потенциале и человеческом капитале.

Можно дать следующие определения данным понятиям. Под человеческим капиталом Российской Федерации понимается совокупная стоимостная форма проявления человеческого потенциала России в системе рыночных отношений, характеризующая доходность от эффективности вложений в развитие последнего.

Под человеческим потенциалом Российской Федерации понимается интегральная форма многообразных свойств населения страны, отражающая уровень и возможности развития граждан, которые можно использовать в интересах государства в конкретных

природно-экологических и социально-экономических условиях.

Человеческий потенциал Российской Федерации выступает основой стратегии инновационного развития страны, нацеленной на обеспечение нормального и безопасного существования государства, ощутимого прогресса в повышении качества жизни ее граждан. От образования и здоровья людей, их стремления к самосовершенствованию, использованию своих навыков и талантов во благо своей страны зависят будущее России, ее внутренние и внешние успехи. Совершенствование уникального человеческого потенциала Российской Федерации является абсолютным национальным приоритетом российского государства.

Переход России к инновационному социально ориентированному типу экономического развития и темпы преобразований в стране напрямую зависят от масштабов инвестиций в человеческий капитал, которыми во многом обусловлены мотивация граждан к инновационному поведению и отдача, которую приносит труд каждого человека. Капитализация человеческого потенциала рассматривается в качестве эффективного и инновационного средства по превращению национальной экономики в «экономику знаний», обеспечению условий существенного роста ВВП, качественному изменению структуры последнего. Капитализация человеческого потенциала РФ призвана способствовать модернизации социальной сферы общества, социально-трудовых отношений и управления развитием человеческого потенциала.

Под капитализацией человеческого потенциала Российской Федерации понимается процесс создания социальных, правовых и экономических, организационных и других условий для реализации человеческого потенциала посредством человеческого капитала, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, экономических и территориально-экономических субъектов РФ, а также страны и нации в целом.

Интересы всех слоев граждан России отражаются в реальном равенстве прав граждан в этой сфере развития человеческого капитала и дают возможность каждому совершенствовать качество потенциала своей личности в течение всей жизни.

Человеческий капитал, по сути, является оформленным территориальным активом, сконцентрированным по месту жизнедеятельности носителей человеческого потенциала, и в общем смысле выступает как капитал акционированный.

Под индивидуальным человеческим капиталом понимается доля конкретного работника в акционированном человеческом капитале предприятия, на котором он трудится, административной территории, где он функционирует, и страны, гражданином которой он является.

Интересы личности в сфере человеческого капитала заключаются в наиболее полном раскрытии позитивных личностных качеств, проявлении талантов и способностей, неуклонном росте личного человеческого капитала при условии постоянного совершенствования личности, в сохранении субъек-

тности человека как сознательного и полноправного участника всех экономических процессов.

Под корпоративным человеческим капиталом понимается совокупный человеческий капитал производственного или административно-территориального хозяйствующего субъекта Российской Федерации.

Интересы корпорации в сфере человеческого капитала заключаются в оптимальном обеспечении интересов всех участников корпоративного сообщества в сфере человеческого капитала, в эффективном управлении развитием человеческого потенциала и его капитализацией.

Под национальным человеческим капиталом понимается совокупный человеческий капитал Российской Федерации.

Интересы российской нации в сфере человеческого капитала заключаются в создании условий для реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в области формирования личности, развития способностей и талантов, для того чтобы обеспечить устойчивое развитие человеческого социума.

Во многом объем человеческого капитала и человеческого потенциала определяется региональными элитами, которые непосредственным образом влияют на их формирование и создают возможности для реализации. В рамках проекта «Развитие человеческого капитала регионов России на основе коммуникативной информационной среды. Форсайт исследование» во Владимирской области было проведено 20 глубинных интервью с представите-

лями политической, экономической, общественной и интеллектуальной элит: руководителями профильных департаментов и комитетов Владимирской области и города Владимира, бизнесменами, главными редакторами СМИ и журналистами, представителями политических партий и общественных организаций региона, представителями образовательных учреждений Владимирской области (руководителями различного уровня).

В ходе исследования респондентов просили дать определения понятиям «человеческий потенциал» и «человеческий капитал». Были получены следующие результаты.

1. Фактически никто из респондентов в своей практической работе не оперирует данными понятиями. Определения давались исходя из наличных знаний и предшествующего опыта. При этом, чем ближе к академической среде был респондент, тем более четкими и развернутыми были определения.

2. Несмотря на крайне ограниченное использование данных понятий в своей повседневной деятельности, все респонденты в своей работе занимаются в той или иной степени формированием человеческого капитала и человеческого потенциала региона.

3. При определении данных понятий выявились три точки зрения. Следует отметить, что респонденты не были ознакомлены с вопросником до начала интервью, поэтому при определении дефиниций возникали определенные проблемы. Во-первых, понятия «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» признавались

почти равнозначными и существенных различий в дефинициях не отмечалось. Во-вторых, все разделения данных понятий можно свести к следующим определениям. Человеческий капитал – это то, что человек может использовать для дальнейшего своего развития как личности, как профессионала, человеческой общности; человеческий потенциал – более широкое понятие, это то, на что человек вообще способен в этой жизни, чтобы этот потенциал раскрыть при наличии определенных механизмов, а также существующих ограничений для его раскрытия. В-третьих, для определенной (значительной) части респондентов понятия «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» вообще не имели смысла, они рассматривали эти понятия как чуждые («По-моему, это довольно сам по себе «вымученный» термин, который не особенно отвечает потребностям»). Для замены данных понятий, в частности, респонденты предлагали понятия «компетенция», «профессионализм» и др.

Далее респондентов просили определить сферы, где формируется человеческий потенциал и человеческий капитал. Большинство респондентов отмечает, что человеческий потенциал и капитал начинает формироваться в семье. Именно стабильность института семьи является залогом развития отдельного человека, региона и страны в целом. Далее за ним следуют школа и система образования в целом. Затем респонденты обращают внимание на трудовую сферу, где формируются человеческий капитал и человеческий потенциал.

Однако при выделении точек роста человеческого капитала и человеческого потенциала респонденты обращали внимание на серьезные проблемы в рамках этого процесса, в том числе в региональном масштабе.

Эксперт 1: «В каждой сфере деятельности свои точки роста, которые определяются исходя из особенностей данных областей: образование, медицина, медийная сфера, промышленное производство и т.д. Однако ключевой проблемой, препятствующей развитию человеческого капитала и потенциала, является качество спроса. Спрос в России не явен, он проявляется после момента профориентации... Человек идет учиться, не будучи уверенным, что он будет трудоустроен по специальности, и, как следствие, он стремится получить как можно более общее образование, при этом качество образования сильно страдает. Точка роста – это спрос. А спрос – он запоздал».

Эксперт 2: «Если мы говорим о человеческом капитале спортсмена, то сегодня для подготовки спортсмена необходима слаженная работа тренера, медицины, фармакологии, системы восстановительных мероприятий, чего у нас в области не хватает. В Москве базы, где готовятся спортсмены, оборудованы всем: спорт и медицина существуют неразрывно. У нас во Владимирской области такого я не знаю нигде».

Эксперт 3: «Точки роста – это грамотная кадровая политика».

В ходе исследования экспертов просили оценить характер влияния сферы коммуникаций – как, например,

реальные коммуникативные сообщества, виртуальные сети с точки зрения их влияния на формирование человеческого капитала и потенциала. Было установлено, что практически все респонденты, которые заостряли внимание на реальных коммуникативных сообществах, позитивно оценивали их роль в развитии человеческого потенциала и человеческого капитала. При этом отмечалось, что негативной тенденцией современного мира является постепенное вытеснение виртуальными сетями реальных сообществ.

Что касается оценок виртуальных сетей, то характер их влияния оценивается неоднозначно. Так, позитивным признается устранение коммуникативных барьеров: возможный доступ информации, облегчение коммуникации между удаленными территориями, устранение статусных барьеров (в частности, общение начальника и подчиненных в виртуальном пространстве позволяет сократить социальную дистанцию между ними и сделать процесс выработки решений по актуальным вопросам более гармоничным) и т.д. Однако на фоне позитивного влияния виртуальных сетей практически все эксперты обращают внимание на их деструктивное влияние на развитие человеческого капитала и потенциала. Эксперт 1: «Виртуальные сети влияние однозначно оказывают. Но развитие, я сомневаюсь. Я бы лично ограничил как можно больше пользование Интернетом, если бы у меня были возможности». Эксперт 2: «Я бы сделал вход в Интернет по паспортам». Эксперт 3: «Сейчас в городе понастроили спортивных площадок, хоккейных кортиков, но я не вижу, чтобы дети там

особо играли. В наше время мы играли бы там день и ночь. Сейчас этого нет. Сейчас же слишком много информации». Эксперт 4: «Развитие происходит в профессиональной среде и на стадии обучения, потом – в профессиональных сообществах. Вот там развивается человеческий капитал. На различных курсах, семинарах, на каких-то корпоративных встречах, внутри: в редакциях, на заводах. А в коммуникативных средствах дошлифовывается, доформируется».

Таким образом, понятия «человеческий потенциал» и «человеческий капитал» в настоящий момент, несмотря на то, что активно включены в общественно-политический словарь и деловой лексикон, имеют в обществе разночтения и толкования и требуют рекомендаций для применения этих терминов в общественной, политической и экономической риторике, выполнения терминологических особенностей и специфики.

Библиографический список

1. Кравченко Е.Н., Шаркевич И.В. Развитие человеческого потенциала в России: региональный аспект // Вестник Самарского муниципального института управления. 2011. № 3.
2. Некрасова Н.А., Харченко Е.В. Источники накопления и составляющие человеческого капитала // Креативная экономика. 2014. № 3 (87).
3. Фиценс Ж. Человеческий капитал: как измерить и увеличить его стоимость: пер. с англ. // Технологии корпоративного управления. 2008. № 10.

I.I. Nechaeva, V.S. Shitko

ON THE NOTIONS OF «HUMAN CAPITAL» AND «HUMAN POTENTIAL»

The paper is targeted at the essence of the notions «human capital» and «human potential». The paper presents the result of sociological research having been done among representatives of regional elites (political, economical, intellectual, etc) of the Vladimir region who are responsible for the formation of regional human potential and human capital.

Key words: human potential, human capital.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРЕЕВА Людмила Сергеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

humbab@mail.ru

АРОНИНА Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

natalya.aronina@mail.ru

БЕЛОУСОВ Павел Алексеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

kafedra-fir@mail.ru

ЕРЕМЕЕВ Александр Евгеньевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

eremeev_ae@mail.ru

КАНТЕРОВ Игорь Яковлевич – доктор философских наук, заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

kafedra-fir@mail.ru

КАТУНИНА Надежда Сергеевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

katuninva@mail.com

КОСТЫЛЕВА Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

irakostyleva@yandex.ru

ЛАБУТИНА Татьяна Леонидовна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.
tlabutina2007@yandex.ru

МАРТЬЯНОВА Светлана Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.
martyanova62@list.ru

НЕЧАЕВА Ирина Игоревна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.
nechaevaii@mail.ru

НИКОЛАЕВА Ирина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.
irina-nikolaeva-v80@yandex.ru

УСМАНОВ Сергей Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий Лабораторией постсоветских исследований ИвГУ, зав. кафедрой церковной и общей истории Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской Православной Духовной семинарии.
orvozi@rambler.ru

ФИЛАНОВСКАЯ Татьяна Александровна – кандидат педагогических наук, доктор культурологии, доцент кафедры эстетики и музыкального образования Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, член-корреспондент МАНПО.
filanovskaya@rambler.ru

ЩИТКО Владимир Сергеевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.
sl100@mail.ru